

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт иностранных языков и литературы
НОЦ «Инновационное проектирование
в мультилингвальном образовательном пространстве»

Серия «Языковое и межкультурное образование»

**Т. И. Зеленина, Л. М. Малых,
Н. В. Буторина, Ю. Н. Кочурова, И. А. Федорова**

**СРАВНЕНИЕ ЛЕКСИКИ
ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ
В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ**

Коллективная монография

Ижевск
2014

УДК 811.1
ББК 81.40
С 75

Авторы:

Раздел 1 (*Л. М. Малых*, канд. филол. наук)
Раздел 2–4 (*Т. И. Зеленина*, д-р филол. наук)
Раздел 2 (*Н. В. Буторина*, канд. филол. наук)
Раздел 3 (*Ю. Н. Кочурова*, канд. филол. наук)
Раздел 4 (*И. А. Федорова*, канд. филол. наук)

Рецензент:

Т. С. Нифанова, д-р филол. наук, профессор (г. Северодвинск)

С 75 Сравнение лексики европейских языков в диахронии и синхронии : коллективная монография / Т. И. Зеленина, Л. М. Малых, Н. В. Буторина, Ю. А. Кочурова, И. А. Федорова ; предисл. и общ. ред. Т. И. Зелениной, Л. М. Малых. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – 244 с.

ISBN 978-5-4312-0261-2

В монографии изучается лексика романских (французского, испанского, итальянского), германских (английского, немецкого) и славянских (русского) языков на диахронном и синхронном уровнях.

Предназначена для преподавателей, аспирантов, магистрантов и тех, кто интересуется сравнительными исследованиями разносистемных и родственных языков, а также вопросами мультилингвального образования.

ISBN 978-5-4312-0261-2

© Т. И. Зеленина, Л. М. Малых, Н. В. Буторина,
Ю. Н. Кочурова, И. А. Федорова, 2014
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский
государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВ	9
Выводы по разделу 1	38
Раздел 2. СИНХРОННО-ДИАХРОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ НАУК (на материале романских, германских и русского языков)	40
2.1. НАИМЕНОВАНИЯ НАУК КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СТАНОВЛЕНИЯ НАУК	41
2.1.1. Лексико-семантическая характеристика слова «наука»	41
2.1.2. Этимология и семантическое развитие терминов, обозначающих наименования наук	46
2.1.3. Хронология появления интернациональных наименований наук	52
2.1.4. Интернациональные и национальные термины в тематической группе «наименования наук».....	57
2.1.5. Становление наименований наук и дифференциация наук.....	60
2.2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НОМИНАЦИИ НАУК	66
2.2.1. Способы словообразования наименований наук.....	66
2.2.2. Семантическая характеристика терминов, обозначающих деятелей наук	79
2.2.3. Гендерный аспект номинации деятелей наук.....	83
Выводы по разделу 2	93

**Раздел 3. СИНХРОННО-ДИАХРОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
(на материале английского и русского языков)97**

3.1. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЛОВАРНОГО
СОСТАВА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ.....99

3.1.1. Интернационализмы как неотъемлемая
составляющая лексического состава языков99

3.1.2. Сравнительная характеристика языковых ситуаций
Англии и России в периоды французского влияния.....104

3.2. ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ
ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (форма и
содержание).....109

3.2.1. Этимолого-хронологическая характеристика
французских интернационализмов.....110

3.2.2. Полисемия и семантическая вариативность
интернационализмов французского происхождения.....120

3.2.3. Французские интернационализмы –
псевдозквиваленты132

3.2.4. Графический и фонетический аспекты
интернационализмов французского происхождения.....140

3.2.5. Грамматическая и словообразовательная
характеристики французских интернационализмов.....148

Выводы по разделу 3160

**Раздел 4. СИНХРОННО-ДИАХРОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ГРАФИКИ
(на материале романских языков).....163**

4.1. ИНОЯЗЫЧНАЯ ГРАФИКА КАК ОБЪЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЯ165

4.1.1. Теоретический аспект изучения иноязычной
графики165

4.1.2. Этимологические написания в романских языках (признаки графического оформления иноязычной лексики)	175
4.2. ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ С ГРАФИЧЕСКИМИ МАРКЕРАМИ sc-, sp-, st- / esc-, esp-, est-	193
4.2.1. Влияние фонетических процессов на графическое оформление слова	193
4.2.2. Этимологическая характеристика французской лексики с изучаемой графикой	197
4.2.3. Этимологическая характеристика итальянской и испанской лексики с изучаемой графикой	211
Выводы по разделу 4	218
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	221
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	225

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Европе на рубеже веков появилось новое понятие «мультилингвальное образование». Европа нацелена на многоязычие.

С конца 90-х гг. в Институте иностранных языков и литературы Удмуртского госуниверситета изучаются вопросы, связанные с формированием многоязычной личности. Первоначально установка была в основном на создание технологий мультилингвального обучения. Это способствовало продвижению научного педагогического направления «Языковое и межкультурное образование и воспитание в полиэтническом регионе» (рук. проф. А. Н. Утехина). Особое внимание при формировании мультилингвальной личности уделялось, в частности, проектированию технологий автономной учебной деятельности.

Со временем стало очевидно, что необходимо не только ответить на вопрос «Как обучать?», но и на вопрос «Чему обучать?». Появилась необходимость в интегративных курсах и, как следствие, это привело к активизации лингвистических исследований в рамках научного направления «Методология сравнения языков и лингвокультур в диахронии и синхронии» (рук. проф. Т. И. Зеленина). В сфере внимания находятся универсальные и специфические / этноспецифические явления в разносистемных языках: романских, германских, славянских, финно-угорских. Большое внимание уделяется интернациональной лексике, которая является одним из значительных пластов лексики в процессе мультилингвального образования. Многолетний опыт работы показывает, что система мультилингвального образования может стать ральным путем многоязычия молодого поколения. Главным условием при этом становится интегрирование учебных дисциплин, направленных на обучение родному, второму и иностранным языкам. Интеграция необходима не только на собственно языковых дисциплинах, но и в других областях гуманитарного знания. Поэтому актуальной становится разработка методологии сравнения языков, литератур, лингвокультур, с тем чтобы обуча-

ющиеся видели не разрозненные факты того или иного языка, а систему языковых отношений и взаимопроникновение языков и культур. Следование принципу интеграции в учебном процессе привело к созданию таких курсов, как «Введение в мультилингвальное обучение», «Латинский язык в контексте современных европейских языков», «Удмуртский язык в межкультурной коммуникации», «Контрастивное страноведение», «Перевод и многоязычие», «Психология мультилингвального образования» (бакалавриат); «Типология языков», «Типология лигвокультур», «Сербский язык и культура в контексте европейских языков и культур», «Психология многоязычия и управление межкультурной коммуникацией» (магистратура).

В рамках лингвистического направления мы стремились проникнуть в лабораторию метода сравнения, выяснить, как он используется в языкознании, выявить закономерности его развития, а также взаимосвязь сравнения с другими важнейшими методами познания, которые в истории науки назывались по-разному, но хорошо известны как идеографический и генерализующий методы. Получение более ясного представления о методологии сравнения напрямую способствует решению вопроса о возможностях интеграции этих двух методов.

В разделе 1 настоящей монографии рассматриваются вопросы сравнения современных языков. Метод сравнения анализируется с позиции динамики его развития. Прослеживается становление метода сравнения в разных направлениях сравнительного языкознания.

В следующих разделах проводятся исследования лексики в историческом развитии и современном состоянии в разносистемных языках. Так, в разделе 2 осуществляется комплексное изучение наименований наук и их производных на материале романских (французском, итальянском испанском), германских (английском, немецком) и русском языках (этимологический, номинативный, графический, семантический, словообразовательный, гендерный аспекты).

Раздел 3 посвящен изучению интернациональной лексики французского происхождения в трех неблизкородственных языка: французском (языке-источнике), английском и русском (языках-рецепторах) на разных уровнях: семантическом, фонетическом, грамматическом и на уровне орфографии. Приводится сравнение языковых ситуаций двух стран (Англии и России) в периоды французского влияния.

В разделе 4 изучаются графические маркеры иноязычного происхождения в родственных – романских языках: французском, итальянском и испанском. Систематизация иноязычных графических формантов осуществляется во взаимосвязи с такими языковыми уровнями, как фонетика и семантика.

Изучение языкового материала в представленных разделах осуществляется в единстве внутренних и внешних факторов на диахронном и синхронном уровнях. Во всех случаях, в явной или скрытой форме, присутствует метод сравнения. С точки зрения традиционного деления на методы сравнения, это и сравнительно-исторический, и сравнительно-типологический, и сравнительно-сопоставительный методы. В монографии осуществляется интеграция методов сравнения при исследовании лексики родственных и неродственных языков в контексте гуманитарных знаний.

Книга может быть рекомендована преподавателям, аспирантам, магистрантам и тем, кто интересуется сравнением языковых явлений разносистемных языков в разные периоды их развития, а также вопросами мультилингвального образования.

*Т. И. Зеленина, директор НОЦ;
Л. М. Малых, директор
УМЦ «УдГУ-Лингва»*

Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Науковедение всегда интересовалось широким кругом вопросов, связанных с осмыслением природы многообразия и уникальности, с одной стороны, и обнаружения универсальных законов в рамках этого многообразия – с другой. В решении этих вопросов важная роль отводится сравнению как методу научного познания, которым активно пользуются ученые на протяжении всей истории существования науки. За длительный период развития языкознания сформировалось несколько научных направлений, основанных на открытом сравнении одного языка с другим. Первым наиболее важным из них является сравнительно-историческое языкознание, из которого выросло все современное языкознание. Согласно паспорту специальности 10.02.20, к ним также относятся типологическое и сопоставительное (контрастивное) языкознание [Паспорт, URL]. К этим уже традиционным дисциплинам примыкает и сравнительная (сопоставительная) лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных этносов [Евсюкова 2002, URL]. При этом роль метода сравнения такова, что, независимо от степени открытости его использования, без сравнения не обходится ни одно лингвистическое исследование, так как, по мнению Вяч. Вс. Иванова, в любом научном анализе содержится сравнение данного языка с некоторым общелингвистическим эталоном, играющим роль метаязыка описания процесса и результатов исследования [Языкознание 1998: 620], что является важной составляющей методологии сравнения языков.

Меняются научные парадигмы, а вместе с ними и представления о методах исследования. Чтобы понять, как эти изменения касаются метода сравнения, стоит попробовать применить к нему прием внутринаучной рефлексии, под которым понимается изучение собственно гносеологических и методологических проблем, углубленная разработка и совершенствование методов

и приемов научного познания и формирование новых [Философия 2006: 323]. Что касается метода сравнения, то в языкознании условия для его внутринаучной рефлексии вполне созрели в связи с более чем столетней историей его развития. Ретроспекция на данный метод с позиций синтеза и целостности методологических подходов позволяет взглянуть на разные направления сравнительного языкознания с единых оснований, ощутить внутреннюю логику развития этого метода, очертить перспективы его дальнейшего развития.

В самом общем виде сравнение определяется как мыслительная операция, позволяющая установить сходство или различие предметов и явлений [Рогов 1998: 109]. Практика научного исследования, основанного на сравнении, также опирается на эти две базовые категории познания. Однако обращение к истории развития метода сравнения показывает, что выявление сходств и различий между сравниваемыми предметами в научном познании играло разную роль. Общепринято мнение, что сравнительно-историческое языкознание видит своей задачей обобщение, главным образом, сходных черт между сравниваемыми языками с целью установления степени родства между ними. «Задача историка-лингвиста состояла в том, – отмечает французский лингвист А.-Ж. Греймас, – чтобы, приблизившись, насколько это возможно, к истокам, свести различия к тождествам» [Греймас 2004: 25].

Акцент на поиске сходств между языками не значит, что различия не интересовали и не интересуют историческое языкознание. Но фиксируемые лингвистами различия являются своего рода отправным пунктом для выявления сходств, аналогий между языками. Так, ими отмечается сравнительная легкость установления родства языков флективного типа, к которым по большей части относятся индоевропейские языки. Это вызвано тем, что все эти языки изобилуют аномалиями. Наоборот, языки с регулярной морфологией, как, например, тюркские, плохо поддаются сравнению [Климов 1990: 34].

Аномалия, с точки зрения лингвиста-историка, – это несходства / различия языков. Из этого следует, что несходства воспринимаются в традиционном сравнительно-историческом исследовании не более чем отклонения от нормы, лишь облегчающие поиск сходств генетического характера. Как результат, несколько десятилетий практического применения сравнительно-исторического метода выявили не только его несомненные достоинства, но и некоторые слабые стороны, например, тот факт, что сравнительно-историческим методом можно исследовать сходства, но он малоэффективен при исследовании различий между языками [Введение 1998: 34].

Сравнение флексий слов родственных языков в их историческом развитии приводит к изучению так называемых *генетических сходств*. Важно далее подчеркнуть, что генетические сходства носят исключительно формальный характер. Речь идет о приоритете сходств материального фонда языков, который более надежен и устойчив в процессе исторического развития, чем содержание, передаваемое данными формами. В связи с этим «тезис, типа значение *m* в языке *A* соответствует значению *n* в языке *B* абсурден, с точки зрения сравнительно-сопоставительного языкознания» [Языкознание 1998: 487]. Историка языка интересуют формальные сходства и различия, а не содержательные. Как известно, родственные слова в разных языках со временем развивают новые значения, следовательно, содержание является зыбкой почвой для генетического исследования.

Развитие типологии протекало параллельно со сравнительно-историческим языкознанием. Формирование данного научного направления было подготовлено лингвистикой XVIII в. – философией языка (Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, И. Г. Гердер) и универсальной («всеобщей») грамматикой, показавшей принципиальную сопоставимость языков различного происхождения [Языкознание 1998: 514]. Одним из теоретических понятий, лежащих в основе типологического сопоставления языков, является понятие лингвистических универсалий, т. е. таких элементов и свойств языка, которые присущи всем языкам мира

или большинству из них [Репина 1996: 7]. Из этого следует прямой ответ на вопрос о соотношении роли изучения сходств и различий в классических типологических исследованиях. Выявление сходств первично: типология обнаруживает за разнообразием фонологических и грамматических систем ряд объединяющих их элементов и существенно ограничивает многообразие языков, кажущееся на первый взгляд бесконечным [Якобсон 2001: 335].

Что касается характера сходств в типологических исследованиях, в отличие от генетического сходства их можно объединить понятием «структурное сходство», пришедшим в лингвистику XX в. вместе с появлением структурной лингвистики. Сочетание структурной лингвистики с типологией привело к возникновению структурной типологии, исследующей общие закономерности строения отдельных фрагментов языковой системы и языка в целом [Языкознание 1998: 496]. Изучение особенностей корреляции формы и содержания в структурном (типологическом) сходстве позволяет заключить, что структурное сходство, так же как и генетическое сходство, в первую очередь ассоциируется со сходством в форме языковых единиц, а не с их содержанием / значением. Существенное отличие типологического сходства от генетического заключается в объекте исследования: введение в процедуру анализа не только родственных, но и неродственных языков на уровне синхронии, а не диахронии. Другой важной особенностью структурного сходства, выявляемого типологическим методом, является его большая обобщающая сила. Типологическое сходство, по мнению исследователей, это наиболее общий вид структурного сходства между языковыми системами по сравнению с ареальным и диахроническим сходством, так как оно не ограничено ни временем, ни пространственными рамками и может определяться для любых языков и любых состояний языков [Широкова 2006: 84].

Анализируя глубину проникновения в особенности корреляции формы и содержания при выявлении типологических сходств,

можно сделать вывод, что в традиционной (классической) типологии форма и содержание языковых единиц далеко не всегда рассматриваются как диалектическое единство. Судя по тому, что выделяются два основных направления современной типологии – структурная и контенсивная, приоритет отдается либо изучению формы, либо содержания. Так, В. А. Виноградов подчеркивает, что в типологии понятие соответствия не является обязательно двуплановым (в форме и значении) и может ограничиться только формой или только значением сопоставляемых единиц. Формальная (структурная) типология ориентирована на план выражения, а контенсивная типология – на семантические категории языка и способы их выражения [Языкознание 1998: 513].

Таким образом, характеризуя типологию сходств в целом, можно сделать вывод, что в истории сравнительного языкознания зафиксировано три типа сходств: генетическое, ареальное и структурное (типологическое) [Широкова 2006: 83], из которых наибольший интерес для нашего исследования представляет анализ генетического и структурного сходства как двух крайностей в этой триаде. При всех различиях этих понятий их объединяет единый подход к исследованию языкового материала: его движение от частного – к общему. Это период развития языкознания, связанный с накоплением и систематизацией фактов из разных языков.

Изучение сходств между языками не потеряло своей актуальности и в современном языкознании. Единообразие, обнаруживаемое в конкретных языках, определяет суть человеческого языка, поэтому высказываются мысли, что описание межъязыкового единообразия является делом более важным, чем описание межъязыковых различий, поскольку это позволяет установить параметры психологического единства человечества [Шафиков 2008: 6]. Выявляемые учеными сходства между типологически и генетически неродственными языками столь разительны, что теория о единстве всех языков («нордическая теория») только набирает обороты с увеличением базы данных. Основным предметом подобных исследований являются по-преж-

нему грамматические категории, например категория принадлежности, времени, частей речи, состояния и т. д., исследуемые в таких разносистемных языках, как удмуртский, русский, башкирский, татарский, английский, немецкий, французский и т. д. [Актуальные 1998].

В то же время все возрастающий интерес к содержательной стороне языковых знаков повышает значимость другой составляющей метода сравнения – нюансов, тонкостей, специфики содержания, нередко спрятанного за внешне (формально) сходными языковыми единицами. Введение в оборот типологических исследований категории различий существенным образом изменяет и усложняет процедуру сравнения языков. Во-первых, изучение различий между языками, а, следовательно, усиление внимания к содержанию языковых единиц в отличие от их формы, приводит ученых к необходимости введения понятия «подход» сравнения: «от формы – к значению (содержанию)» или от «значения – к форме». В другой терминологии речь идет о «средствах» и «функциях», ими выполняемых. Во-вторых, меняется направление исследования, под которым в данной работе понимается его движение от общего к частному или от частного к общему. Выбор направления сравнительного исследования зависит от состояния изученности общих вопросов языкознания при сравнении конкретных языков. Так как для романских языков, например, инвентарь грамматических универсалий в основном выявлен, а понятийные категории более или менее однотипны во всех языках, универсалии могут быть приняты в качестве «данного», а не «искомого». Именно такой подход – от общего к частному – дает возможность сосредоточиться на различиях между языками [Репина 1996: 9].

По мнению Р. А. Будагова, между языками существует два типа расхождений: 1) та или иная категория «может быть, а может не быть»; 2) данная категория есть, но наблюдаются различия в ее использовании [Будагов 1985: 150]. Неблизкородственные языки часто характеризуются первым типом типологических различий: у них могут отсутствовать те или иные грам-

матические конструкции, например перфект или грамматическая категория детерминации. Так, в романских языках категория детерминации (категория определенности-неопределенности) является грамматической, основным средством ее выражения выступает артикль. В русском языке – это смысловая (понятийная) категория. И в этом – существенное структурное и, соответственно, типологическое различие русского и романских языков [Репина 1996: 65]. Следовательно, одним из важных типов различий является *структурное различие*, характеризующееся по отсутствию – наличию грамматических средств выражения (формы, в нашей терминологии) схожего содержания в разных языках.

Второй тип различий, отмеченный Р. А. Будаговым (изучаемая категория есть в обоих сравниваемых языках, но наблюдаются различия в ее использовании), чаще выявляется при сравнении близкородственных языков. Так, изучение грамматической категории вида в славянских языках приводит исследователей к выводу, что при всем сходстве формальных способов выражения данной категории, в их употреблении наблюдаются существенные различия, позволяющие разделить славянские языки на две большие группы в зависимости от особенностей употребления видов [Аркадьев 2011: 8]. Этот тип различий можно назвать *содержательным различием*. Выявление подобных различий между языками основывается на наличии сходных грамматических форм, отталкиваясь от которых исследователь вскрывает содержательные различия в их употреблении.

В целом можно сделать вывод, что изучение различий (структурных и содержательных) является инструментом более глубокого понимания обоих сравниваемых языков, так как способствует установлению диалектики формы и содержания языковых единиц. Ярким примером может быть сравнение русского и английского (как и других западноевропейских) языков по вопросам выражения в них грамматической категории аспектуальности. Как известно, аспектуальность является специфической

проблемой русского языка. Однако сравнение способов выражения тонких оттенков аспектуальности, не свойственной английскому языку, с русским языком позволяет «увидеть» то, что практически невозможно обнаружить при изучении русского языка без сравнения с соответствующими конструкциями английского языка [Контрастивная 1984: 27]. Так, сравнение русских видовых конструкций типа (1) *Читайте книги!* и (2) *Прочтите книги!* с их английскими эквивалентами (1a) *Read books!* и (2a) *Read the books!* помогает выявить тот факт, что в первом случае мы имеем дело с пожеланием, в котором не имеются в виду никакие конкретные книги, а во втором, напротив, это, скорее, повеление прочесть какие-то определенные книги. Эта смысловая особенность, имплицитно представленная в русских видовых конструкциях, эксплицирована в соответствующих английских предложениях с помощью определенного артикля [Аркадьев 2010: 5] и т. д.

Изучение различий, как структурных, так и содержательных, свидетельствует об отходе от «классического» предмета исследования в типологии. Поиск содержательных различий, по причине их меньшей обобщающей силы, еще больше отдаляет процедуру сравнения от традиционного предмета изучения типологии. Переход от структурных сходств к структурным различиям и, далее, к содержательным различиям – это качественный переход, важный для становления процесса постепенного отхода от традиционной структурной типологии к контенсивной типологии, приближающейся к контрастивной лингвистике. Это движение на пути к углублению познания языков через изучение не столько структурных сходств, сколько содержательных различий между ними. В направлении анализа от общего к частному, через структурные сходства к содержательным различиям проявляется поступательное движение сравнительных исследований.

Движение от всеобщего к специфическому как цели межязыкового сравнения вполне согласуется с общей динамикой социального познания, в котором на современном этапе явления

и процессы исследуются, главным образом, со стороны качества и единичного (индивидуального), а не количества и всеобщего [Философия 2006: 316]. Так и в языкознании: оттолкнувшись от изучения наиболее общих языковых законов, ведущих к установлению родственных связей между языками, а также типов языков, ведущих к установлению наиболее общих структурно значимых закономерностей в языках мира, сравнительные исследования все более погружаются в частные, с точки зрения типологии, содержательные различия.

Проведенный анализ показывает наличие определенной последовательности в развитии взглядов лингвистов на категорию индивидуального (различного, несходного) в сравнительном языкознании¹. Первый важный вывод касается того факта, что прицельное изучение различий между языками позволяет получить новые нетривиальные знания о сравниваемых языках. В этом смысле сходства, пользуясь терминологией актуального членения предложения, выполняют роль данного, известного, отталкиваясь от которого лингвист выявляет различия – неизвестную, новую информацию о сравниваемых величинах. Второй, связанный с первым, вывод свидетельствует о том, что при всей роли изучения различий между сравниваемыми языками, индивидуальное не существует без общего, вместе с которым оно составляет динамическое целое. Однако анализ становления и развития метода сравнения показывает, что интерес к сходствам и различиям у лингвистов не является «сбалансированным». Длительная история сравнительного языкознания позволяет взглянуть на методологию сравнитель-

¹ Следует констатировать, что единый термин для обозначения всех направлений, занимающихся сравнением языков, не найден. Наиболее оптимальным термином, который понятен всем лингвистам, не пересекается с названиями других научных дисциплин и отвечает требованию широты охвата всех направлений языкознания, занимающихся сравнением языков (сравнительно-историческое, ареальное, сравнительно-сопоставительное, контрастивное и т. д.), является, на наш взгляд, *сравнительное языкознание*. Данный термин в качестве обобщающего предложен Г. А. Климовым [Климов 1990: 6].

ных исследований как динамическую шкалу, в которой сравнение языков начинается с поиска полных сходств между языками и постепенно переходит к изучению различий между ними. Данная шкала демонстрирует изменение предмета сравнительного исследования языков в направлении от общего и максимально сходного к частному и все более различному. По мере движения вправо по шкале наблюдается уменьшение роли структурных сходств, с которыми в большей степени ассоциируется изучение формы языковых единиц, и усиление интереса к содержательным различиям между сравниваемыми языками. Центральную часть данной шкалы можно изобразить, например, следующим образом:

... *структурные сходства* (универсалии, типы языков) → *структурные различия* (при определенной общности содержания сравниваемых языков) → *содержательные различия* (при определенной общности формы, т. е. при структурных сходствах сравниваемых языков) ...

То, что представлена центральная часть шкалы, можно судить по тому факту, что роль формы при определении содержательных различий между сравниваемыми языками существенна и отрефлексирована исследователем. Это, главным образом, грамматический уровень сравнительного исследования. Можно ли продолжить движение по шкале вправо? Безусловно, если привлечь к результатам сравнения лексико-семантический уровень языков. Ученые подчеркивают, что для уяснения типа языка исследователь должен отсесть все *специфически индивидуальное*, что имеется в данном языке или группе языков [Аракин 1989: 7]. Следовательно, в данной шкале, отражающей результаты сравнения, главным образом, грамматического уровня языков, в полной мере не отражены «специфически индивидуальные» особенности, которые, как представляется, вскрываются в основном при изучении слова как носителя лексического, а не грамматического значения.

Сравнение лексической семантики разных языков позволяет продолжить представленную выше шкалу постепенных

количественно-качественных переходов от более-менее общего в языковой форме и лексической семантике к все более частному, практически трудно сопоставимому. На одном конце этой шкалы можно расположить интернациональную лексику. Как известно, для получения статуса интернациональной необходимо, чтобы лексические единицы имели сходство в нескольких (достаточно трех) языках по четырем признакам: сходство в графическом, фонетическом и, как правило, семантическом отношениях, а также наличие общего этимона [Кочурова 2010: 6]. Благодаря этому пласту лексики можно легко определить значения интернациональных слов из незнакомого языка, например испанского: *avance*, *balance*, *vagón*, *galleria*, *delicado*, *idiota*, *interes*, *carrera* и др.

На другом конце нашей воображаемой шкалы расположится безэквивалентная лексика. К данному типу относятся слова, семантика которых соотносится с обозначением специфических для определенной культуры реалий. И реалии, и слова, их обозначающие, являются уникальными, единственными в своем роде, поэтому их в принципе не с чем сопоставлять или сравнивать [Манакин 2004: 138]. Например, рус. *сарафан*, укр. *трембита*, серб. *коло*, англ. *pie*, фр. *vingt-quatre heures*, нем. *Eintopf* и т. д. Следовательно, как форма слова – его графическая и звуковая оболочка, так и его лексическое значение являются «пустым звуком» с позиций другого языка, другого языкового сознания, которому «не за что зацепиться», чтобы понять его.

Закономерен в связи с этим вопрос, является ли поиск различий между языками конечным пунктом сравнительного исследования, тем пределом, дальше которого метод сравнения в языкознании развиваться не может. Лингвисты с тревогой отмечают, что в отечественном языкознании растет поток работ, целью которых является установление различий между языками, культурами и типами ментальностей. Поднимается в связи с этим вопрос о проблеме абсолютизации различий в языках и культурах [Нифанова 2004: 73]. Более чем современно

звучат слова В. Н. Ярцевой, подчеркивавшей на заре становления контрастивной лингвистики, что работы, в которых ищется только несходное, разделяющее в языках, не создают основ для творческого развития контрастивных исследований, так как они не раскрывают диалектическую связь формы и содержания в языке, связь языковых явлений и мыслительных категорий, своеобразие отдельных, единичных языков, сочетающих в своем строе общее и особенное [Ярцева 1981: 37]. Следует обратить внимание и на мнение философов-компаративистов, которые предупреждают, что тенденция подчеркивать различия во взглядах, понятиях, значениях, свойственная современному гуманитарному знанию, является достаточно опасной. Конечный результат подобного сравнения парадоксален, ибо, в конце концов, остаются только различия, ведущие к бесконечному дроблению знаний, закрытости культур и вавилонскому столпотворению [Сравнительная 2000: 135].

С изучением различий между сравниваемыми языками ассоциируется, главным образом, контрастивная лингвистика, что сближает это направление с лингвокультурологией, точнее, с ее разделом – сравнительной лингвоконцептологией, поскольку контрастивное описание лексических единиц, отмеченных этнокультурной спецификой, по существу имеет дело с лингвокультурными концептами как некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса [Воркачев 2003, URL]. Но, как бы ни назывались направления сравнительного языкознания, в исторической перспективе цель сравнения языков выглядит как движение исследования от общего к частному, от поиска максимальных сходств – к типологически (структурно) несущественным, но важным для понимания содержательной стороны языковых знаков различиям.

При этом складывается впечатление, что языкознание в поиске различий между языками и культурами достигло определенного предела, свидетельствующего о том, что созрели условия для анализа новых подходов к ключевой философской

проблеме языкознания – поиску диалектической связи формы и содержания языковых единиц, большой вклад в осмысление которой вносит сравнительное языкознание. Однако это является непростой задачей и для современных исследований, что вполне объяснимо, так как «взаимоотношение между звуковыми формами и их функциональным содержанием – одна из центральных проблем теории языка» [Кацнельсон 1986: 281], следовательно, одна из наиболее сложных в методологическом плане.

Причины методологических затруднений, которые наблюдаются в современных сравнительных исследованиях, кроются в более глубоких философско-познавательных проблемах. Философы размышляют о том, что вопрос о логике индивидуального, т. е. о логике, не подводящей предмет под общие определения, а выявляющий его специфику, остается открытым. С другой стороны, существует также серьезная методологическая проблема связи или «совмещения» идеографического и обобщенного представлений одного и того же предмета, скажем, представления о человеке как элементе связей и уникального субъекта [Современный 2004: 265].

Отсутствие ясности на данный момент в понимании цели сравнения языков как носителей определенной культуры (лингвокультуры) и уровня обобщения найденных закономерностей сказывается и на крайне противоречивом видении роли гуманитарных дисциплин, в том числе и языкознания, в понимании культуры. С одной стороны, утверждается, что «в гуманитарной группе наук основная задача связана с изучением индивидуального характера культур, их сравнением; обобщение выступает как вторичная задача [Культурология 1997: 280]. С другой стороны, подчеркивается, что без использования методов гуманитарных наук невозможно рассмотрение культуры на уровне ее масштабных динамических трансформаций, цивилизованного развития в целом, так как «методы гуманитарных наук обладают большой обобщающей и, вместе с тем, познавательной способ-

ностью видеть за внешними конкретными явлениями культуры ее глубинные отношения и схематизмы сознания» [Там же: 282].

Внутринаучная рефлексия метода сравнения, широко используемого в языкознании и других гуманитарных науках, показывает, что в этом противоречивом толковании роли гуманитарного знания, на самом деле, нет противоречия. Язык является хранилищем как общих представлений, так и средством выражения тонких личных переживаний. Это дает возможность проводить исследования в лингвистике и, шире, филологии, пользуясь метким замечанием С. С. Аверинцева, на уровне «макроструктур» и «микроструктур»: на одном полюсе сосредоточены глобальные обобщения, на другом – выделяются минимальные единицы значений и смысла [Там же: 494]. Следует, однако, обратить внимание, что в комментарии ученого вновь речь идет о двух полюсах, возможно, одной шкалы, на которой глобальные обобщения и минимальные единицы смысла «не встречаются», так как они соответствуют двум непересекающимся точкам, находящимся на одной плоскости. Таким образом, можно констатировать, что методологической проблемой современного языкознания является поиск того, что выше было названо «совмещенным представлением изучаемого предмета»: как элемента общей системы, с одной стороны, и как уникального явления, с другой.

Выход из сложившегося методологического затруднения философы видят в создании иных условий отношения частного к всеобщему, чем условия разнонаправленности или взаимного исключения [Сравнительная 2000: 135]. В связи с тем, что метод сравнения обладает неограниченными возможностями в выявлении как общих закономерностей, так и особенностей, частных, следует надеяться, что его дальнейшее развитие будет способствовать разрешению назревшей проблемы. О глубокой взаимосвязи общего и индивидуального размышлял В. Гумбольдт, когда отмечал, что, хотя сравнительная антропология направлена на изучение индивидуальных характеров, это (в отличие от физиологической антропологии) «не погоня за многочислен-

ными различиями», а выявление отношения отдельных «своеобразий к общему идеалу человечества» [Гумбольдт 1985: 331]. И современные исследователи, задумываясь над вопросами методологии сравнительных исследований, приходят к схожему выводу о том, что рассмотрение каждого конкретного языка и его особенностей на фоне единства всех языков – это основной принцип любого сопоставления и в то же время наиболее сложный путь лингвистического исследования. Лингвисты, сумевшие в конкретных языковых фактах увидеть общие закономерности устройства языка, смогли в частности найти ответ глобальных и поэтому единых сил, действующих в языках, оставили след в науке. И, наоборот, малозначительными остаются те работы, в которых, хотя и добросовестно, описываются многочисленные примеры наблюдений над языковыми фактами без осмысления их места в общей системе знаний о языке и мире [Манакин 2004: 65].

Вероятно, эти и подобные размышления приводят ученых к выводу, что направления сравнительного языкознания, пристально изучающие различия между языками (и культурами), и типология как одно из фундаментальных направлений языкознания, занимающееся выяснением наиболее общих закономерностей различных языков и обладающее в связи с этим большой объяснительной силой, находятся друг с другом в диалектической связи как частное и общее. В возможности увидеть это диалектическое единство между ними заключается, как нам думается, смысл развития метода сравнения. Попробуем выяснить, какие предпосылки для дальнейшего развития метода сравнения и, соответственно, все более глубокого познания языка и культуры имеются в современном языкознании.

1. С учетом того, что уровень лексической семантики слова является актуальным предметом изучения в современных направлениях: контрастивной лингвистике и лингвокультурологии, речь идет о перспективах создания типологии слова как носителя, в первую очередь, лексической семантики. Это направление сравнительных исследований в большей степени

известно под термином «типология межъязыковых лексических соответствий». Создание подобной типологии без обращения к форме слова – его звуковой, графической и грамматической оболочке, вряд ли возможно. Слово должно рассматриваться в единстве двух его основных составляющих – (грамматической) формы и (лексического) содержания, где форма и содержание могли бы играть роль «равноправных партнеров». Для иллюстрации «неисчерпанных возможностей» формы слова при изучении его содержательных особенностей стоит вновь вернуться к рассмотрению безэквивалентной лексики.

Казалось бы, при изучении этого пласта лексики лингвистика достигла того предела, когда вопрос о диалектике формы и содержания снимается, так как в процессе сравнения какая-то часть сравниваемых языковых знаков по определению должна иметь что-то общее – либо форму, либо содержание, чего, в целом, не скажешь о данных лексических единицах, которые, как известно, не имеют эквивалентов в других языках. Однако этот предел, которого достигает безэквивалентная лексика по отношению к форме и содержанию как основным коррелирующим факторам сравнения языковых единиц в разных языках, также очень относителен. Во-первых, выделяются несколько разновидностей безэквивалентной лексики. Большую ее часть составляют слова, попавшие в эту группу только потому, что они соотносятся не с отдельными словами в другом сравниваемом языке, а со словосочетаниями: укр. *падолист* – рус. *опавшая листва*; рус. *сутки* – англ. *twenty four hours*; серб. *забавник* – рус. *газета, журнал развлекательного содержания* и т. д. Во-вторых, сюда же относятся и слова, значения которых, т. е. понятия, связанные с ними, в других языковых социумах хранятся на невербальном уровне, но при необходимости могут быть пояснены при помощи языка. Так, в русском литературном языке нет слов, соотнесенных по значению с укр. *ступак* «загнутый верхний край лопаты». Но это не говорит о специфичности данного понятия в украинской языковой культуре: оно осталось незамеченным русским языком, но не сознанием [Манакин 2004: 148]. И, в-третьих,

безэквивалентность как явление касается, как правило, только двух языков. Нередко относительно третьего (четвертого) языка безэквивалентное становится вполне эквивалентным. Так, русские слова *квас*, *кириллица* безэквиваленты по отношению к английскому или французскому языкам, но не по отношению к украинскому, белорусскому, болгарскому [Там же: 139].

2. Современные исследования лексики проводятся в соответствии с основными требованиями научного метода сравнения: от общего критерия сравнения – к двум (трем и более) сравниваемым языковым единицам, в результате чего устанавливаются сходства и различия между ними по заданному критерию. Длительная история изучения лексической семантики способствовала выделению большого числа подобных критериев, которые нередко называются *tertium comparationis* – «третий член сравнения», т. е. общее между сравниваемыми предметами или основание сравнения в разной терминологии. Лингвисты полагают, что самый полный набор подобных критериев (всего сорок наименований) для всестороннего синхронного контрастивного анализа лексики составлен Ю. Н. Карауловым. Приведем ряд из них: орфография слова, графическая длина слова, ударение, произношение, часть речи, грамматический род, морфологическое членение слова, словарное толкование, стилистический параметр, эмоционально-оценочный параметр, этимология слова и т. д. [Караулов 1981: 75–76].

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что все критерии сравнения лексики делятся на две большие группы: критерии, которые в большей степени связаны с формой слова, например орфография, произношение, морфологическое членение слова, и критерии, в большей степени ориентированные на содержательный анализ слова, например стилистический параметр, словарное толкование и т. д. Следовательно, этим «категориальным общим», которое служит отправной точкой контрастивного анализа, являются как содержательные, так и структурные сходства.

Во-вторых, совершенно очевидно, что выявленные учеными критерии сравнения лексики являются абстракциями от

частных языков, частных эмпирических данных. К их выделению лингвисты смогли прийти на соответствующем уровне развития теории языка. Наличие эксплицитно сформулированных критериев, которые охватывают достаточно репрезентативную часть соответствующих эмпирических данных, является, по мнению ученых, важным показателем методологической зрелости любой индуктивной науки (в том числе лингвистики) [Сильницкий 2004: 3]. Описание любого уровня языка, подчеркивает Вяч. Вс. Иванов, всегда включает ссылку на некоторые языковые универсалии данного уровня [Языкознание 1998: 620], отталкиваясь от которых становится возможным изучение более частных явлений по более детально очерченным критериям сравнения. Отмеченные выше критерии сравнения лексики из исследования Ю. Н. Караулова являются разновидностями подобных универсалий, которые играют роль метаязыка исследования языковой (лексической) семантики. В этом широком смысле изучение любого уровня конкретного языка включается в типологическое языкознание, способное отвлекаться от пространственно-временных особенностей сопоставляемых языков.

Как и в любых сравнительных лингвистических исследованиях, при сравнении семантики используются три типа эталона сравнения, выбор которых определяется свойствами сопоставляемых единиц: 1) за эталон принимаются свойства, абстрагируемые от свойств единиц одного из сопоставляемых языков; 2) эталон представляет собой конструкт, образованный из искусственных семантических признаков; 3) эталон формируется из признаков, общих для всех сопоставляемых единиц [Воркачев 2003, URL]. Думается, что набор признаков-критериев для сравнения лексики, предложенный Ю. Н. Карауловым, можно рассматривать как эталон-конструкт, образованный из искусственных семантических признаков, т. е. используемых лингвистами *a priori*. Независимо от типа эталона для сравнительного изучения семантики слова его наличие свидетельствует о принципиальном сходстве методологии сравнения лексических единиц и грамматических (морфо-

логических, синтаксических) структур. В обоих случаях системный подход является важным принципом проведения исследования. Он позволяет проводить сравнительное изучение объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определенность. При этом следует признать, что в сопоставительных исследованиях, посвященных описанию конкретных семантических единиц, эталон для сравнения, как правило, эксплицитно не формулируется и используется интуитивно – «по умолчанию» [Воркачев 2003, URL]. Исследователь опирается не на все критерии, а на несколько или, как правило, на один, что делает процедуру сравнения достаточно гибкой, но зависимой от исследовательских предпочтений и создает впечатление определенной «атомарности», «бессистемности» проводимого анализа. Следовательно, встает вопрос о системном подходе к использованию критериев сравнения лексики, основанных как на формальных, так и содержательных признаках слова.

3. Привлечение типологии (типологического метода) к результатам сравнения лексики ставит вопрос о смене направления исследования, т. е. его движении не от общего – к частному, а от частного – к общему. Более точно, речь идет о совмещении этих двух подходов в рамках одного исследования: от общего – к частному и от частного – к общему. Изучение возможностей совмещения этих двух подходов вызывает необходимость более тщательного анализа того, как в практических сравнительных исследованиях решается вопрос взаимоотношения общего и частного в процессе сравнения языков, а также связанный с ним вопрос о роли сходств, как формальных, так и содержательных, в результатах сравнения лексики.

Приведем ряд примеров из исследований В. Н. Манакина по сопоставительной лексикологии славянских языков. Обращает на себя внимание тот факт, что использование отдельных критериев сравнения позволяет исследователю «расставлять акценты» и делать осознанный выбор в поисках либо сходств, либо различий между сравниваемыми языковыми единицами.

В. Н. Манакин делает акцент на различиях, учитывая, что исследование родственных, т. е. во многом совпадающих языковых систем, делает поиск различий гораздо более ценной и интересной задачей. Так, если лексика сравнивается по категории рода в близкородственных языках, используемый им критерий сужается до «различий в категории рода». В связи с этим им отбираются примеры ярких несовпадений по этому критерию. Например, в первую группу попадают однокоренные существительные: рус. *берлога* (ж. р.) – укр. *барліг* (м. р.) и др.; во вторую группу попадают разнокоренные существительные: рус. *здание* (ср. р.) – укр. *будинок* (м. р.) и т. д. [Манакин 2004: 186]. В целом же, делает вывод автор, применительно к родственным и близкородственным языкам грамматические признаки слов чаще всего совпадают, т. е. являются типологическими [Там же: 193].

В другом исследовании коллектива авторов при сравнении чешских и белорусских параметрических прилагательных отмечается, что в обоих языках наблюдается сходство механизма возникновения переносных значений. В каждой паре прилагательных одно из них, с большим значением размера, в переносных значениях получает положительные коннотации, с меньшим значением – отрицательные. Однако существуют и исключения. Так, белор. *тонкі* получает значение «трудный для восприятия, т. е. требующий мастерства». Или возьмем другой пример относительно способов выражения времени в этих языках. Авторами отмечается, что лексико-семантическое поле времени имеет в обоих языках сходную иерархическую структуру. Однако и здесь наблюдаются различия в сегментации лексико-семантического пространства: в чешском языке отсутствует специальная лексема для выражения понятия «сутки» (белор. *суткі*); напротив, в белорусском языке нет однословных эквивалентов чешских слов *dopeldene* «в первой половине дня» и *odopeldene* «во второй половине дня» [Лингвокультурный 2011: 22] и т. д.

Приведенные примеры сравнения лексики достаточно типичны. Их обобщение позволяет не только проиллюстриро-

вать существующие подходы к процедуре сравнения лексики, но и получить представление о взаимодействующих в ходе сравнения категориях, в том числе, и интересующей нас категории сходства. Анализ экспериментальных данных показывает, что и при акценте исследовании на различиях сходства играют далеко не последнюю роль в процессе и результатах сравнения, в том числе и лексики. Во-первых, сходства выступают тем категориальным общим – «данным» (известным) или «темой», отталкиваясь от которого исследователь находит «новое», еще непознанное. Это тот самый *tertium comparationis* (*tc*) – «третий член сравнения», или критерий сравнения, наличие которого свидетельствует о возможности подведения сравниваемых языковых величин под одну общую категорию и делает их принципиально сопоставимыми по заданному критерию. В первом примере *tc* выступает, скорее всего, «категория рода», во втором – «переносное значение» и «время» соответственно.

Опираясь на эти общие категории, авторы в результате процедуры сравнения тех или иных языковых явлений, приходят к выявлению различий между ними. В результате создается впечатление, что в процедуре сравнения участвуют только два типа величин по степени их обобщенности: общее (*tc*) и частное (выявленные различия). Казалось бы, в этом нет противоречия, ведь хорошо известно, что «будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами, которые можно определить как общее и отдельное (индивидуальное), абстрактное и конкретное» [Карцевский]. Стоит, однако, обратить внимание на то, что выделение двух крайних точек – общего и частного в процессе сравнения, вновь приводит исследователей к метафоре «двух полюсов», которые не пересекаются, не встречаются, так как «общее» (*tc*), сыграв свою роль в качестве отправного пункта сравнения, больше не интересует исследователя. В таком случае движение исследования возможно только в одну сторону (вправо): от общего → к частному и от сходств → к различиям:

Рис. 1. Направление сравнительного исследования с позиций линейного двухполюсного отношения

Во-вторых, менее очевидно наличие еще одного типа сходства в рассматриваемых примерах. Оно выявляется как результат сравнения языковых единиц по заданному критерию, наряду с различиями. Его присутствие обозначено слабым намеком («грамматические признаки слов чаще всего совпадают» или «в обоих языках наблюдается сходство механизма возникновения переносных значений» и т. д.), ибо все внимание исследователя сосредоточено на поиске различий между сравниваемыми языковыми единицами. В современных исследованиях этот тип сходства просто фиксируется как типичный вариант взаимоотношений между сравниваемыми явлениями (фиксируется «автоматически») с целью подчеркивания нетипичного, уникального и в результатах исследования не учитывается.

Все это приводит к выводу, что само по себе использование в анализе общего основания сравнения – *tertium comparationis* не способствует существенному повышению познавательных возможностей метода сравнения, так как не в полном объеме используются возможности этого метода. Возникает в связи с этим очередной вопрос: реально ли повысить познавательные возможности процедуры сравнения при условии пересмотра роли сходств в общей картине выявляемых закономерностей. Для ответа на этот вопрос попытаемся изобразить графически полный ход сравнительного исследования с учетом выбранного критерия сравнения (*tc*), двух сравниваемых языковых величин и результатов сравнения – получения данных о сходствах и различиях между ними:

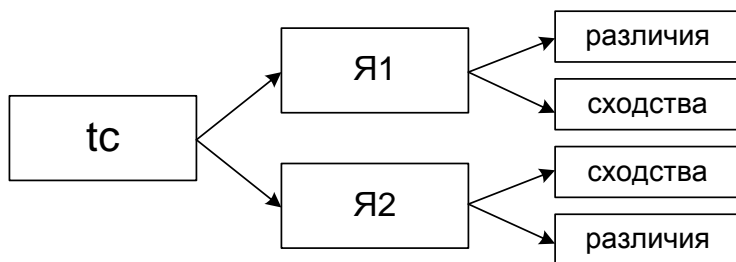

Рис. 2. Этапы процедуры сравнения двух языков (языковых единиц)

Очевидно, что в процессе сравнения участвуют не два, а три типа величин по степени общности: всеобщее (tc , тот общий критерий, от которого отталкивается ученый для сравнения языковых единиц) – общее (сходства, выявленные в результате процедуры сравнения) – единичное (различия, выявленные в результате процедуры сравнения). И это не линейное, а многомерное отношение, в котором tc находится на принципиально ином уровне абстракции по отношению к выявленным в ходе сравнения сходствам и различиям:

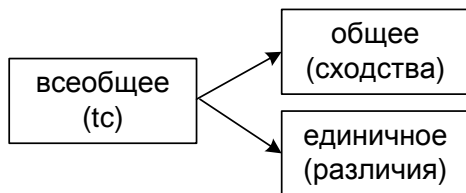

Рис. 3. Взаимоотношения составляющих процедуры сравнения категорий по степени общности

Данный рисунок показывает, что все три категории теснейшим образом связаны друг с другом. Однако уникальность процедуры сравнения заключается в том, что исследователь осознанно или интуитивно может выбрать три варианта направления анализа сравниваемых величин. *Первый вариант*

хорошо известен современному сравнительному языкознанию, когда целью сравнения является выявление различий в сравниваемых языках. В результате процедура сравнения быстро себя исчерпывает, так как выявляемые сходства в языковом материале игнорируются, будучи лишь фоном для установления различий. *Второй вариант* осуществления метода сравнения – акцентирование внимания на сходствах сравниваемых величин. Это достаточно освоенный прием сравнения, судя по истории языкознания, использование которого способствовало накоплению важных обобщений типологического характера, служащих в современном языкознании фундаментом для дальнейшего совершенствования процедуры сравнения в направлении от общего – к частному. Однако и он не в полной мере использует возможности метода сравнения, так как не учитывает выявляющиеся в процессе сравнения языков различия.

Третий вариант применения метода сравнения основан на полноценном учете результатов сравнения, ведущих к выявлению как сходств, так и различий между сравниваемыми языковыми явлениями. И, что самое важное, он, как нам думается, показывает глубинную цель сравнения: обогатившись пониманием сходств и различий между двумя (и более) конкретными величинами, узнать что-то принципиально новое о той общей категории (*tc*), которая и послужила основой для сравнения. В этом случае анализ (разложение изучаемого предмета на составные части, в нашем случае, на сходства и различия) завершается его же синтезом, что является проявлением общеметодологического принципа «оборачивания метода». В соответствии с ним создается возможность объединения старого и нового метода в виде зеркальной динамической симметрии этих противоположных по своей сущности методов [Стребков, URL]. Условно это движение от общего – к частному и от частного – к общему с учетом взаимодействия всех участвующих в процедуре сравнения категорий можно показать следующим образом:

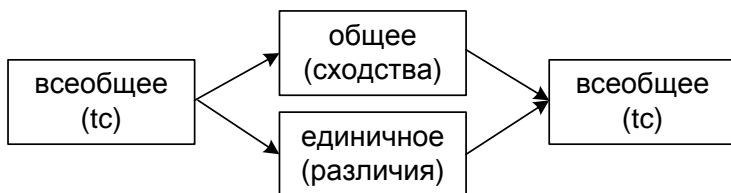

Рис. 4. Направление сравнительного исследования с позиций многомерного нелинейного синтеза

С этих позиций мало констатировать, что сравниваемые явления чем-то схожи, а чем-то различны, так как «лингвистический знак по своей внутренней структуре соответствует скрещению координат различных степеней обобщения в зависимости от семиологического плана, которому он принадлежит. Истинно новым, например, в слове, которое только что создано, является скрещение координат, а не координаты как таковые» [Карцевский, URL]. Метафора о новом знании как о «скрещении координат различной степени обобщенности» стимулирует поиск путей взаимодействия сходств и различий сравниваемых языковых единиц. Выявление тонких нюансов (различий) является в этом случае важным, но лишь этапом для продолжения процедуры сравнения. На этом этапе исследование меняет свое направление: от единичного – к общему. Теперь знания, полученные при изучении различий, следует попытаться применить к анализу сходств, имеющих между двумя сравниваемыми явлениями. Результаты изучения сходств, обогащенные знаниями о различиях, способствуют более глубокому пониманию как конкретных сравниваемых величин, так и общего основания сравнения.

Попытаемся проиллюстрировать сказанное на примерах, цитируемых выше. Для продолжения исследования в обозначенном направлении требуется систематизация критериев, на основании которых были выявлены различия между сравниваемыми словами двух разных языков. Так, рус. *берлога* (ж. р.) – укр. *барліг* (м. р.) показывают различие по критерию «грамматический род существительных» (–), о чем шла речь выше. Но эти же существительные, будучи однокоренными, демонстрируют сходство по

таким критериям сравнения, как, например, «графическая форма слова» (+) и «основное лексическое значение» (+). Другие два примера: рус. *здание* (ср. р.) – укр. *будинок* (м. р.), будучи разнокоренными, показывают различия по критериям «грамматический род существительных» (–) и «графическая форма слова» (–), но сходство по «основному лексическому значению» (+).

Систематизация критериев, способствующих выявлению различий между сравниваемыми словами, показывает взаимодействие критериев разной степени общности: типологически значимые критерии (показатель грамматического рода) и критерии, существенные для анализа уровня слова как лексической единицы языка: форма слова (графическая, звуковая), лексическое значение слова и др. Их взаимодействие представляет определенную систему, углубляющую представление о сравниваемых словах как таковых. Далее закономерно возникает вопрос, какая система взаимодействия критериев заложена в словах, показывающих сходства в выражении грамматического рода в сравниваемых языках: основана она на тех же критериях (выделяются ли и там однокоренные и разнокоренные слова), появятся ли новые критерии, например, количественный показатель сравниваемых слов и т. д. До проведения этой части исследования сходные по способам выражения грамматического рода слова являются «белым пятном». В результате же анализа как различий, так и сходств по системе критериев уточняются лексико-грамматические характеристики сравниваемых слов, выделяющихся в отдельную категорию по критерию «показатель грамматического рода существительных», а также устанавливается новая существенная информация о самой этой категории, которая послужила в проводимом исследовании общим основанием (*tc*) – «третьим членом сравнения». Таким образом, если попробовать создать из релевантных для исследования семантических признаков классификационную схему, последовательно состоящую как из сходств (+), так и различий (–), основанных на корреляции формы и содержания сравниваемых языковых единиц, результат (этап синтеза выявленных сходств и различий) подобного сравнения будет в значительной степени иным.

При создании классификационной схемы из совокупности признаков – критериев сравнения, безусловно, потребуются их внутреннее структурирование. Классификационная система признаков, достигнув определенного количественного и качественного предела, может рассматриваться как семантический прототип или модель [Воркачев 2003, URL], т. е. внутренне упорядоченная система. Накладывая результаты контрастивного анализа лексики на эту модель, исследователь может достаточно четко определить место выявленным особенностям в общей системе, уточнить эту систему и дополнить новым эмпирическим материалом. Эта классификационная схема, или модель, носит «предсказательный», или «объяснительный», характер, так как способствует определению потенциальных возможностей сочетания отобранных критериев сравнения в качестве взаимодополняющих + и –. Например, если в результате сравнения найдены слова, в которых графическая (звуковая) форма совпадает (+), а лексическое значение расходится (–), то закономерно предположить, что имеются и слова, в которых, наоборот, лексическое значение сходно (+), а графическая форма разная (–) и т. д.

Лингвисты ведут поиски в этом направлении и создают свои образцы подобных прототипов или моделей на материале, в том числе и фразеологии. Так, Т. Н. Федуленкова, исследующая особенности фразеологии в английском, немецком и шведском языках, подчеркивает, что теория фразеологии приобретет значительно более интегративный и законченный характер, если в большей степени будет оперировать понятиями и категориями общего языкознания и в, частности, лингвистической типологии [Федуленкова 2006: 32]. В этом случае появляется возможность установить не только факты и явления, имеющие аналогичные функции в сопоставляемых языках, но и определить то место, которое они занимают в своей микросистеме.

Результат сравнения лексики разных языков с учетом этапа контрастивного синтеза можно назвать типологией межъязыковых лексических соответствий. Термин не является новым, идея создания типологии межъязыковых соответствий «витает в воздухе».

В работе В. П. Конечкой [Конечкая 1993] перечисляется больше десятка исследований, предлагающих свои варианты подобной типологии. Общим для них является поиск системного подхода к критериям межъязыкового сравнения лексики, т. е. создание определенной внутренне структурированной схемы их использования в процедуре сравнения, а также попытка описания возможных типов взаимодействия лексики. В результате создается классификация лексики на основе взаимосвязанных критериев сравнения, которая может служить прототипом (моделью, классификационной схемой) при сравнении лексики конкретных языков.

В данной классификации центральным понятием является понятие соответствия, т. е. определенной системы (меры) сходств и различий сравниваемых языковых единиц по предложенным критериям (основаниям) сравнения. Подобная классификация является своего рода «слепком» системно-структурных отношений в языке, как их увидел в исследовании ученый на своем предмете изучения. Думается, что сходства и различия, выявляемые с учетом корреляции формы и содержания сравниваемых языковых единиц, способствуют более глубокому пониманию как системы языка в целом, так и его структуры. Если признать, что система – это целостный упорядоченный объект, состоящий из взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, а структура – атрибут системы, т. е. сетка или устройство внутрисистемных отношений элементов [Федуленкова 2006: 27], то уместно предположение, что сходства того или иного типа в конечном счете «работают» на систему языка в целом, а различия в большей степени способствуют изучению / уточнению структуры изучаемых языковых явлений. То, что различия в сознании лингвистов соотносятся с изучением структур анализируемых явлений, становится очевидным из цитат лингвистических исследований. Например, модель *структуры* сопоставляемых языков ... дает возможность ... описания языковых различий; *структурно различающиеся системы*... (подчеркнуто и выделено нами. – Л. М.) и т. д. [Широкова 2006: 17, 85].

Привлечение к процедуре контрастивного анализа (синтеза) результатов сходств и различий сравниваемых языковых единиц, основанных на корреляции их формы и содержания, способствует созданию комплексной, многомерной классификации, которая в идеале представляет баланс между реляционными характеристиками языка (отношениями между знаками, элементами системы) и его субстанциональными характеристиками, т. е., скорее, самими знаками, их материальной оболочкой. Такой комплексный подход позволяет со временем достичь более адекватного понимания системы языка, так как выявляет взаимодействие словаря с грамматикой в системе языка и взаимозависимость ее уровней. Единство формы и значения в системе парадигматических связей, подчеркивают ученые, создает твердую основу для контрастивного анализа и позволяет избежать той расплывчатости в сравнении и в выводах, которые свойственны работам, оперирующим понятиями «значения» без их категориальной локализации [Ярцева 1981: 55].

Разработка типологии межъязыковых лексических соответствий на представленных выше основаниях вполне отвечает задачам, стоящим перед современным языкознанием. Ученые пишут об актуальности создания многомерной характеристики языковой системы, которая достигается введением все более сложных классификаций, позволяющих объемно представить «признаковое пространство» системы языка [Языкознание 1998: 454]. Решение этой задачи непосредственно связано с разрешением еще более глобальной проблемы – антиномии единства и разнообразия, главной проблемы гуманитарного знания. И в этом смысле языкознание имеет существенные преимущества перед другими науками. В силу простоты своего объекта (сравнительно с культурой, человеческим сознанием, искусством, литературой) лингвистика первая решает вечные вопросы гуманитарного знания. Философский смысл этих вопросов в том, чтобы на относительно простом материале языкового ландшафта Земли найти и испытать эмпирические подходы, которые в будущем помогут видеть и различать в континууме социально-культурной истории все ступени, вехи, переходы, способ-

ствующие соединению универсального и общечеловеческого с неповторимым и индивидуальным [Мечковская 2004: 328].

Антиномия единства и разнообразия разрешается либо в пользу преобладания различий между языками и народами, и тогда смыслом движения гуманитарной науки становится познание этих различий, либо в пользу преобладания единства, где различное подчинено общим законам развития, и тогда смыслом науки становится все большее обобщение накапливаемых фактических данных, чем и занимается «традиционная» типология. Но есть надежда, что есть и третий путь разрешения данной антиномии, когда общность и многообразие рассматриваются как диалектическое единство, в котором «побеждает» комплексный, многомерный подход к их сосуществованию в языках и культурах. Думается, что современное языкознание вплотную подошло к разрешению этой антиномии с более гибких и синтезирующих оснований.

Выводы по разделу 1

Метод сравнения, как он представлен на разных этапах развития лингвистического знания, может быть рассмотрен в статическом и динамическом аспектах. Вопрос разграничения разных направлений сравнительного языкознания по тем или иным параметрам является отражением статического взгляда на метод сравнения. В этом случае он предстает как набор разных приемов и методов анализа, различающихся по цели исследования, характеру сравниваемых языков, результату сравнения. Рассмотрение метода сравнения в этом аспекте важно для систематизации методологии сравнительных исследований, для создания более-менее четких ориентиров и границ при определении направленности сравнения в конкретном исследовании.

Изучение метода сравнения в динамическом аспекте позволяет увидеть, как развиваются взгляды ученых на возможности процедуры сравнения языков и все более глубинное понимание их природы. *Сравнительно-историческое языкознание*

поставило вопрос о необходимости изучения языков в сравнении. Оно определило преимущественный интерес к сходствам между ними, что достигло своего апогея в *типологии* и привело к возможности выделения структурных сходств, возникновению понятий системы и структуры языка. Интерес к различиям между языками обострился в процессе совершенствования типологических исследований и все более глубокого познания языков. *Контрастивная лингвистика* является закономерным этапом развития метода сравнения в науке о языке. В целом контрастивная лингвистика соответствует направлению сравнительного исследования «от общего – к частному», от сходств – к различиям. Предшествующие ей направления в большей мере представляют направление сравнительного исследования «от частного – к общему», от различий – к сходствам. *В совокупности все направления отражают единый процесс сосуществования всеобщего / общего и единичного в сравниваемых языках.*

Ценность контрастивного исследования – не в констатации факта выявленных различий, а в определении места предмета изучения (сравниваемых языков) в системе более общего характера через найденные различия и сходства. Таким образом, контрастивное исследование будет иметь законченный вид при условии прохождения через три этапа исследования: синтез-1 (то категориальное или содержательно сходство, от которого оно отталкивается) → анализ (выявление особенностей, т. е. как сходств, так и различий между сравниваемыми языками) → синтез-2 (определение места найденных особенностей в системе / классификации более общего характера).

В этой связи термин *сравнительное языкознание*, предложенный лингвистами в качестве обобщающего, охватывает все направления языкознания, занимающиеся сравнением языков. Комплексное и интегративное применение методов сравнения при изучении языковых явлений позволяет выйти за рамки конкретного метода и продвинуть исследование на новый уровень познания.

Раздел 2. СИНХРОННО-ДИАХРОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ НАУК (на материале романских, германских и русского языков)

В эпоху научно-технического прогресса и интенсивного развития всех наук появляются специальные наименования для новых областей научного знания. Наименования наук и их производные дают богатый материал для комплексного изучения, как в диахронии, так и в синхронии.

Различные вопросы, связанные с изучением наименований наук, нашли свое отражение в работах следующих исследователей: Ю. А. Бельчикова, Н. В. Васильевой, Н. В. Подольской, А. В. Суперанской (интернациональная терминология); В. В. Акуленко, В. В. Виноградова, Д. С. Лотте (вопросы заимствований); Г. И. Гуревич (словообразовательный аспект); П. Н. Денисова (область терминологии как языка науки); Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. А. Кутиной (этимологический аспект). В целом, наименования наук зафиксированы в исследованиях ученых единичными примерами и рассматриваются как составляющая общего терминологического пласта. Между тем самостоятельное рассмотрение наименований наук позволяет сосредоточить внимание на различных явлениях, а именно: нами будут рассмотрены этимологический, графический, номинативный, семантический, словообразовательный, гендерный аспекты, не получившие должного освещения в лингвистических исследованиях.

Материал исследования. Методом сплошной и селективной выборки из толковых, двуязычных, многоязычных словарей и научных публикаций были отобраны наименования наук, их производные, а также словосочетан и фразеологические единицы, имеющие в составе наименования наук, в романских (французском, итальянском, испанском), германских (английском, немецком) и русском языках. Исследуемый языковой материал составляет около 6000 единиц. В корпус примеров

входят наименования наук (примерно 1800 терминов в 6 языках), производные слова, словосочетания и фразеологические единицы (4000 примеров).

Изучение наименований наук и их производных в единстве внутренних и внешних факторов в контексте такого понятия, как дихотомия «синхрония – диахрония» позволит выявить механизмы развития данной терминологической группы, уточнить категории «однозначность / многозначность» в терминологии, рассмотреть вопросы, связанные с теорией номинации, определить универсальное и специфическое в данной терминологической группе разносистемных языков.

2.1. НАИМЕНОВАНИЯ НАУК КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СТАНОВЛЕНИЯ НАУК

2.1.1. Лексико-семантическая характеристика слова «наука»

В Древней Греции слова «наука» от глагола «учить» у Аристотеля не было, хотя имеется его древнегреческий аналог. Речь в его трудах шла о знании и мудрости. Но поскольку одним из главных признаков мудрости является способность научать, то аристотелевские «мудрость» и «знание» можно считать эквивалентами современного слова «наука» [Наука, URL].

В латинском языке слово *scientia, ae, f* (< *sciens* < *scire* «знать») имело следующие значения: 1) знание, познание, понимание, сведения, умение; 2) наука, отрасль знания; 3) ученость.

Среди рассматриваемых современных языков латинское слово имеет продолжение в четырех из них: англ. *science*, фр. *science*, исп. *ciencia*, итал. *sciènza*, т. е. слово является интернациональным.

Этимологический словарь **английского языка** позволил проследить историю возникновения данного слова: англ. *science* (1300) «знания, приобретенные в ходе обучения», также «определенная отрасль знания» < ст.-фр. *science* < лат. *scientia* «знания» < *sciens* < *scire* «знать», возможно, первоначальное значение «отделять одно от другого». В современном английском языке слово *science* включает в себя такие значения, как: 1) наука; 2) *собир.* естественные науки; 3) умение, ловкость, техничность; 4) искусство; 5) *устар.* знание.

В английском языке слово *science* означает то, что в русском языке обозначается словосочетанием *естественные науки*. Данное современное значение *non-arts studies* «негуманитарные науки» зафиксировано в 1678 г. Скорее всего, узкое значение в английском языке обусловлено тем, что стремительное развитие естественных и технических наук оставило в стороне науки гуманитарные.

Во **французском языке** термин *science* впервые зафиксирован в 1080 г. < лат. *scientia* < *sciens-entis* < *scire* «знать». В словаре современного французского языка отмечено два значения данного термина: 1) наука; 2) знание, умение.

Как показал анализ языкового материала, на ранних этапах развития французского языка, так же, как английского, наблюдалась тенденция к употреблению термина *science* в значении «естественные науки». Это подтверждает, в частности, существование в современном языке следующих выражений: *un docteur ès sciences* «доктор [естественных, математических] наук» (ср. *un docteur ès lettres* «доктор филологических наук»); *il est doué pour les sciences* «у него способности к естественным наукам (к математике)»; *la faculté des sciences* «факультет естественных наук (физики, химии, математики)». Слово *science* самостоятельно в значении «естественные науки» сегодня не употребляется.

Показателен комментарий к терминам, обозначающим наименования наук, в словарях Французской Академии, которая подготовила 8 изданий за период с XVII (1694 г.) по XX в.

(1932 г.). Диахроническое изучение выявило, что толкование термина «наука», которое дается разным областям научного знания сегодня, закрепилось не сразу. На начальном этапе появившиеся слова, обозначающие области знаний, поясняются как *traité* (трактат), *art* (искусство), *théorie* (теория), *doctrine* (доктрина, учение), *étude* (учение) и *science* (наука, первоначально «знание, умение»), например: *agronomie* (*théorie* 1798, *science* 1932), *acoustique* (*théorie* 1762, *science* 1832), *anatomie* (*art* 1694, *art, science* 1832, *science* 1932), *aérologie* (*traité* 1798, *traité, théorie* 1872–1877, *science* 1932), *balistique* (*art, traité* 1832, *science* 1872–1877), *chimie* (*art, science* 1762, *art* 1798, *science* 1832), *embryologie* (*traité* 1762, *doctrine* 1872–1877, *science* 1932), *paléographie* (*science* 1798, *art* 1872–1877, *science* 1932), *pétrography* (*traité, science* 1872–1877, *étude* 1932). Таким образом, у каждой науки имеется свой период становления.

В **испанском языке** термин *ciencia* также является многозначным: 1) наука; 2) pl. (негуманитарные науки); 3) чья-либо ученость, знания, познания; 4) умение, искусство, ремесло: *gana ciencia* «высок. поэтическое искусство, стихотворчество».

В **итальянском языке** термин *sciènza* имеет несколько значений: 1) наука; 2) эрудиция, ученость: *uomo di scienza* «человек науки, ученый»; *uomo du grande scienza* «большой ученый, эрудированный человек»; 3) знание осведомленность, опытность: *avere sciènza du mondo* «иметь жизненный опыт», *senza alcuna scienza del fatto* «без всякого знания дела», *di propria sciènza* «по собственному опыту», *saper una cosa di certa sciènza* «знать что-либо из достоверного источника», *arca* (или *pozzo*) *di sciènza* «кладезь премудрости», *l'esperienza è la madre della sciènza* посл. «опыт – лучший учитель».

В немецком и русском языках существуют собственные термины для обозначения понятия «наука».

В современном **немецком языке** «наука» обозначается термином *Wissenschaft* (< *wissen* «знать») и, по-видимому, является калькой с латинского аналога. Современные значения тер-

мина: 1) наука; 2) *разг.* знание (*mit seiner Wissenschaft ist es nicht weit her* «знаний у него кот наплакал»).

В **русском языке** термин *наука* происходит от др.-русск. *на-* + *укъ* «учение». В современном русском языке слово используется в разных значениях: 1) сфера человеческой деятельности, имеющая целью сбор, накопление, классификацию, анализ, обобщение, передачу и использование фактов, построение теорий, позволяющих адекватно описывать природные или общественные (гуманитарные науки) процессы и прогнозировать их развитие: «Он занимается наукой», «Вернувшись в Ленинград, он с головой ушел в науку»; 2) система знаний, полученных в результате этой деятельности и составляющих научную картину мира: «Наука утверждает, что скорость света конечна»; 3) конкретная научная дисциплина (например, *механика, геология, ботаника* и т. п.); 4) общественный институт – некое множество людей, профессионально занимающихся научной деятельностью, обслуживающие их учреждения и организации, работающие на них предприятия и т. п.; 5) *разг.* то, что поучает, дает опыт, урок: «этот случай будет тебе наукой»; 6) подразумевает знания: «грызть гранит науки»; 7) совокупность сгруппированных сведений: «наука соблазнения»; 8) нечто очень сложное: «эта наука мне не по зубам»; 9) *устар.* обучение какому-либо ремеслу «отдать сына в науку к сапожнику».

Существующая классификация наук формировалась на протяжении столетий. Представим данную классификацию через сочетаемость языковых единиц современных языков со словом «наука»: фр. *science*, итал. *sciènza*, исп. *ciencia*, англ. *science*, нем. *Wissenschaft* (мы не ставим задачу дать полную классификацию) (см. табл. 1):

Таблица 1 – Сочетаемость слова «наука» в изучаемых языках

фр.	les sciences humaines	sciences sociales	sciences naturelles	sciences exactes
итал.	sciènze umanistiche	sciènze sociali	sciènze naturali	sciènze esatte
исп.	letras humanas / humanidades	ciencias socials	ciencias naturales	ciencias exactas
англ.	the humanities / the Arts	social sciences / studies	science / natural science(s) / physi- cal sciences	exact sciences
нем.	Geisteswissen- schaften	Gesell- schaftswis- senschaften	Naturwissen- schaften	exakten Wis- senschaften
рус.	гуманитар- ные науки	обществен- ные науки	естественные науки	точные науки

Данная классификация позволяет увидеть специфику гуманитарного познания в его исторической динамике. К данному вопросу неоднократно обращались философы. В зарубежной и отечественной философской литературе остро стоит проблема о «научности / ненаучности» гуманитарной познавательной сферы [Ищенко 2004: 181]. Исследователи отмечают, что в различных языковых традициях гуманитарные науки именовались по-разному. В связи с этим немецкоязычный ученый С. Штрассер указывает на принципиальное различие в понимании сущности гуманитарного познания. В англоязычных странах люди традиционно ознакомлены с различием между «науками» (*sciences*) и «гуманитарными науками» (*humanities*). В германогворящей части мира люди используют термин *Wissenschaft*, чтобы определять историю, филологию, философию и психологию так же, как физику, медицинскую науку и т. п. [Strasser 1985: 7]. В этой связи отмечается, что русская версия термина «гуманитарные науки» представляет собой своеобразный «синтез» двух традиций – сохранение указания на гуманистическую традицию совместно с коннотацией научности [Ищенко 2004: 183].

Происхождение термина *humanities*, которым до сих пор часто обозначают сферу гуманитарных наук в англоязычной традиции, связано с европейским гуманистическим движением эпохи Ренессанса. Сам термин отражает тот комплекс убеждений гуманистов, который основывался на признании исключительной значимости для становления и воспитания человеческой личности, изучения истории, латинского и греческого языков, литературы – т. е. всех тех областей знания, которые и вошли изначально в понятие «гуманитарные науки». Если говорить о современной ситуации, то исследователи отмечают, что понятие «science» часто замещается понятием «studies»: «cultural studies», «social studies», «human studies». Эти терминологические подвижки, характерные в большей степени для американских исследователей, есть тоже своеобразное веяние времени. Уход от «жесткого» понимания научности диктует и номинацию в виде более расплывчатого и «мягкого» термина, который на коннотативном уровне выражает некоторое «снижение» требований [Там же: 183–184].

2.1.2. Этимология и семантическое развитие терминов, обозначающих наименования наук

Несмотря на этимологическую тождественность, языковой анализ выявил неравномерность семантического развития слов, обозначающих наименования наук. Исследуемые слова, возникающие из одного источника, но попадающие в разные языки, часто сохраняют общие контуры смыслового движения. Вместе с тем, темпы и современные результаты подобного развития неодинаковы: в некоторых языках слово сохраняет такое значение, которое для других является уже пройденным этапом. Типы подобных соотношений при сохранении общего единого направления семантического развития могут быть самыми различными [Будагов 2004: 308].

Далее мы рассмотрим семантическое развитие некоторых слов, которые существовали в латинском языке:

anatomica < гр. *anatomiá* «рассечение, разрезание, вскрытие» < *anatemnein* «разрезать» (англ. *anatomy*, нем. *Anatomie*, фр. *anatomie*, исп. *anatomía*, итал. *anatomía*, рус. *анатомия*).

В современном мире *анатомия* – наука о форме и строении отдельных органов и организма в целом. В некоторых современных языках данное слово имеет дополнительные значения. Например, во французском языке *anatomie*: 1) наименование науки; 2) анатомия (человека, растения); 3) анатомирование, вскрытие (*faire l'anatomie d'un cadavre* «анатомировать»); 4) телосложение, формы (*une belle anatomie* «прекрасное телосложение, прекрасные формы»). В английском языке *anatomy*: 1) наименование науки; 2) разг. скелет «кожа да кости»; 3) анализ, тщательный разбор; 4) анатомирование. В немецком языке *Anatomie*: 1) наименование науки; 2) анатомический театр; разг. «анатомичка».

В исследуемой группе терминов мы отмечаем, что ближайшее значение – «наименование науки» употребляется в специальной научной области, а дальнейшее значение – детерминологизированное значение термина используется в общеупотребительном языке. В данном примере выявляется явное отличие именно в детерминологизированном значении: фр. *anatomie* может употребляться в позитивном значении «прекрасные формы», а в английском *anatomy* – слово приобретает негативную коннотацию «кожа да кости»;

grammatica < гр. *grammatike* «искусство писать и читать буквы» < *gramma*, «буква, запись» (англ. *grammar*, нем. *Grammatik*, фр. *grammaire*, исп. *gramática*, итал. *grammatica*, рус. *грамматика*).

В латинском языке *grammatica* обозначает «учение о словесности» (*языкознание, грамматика, филология* или *литературная критика*). В настоящее время это раздел языкознания, изучающий строение и изменение слов (морфология) и соединение слов в сочетания и предложения (синтаксис). В данном примере на уровне обозначения науки происходит сужение значения.

Наука о языке, как отмечает Ф. де Соссюр, прошла три последовательные стадии развития. Начало было положено так называемой «грамматикой». Эта дисциплина, появившаяся впервые у греков и в дальнейшем процветавшая главным образом во Франции, основывалась на логике и была лишена научного и объективного воззрения на язык как таковой: ее единственной целью было составление правил для отличения правильных форм от форм неправильных. Это была дисциплина нормативная, весьма далекая от чистого наблюдения: в силу этого ее точка зрения была, естественно, весьма узкой [Соссюр 2000: 1].

Историки науки о языке обычно выстраивают такую последовательность: сначала *логическая грамматика* (античность, средние века, Возрождение, XVII–XVIII столетия), затем *историческая* и *сравнительно-историческая грамматика* (XIX в.), на смену которой приходит *синхронно-структуральная грамматика* [Trabalza 1963].

В древнерусском языке зафиксировано слово *грамматика*, позднее – слово *грамотика*. Современная форма *грамматика* появляется в 1648 г. в «Грамматике современного церковно-славянского языка».

В настоящее время выявлены два значения самого термина *грамматика*: 1) грамматический строй языка; 2) наука, специально изучающая подобный строй (важнейшая часть лингвистики).

В некоторых современных языках у данного термина зафиксированы дополнительные значения. Так, во французском языке *grammaire* означает: 1) совокупность правил; 2) учебник грамматики; 3) учебник, руководство. Причем учебник может быть по искусству, вязанию и т. д. (*la grammaire du tricot* «руководство [учебник] по вязанию»). В английском языке дополнительным значением у слова *grammar* является «основы, основные принципы, основные правила (в какой-либо отрасли науки или искусства)». Например, *the grammar of the film was established* означает «были определены основные принципы

фильма». В некоторых языках зафиксированы свои устойчивые выражения с этим словом. В испанском языке – *gramatica parda*, что означает «житейская мудрость; умение жить, устроиваться». В итальянском языке данное слово имеет также значение «теория», например в устойчивом выражении *la pratica val più della grammatica* «теория без практики мертва» (букв. «практика стоит дороже грамматики»);

medicina < лат. *medicus* «врач» (англ. *medicine*, нем. *Medizin*, фр. *médecine*, исп. *medicina*, итал. *medicina*, рус. *медицина*).

Начало греческой медицины теряется в глубокой древности и связано с медициной древних культур Востока. Медицина в Греции носила светский характер: она основывалась на эмпирии и в своей основе была свободна от теургии, т. е. призывания богов, произнесения заклинаний и использования магических приемов.

В латинском языке слово отличалось многозначностью: 1) врачебная наука; 2) лечебное средство, лекарство; 3) косметическое средство; 4) приемная (кабинет врача); 5) подрезание; 6) яд, отрава. В данном слове в дальнейшем проявляется сужение значений. В настоящий момент основное значение – это область науки и практическая деятельность, направленные на сохранение и укрепление здоровья людей. В некоторых языках сохранилось значение «лекарство»: фр. *une médecine de cheval* «лошадиная доза», итал. *prendere una medicina*, исп. *tomar una medicina* «принять лекарство», англ. *a medicine for (headache, cold, etc.)* «лекарство от (головной боли, простуды и т. п.)», нем. *die beste Medizin für etw.* «лучшее средство для чего-либо».

Остальные существовавшие в латинском языке значения слова *медицина* в словарях современных языков не выявлены. Но зафиксированы иные значения, например «врачебная практика»: фр. *il est dans la médecine* «он работает врачом, он медик», исп. *ejercer la medicina* «заниматься врачебной практикой», англ. *to practise medicine* «заниматься врачебной практи-

кой, быть практикующим врачом». В английском языке, в отличие от других языков, у слова *medicine* выявлены еще другие значения: «колдовство, магия», «талисман, амулет». Кроме того, отмечены следующие устойчивые выражения: *give somebody a dose of their own medicine* «относиться к людям так же, как они относятся к тебе»; *to take one's medicine*: а) понести заслуженное наказание; б) покориться неизбежности, стойко перенести что-либо неприятное; в) «принять», глотнуть спиртного;

physica < гр. *phusiké*, субст. сущ. от прилаг. *phusikos* < *phusis* «природа» (англ. *physics*, нем. *Physik*, фр. *physique*, исп. *física*, итал. *fisica*, рус. *физика*).

Термин *физика* в его изначальном смысле значит «знание о природе, естествознание». Эта наука занималась наиболее общими законами природы. Рассмотрим изменение значения слова на примере французского языка:

- в XII в. слово было зафиксировано со значением «медицина; наука о природе»;
- 1487 г. – «наука о природных явлениях»;
- 1708 г. – «наука, изучающая основные свойства материи и устанавливающая законы относительно материальных явлений» (с этого момента произошло отделение науки *физики* от *физиологии* и *естествознания*).

Таким образом, пример указывает на специализацию значения термина *физика*, так как сегодня он означает лишь одну частную науку среди многих других естественных наук, которые, в свою очередь, также являются науками о природе.

В ходе исследования семантики слова в изучаемых языках помимо основного значения «наименование науки» нами зафиксированы следующие:

- фр. 1) физическое состояние; 2) конституция; 3) здоровье; 4) внешний вид;
- рус. 1) строение, общие свойства и законы движения, какой-л. формы материи (физика Земли); 3) учебник по этому предмету.

Во французском языке выявлены словосочетания с данным словом мужского рода, т. е. в другом значении: фр. *le physique influe sur le moral* «физическое состояние влияет на психическое», *au physique et au moral* «морально и физически», *elle a un physique agréable* «у нее приятная внешность», *il a le physique de l'emploi* «у него подходящая внешность».

В русский язык название науки пришло через польский *fizyka*, который заимствовал слово из латинского языка. В семинаристском жаргоне слово *физика* получило дополнительное значение «рожа, физиономия», вытесненное в дальнейшем немецким заимствованием *физиономия* (*Physiognomie*).

Анализ показал, что многие наименования наук отличаются многозначностью, несмотря на то, что исследуемый пласт лексики относится к терминологии, которая характеризуется однозначностью. В смысловой структуре многозначного слова вслед за Р. А. Будаговым различаем:

- основное значение, обычно наиболее распространенное и наиболее употребительное;
- другие значения, вызывающие полисемию, обычно менее распространенные, но не менее важные, чем основное значение;
- экспрессивно-эмоциональные оттенки, связанные с тем или иным из значений слова, но наблюдаемые не у всех лексем [Будагов 2004: 28].

В некоторых случаях в одном примере можно увидеть как сужение значения, так и расширение. Например, наименование *антропология* изначально означало фигуру, через которую Священное Писание приписывает Богу действия и человеческие чувства. Далее, в 1832 г., на примере французского языка мы видим расширение значения: 1) риторическая фигура, через которую Богу приписывают действия и человеческие чувства; 2) естествознание человека; изучение человека, направленное в основном на физический вид. Необходимо уточнить, что немецкие ученые изначально использовали данный термин применительно ко всем наукам, которые каким-либо образом касались человеческой природы как души, так и тела, как

индивида, так и вида исторических фактов и феномена сознания, как правил морали, так и материальных и различных интересов. Далее мы видим специализацию значения, так как современная наука *антропология* изучает структуру человеческого существа и физическую историю человеческого вида.

Одной из наиболее сложных проблем является определение в каждом отдельном случае того, какое из значений термина является первичным, какое вторичным. На данном этапе важен анализ лексикографических изданий, хронологически фиксирующих появление термина в том или ином значении.

2.1.3. Хронология появления интернациональных наименований наук

В научной литературе и в этимологических словарях можно встретить указания на то, в какое время появилось то или иное слово в конкретном языке. На наш взгляд, представляет интерес время появления того или иного наименования в исследуемых языках. Применительно к материалу, составившему основу нашего исследования, этот вопрос ранее специально не разрабатывался.

Изучение хронологии появления наименований наук в европейских языках позволяет выявить первую фиксацию слова в том или ином языке, но не всегда это говорит о становлении науки. Иногда с момента первой фиксации слова проходит не одно столетие, прежде чем наука получит свой самостоятельный статус.

Установление времени первой фиксации возможно лишь тогда, когда то или иное слово связано с памятником, хронологически документированным. Но и в этом случае можно говорить лишь об относительном установлении времени первой фиксации слова. При наличии большого количества письменных памятников и документов, в которых может быть употреблено то или иное наименование науки, чрезвычайно трудно установить наиболее раннюю его фиксацию. Поэтому понятия «первая фиксация», «самое раннее употребление» являются до некоторой степени условными [Сорокин 1965: 59–60; Сороколетов 1970: 287].

Рассмотрим хронологию появления изучаемых слов, которые были зафиксированы этимологическими словарями современных языков. Это позволило определить первую фиксацию наименований наук по векам (в скобках дается информация, в каком языке впервые слово было зафиксировано):

XII в.: *grammaire* 1119 (фр.), *littérature* 1120 (фр.), *médecine* 1135 (фр.), *astronomie* 1150 (фр.), *histoire* 1155 (фр.), *étymologie* 1160 (фр.), *rhétorique* 1160 (фр.), *philosophie* 1160 (фр.), *géométrie* 1175 (фр.), *chirurgie* 1175 (фр.), *logique* XII в. (фр.), *physique* XII в. (фр.), *arithmétique* кон. XII в. (фр.);

XIII в.: *alchimia* 1257 (итал.), *mathématique* 1265 (фр.), *astrologia* 1292 (итал.), *etica* 1292 (итал.) и др.;

XIV в.: *genealogy* 1300 (англ.), *metafísica* 1304 (итал.), *économie* 1340 (фр.), *agronomie* 1361 (фр.), *philologie* XIV в. (фр.), *anatomy* 1398 (англ.) и др.;

XV в.: *mythology* 1412 (англ.), *pédagogie* 1495 (фр.), *hydraulique* кон. XV в. (фр.) и др.;

XVI в.: *géographie*, *geografia* 1500 (фр., итал.), *anthropologie* 1516 (фр.), *meteorología* 1542 (итал.), *pragmatics* 1543 (англ.), *physiologie* 1547 (фр.), *algebra* 1551 (англ.), *idrografia* 1555 (итал.), *aetiology* 1555 (англ.), *geodesy* 1570 (англ.), *trigonométrie* 1595 (фр.), *archéologie* 1599 (фр.) и др.;

XVII в.: *géologie* 1603 (фр.), *chemistry* 1605 (англ.), *giurisprudenza* 1608 (итал.), *botanique* 1611 (фр.), *hydrologie* 1614 (фр.), *aerología* 1642 (итал.), *balistique* 1647 (фр.), *psychology* 1653 (англ.), *zoology* 1669 (англ.), *neurology* 1681 (англ.), *ontologie* 1692 (фр.) и др.;

XVIII в.: *dynamique* нач. XVIII в. (фр.), *cristallografia* 1729 (ит.), *entomologie* 1745 (фр.), *embryologie* 1753 (фр.), *herpétologie* 1789 (фр.), *lexicographie* 1765 (фр.) и др.;

XIX в.: *biologie* 1802 (фр.), *gynécologie* 1826 (фр.), *Linguistik* 1826 (нем.), *istologia* 1828 (итал.), *aerodinàmica* 1828 (итал.), *cybernétique* 1834 (фр.), *paléontologie* 1834 (фр.), *Ökologie* 1834 (нем.), *Morphologie* 1822 (нем.), *psychiatrie* 1842 (фр.), *astrométrie* 1846 (фр.), *thermodynamics* 1850 (англ.), *biochimie*

1853 (фр.), *volcanology* 1858 (англ.), *graphologie* 1868 (фр.), *algologia* 1892 (итал.), *bioenergetics* 1898 (англ.) и др.;

XX в.: *gerontology* 1903 (англ.), *genetics* 1905 (англ.), *astrophysique* 1920 (фр.), *biofisica* 1942 (итал.), *astrobiologie* 1953 (фр.), *agrochimie* 1960 (фр.) и др.

Следует отметить, что первая фиксация интернациональных слов, обозначающих наименования наук, представлена тремя языками: французским – 53 %, английским – 25 %, итальянским – 22 % (см. табл. 2 и рис. 5).

Таблица 2 – Первая фиксация наименований наук

Век	Итал. яз.	Фр. яз.	Англ. яз.	Общее кол-во фиксаций
XII	0 % (0)	6 % (10)	1 % (1)	3,5 % (11)
XIII	18 % (12)	1 % (2)	6,5 % (5)	6 % (19)
XIV	4 % (3)	2 % (3)	16,5 % (13)	6 % (19)
XV	4 % (3)	1 % (2)	4 % (3)	2,5 % (8)
XVI	9 % (6)	9 % (15)	11,5 % (9)	10 % (30)
XVII	13 % (9)	11 % (18)	18 % (14)	13 % (41)
XVIII	13 % (9)	11 % (18)	9 % (7)	11 % (34)
XIX	26 % (18)	30 % (49)	27 % (21)	28 % (88)
XX	13 % (9)	29 % (47)	6,5 % (5)	20 % (61)
Всего слов	69	164	78	311

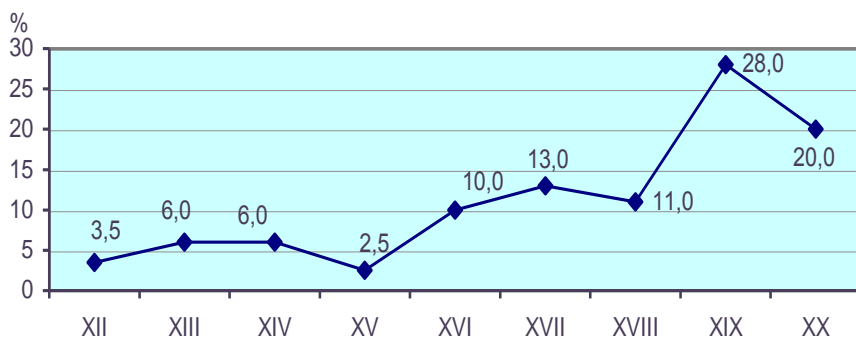

Рис. 5 – Динамика фиксации наименований наук в европейских языках

Как показал анализ терминов, специфика французского языка в том, что многие слова формировались на базе греческих слов или основ, и языком-посредником являлся, как правило, латинский язык. Исследователи отмечали, что «процесс лексического обогащения французского языка проходил под влиянием латыни, так как латынь, вытесняемая с позиций письменно-литературного языка, продолжала оставаться образцом совершенного обработанного языка [Mittérand 1981: 18].

Этимологический анализ позволил выявить, что изучаемые термины пришли в английский язык через французский и старофранцузский. Известно, что в Англии процесс обогащения английского языка проходил под влиянием латыни и французского языка, а фонд латинских и французских заимствований в английском языке настолько велик, что он практически составляет основной словарь его базисных терминов [Burney 1966: 10–11; Ляпина 1991: 30].

В истории России вехой, на несколько столетий определившей пути формирования словарного состава русского языка, явилась Петровская эпоха, годы правления Петра I (1689–1725), когда волей царя страна стала ориентироваться на Запад [Биржакова 1972: 14].

Этимологический анализ русских слов подтвердил, что, как и в целом в истории России, 1-я четверть XVIII в. сыграла большую роль в становлении терминологии, в нашем случае это проявилось в наименованиях наук.

Также было выявлено, что на середину XIX в. приходится расцвет русской науки. В эту эпоху, особенно в ее первые десятилетия, пробуждается громадный интерес русской общественности к науке. Именно в эти годы в основном определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, прочно усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему [Бельчиков 1974: 27].

Этимологические словари русского языка свидетельствуют о том, что значительная часть анализируемых терминов пришла через немецкий или польский языки.

Европеизация русского литературного языка, включая язык наук и ремесел, начинается собственно с проникновения в него полонизмов. В течение всего XVII в. осуществлялось много переводов с польского языка на русский, и только с начала XVIII в. польское влияние уступает свое место другим западноевропейским [Денисов 1970: 67].

Исходя из этимологических словарей, языками-донорами для изучаемого пласта терминов в основном являются:

гр. → лат. →		фр.
гр. →	→	итал.
лат. →		исп.
		англ.
		нем.
		рус.
гр. → лат. →		
гр. →	→	ст.-фр. (фр.) → англ.
лат. →		
гр. → лат. →	→	польск. → рус.
гр. →		нем. → рус.
лат. →		

Таким образом, изученный материал позволил зафиксировать языки-источники и языки-посредники для данного языкового участка.

2.1.4. Интернациональные и национальные термины в тематической группе «наименования наук»

Исследователи относят терминологическую группу наименований наук к интернациональной лексике. Интернациональная лексика во всех языках является темой, привлекающей многих исследователей, а работы, освещающие проблемы интернациональной лексики в разных языках, многочисленны и разнообразны. Под интернациональными словами мы рассматриваем наименования наук, которые функционируют в нескольких (не менее чем в трех) мировых языках, которые близки по семантике, а также звуковой и графической форме.

Несмотря на интернациональный характер изучаемого пласта в целом, в каждом рассматриваемом языке встречаются национальные слова в данной терминологической группе. Проанализировав языковой материал, мы выделили три группы слов: 1) с наличием только интернационального термина; 2) с параллельным существованием интернационального и национального термина; 3) с использованием только национального термина (иногда словосочетания для его обозначения).

Первая группа слов является многочисленной, в основном одни и те же **интернациональные** термины встречаются во всех шести анализируемых языках (см. табл. 3):

Таблица 3 – Интернациональные наименования наук

фр.	agronomie	génétique	pédagogie
итал.	agronomía	genètica	pedagogica
исп.	agronomía	genética	pedagogía
англ.	agronomy	genetics	pedagogics
нем.	Agronomie	Genetik	Pädagogik
рус.	агрономия	генетика	педагогика

Во второй группе при наличии в языках одновременно **интернациональных** и **национальных** терминов мы выявили

следующие примеры, не совпадающие от языка к языку. Уточним, что в разряде национальных слов могут встретиться интернациональные основы (важно то, что эти слова не используются другими языками):

фр.

criminologie / étude de la criminalité

pisciculture / alevinage

jurisprudence / droit

итал.

agrología / pedología / stúdio del suolo

giurisprudènza / giure / sciènza legale

fitología / coltivazióne di piante

linguística / glottología / glossología

исп.

agricultura / labranza

agrología / edafología

obstetricia / partería / tocológia

англ.

criminalistics / criminal law / science of crime detection

gnosiology / epistemology / theory of knowledge

geodesy / surveying

нем.

Agronomie / Agrarwissenschaft

Archäologie / Altertumskunde

Arithmetik / Rechnen

Astrologie / Sterndeuterei

Ökonomik / Wirtschaftslehre

Phonetik / Lautlehre

Politologie / Politikwissenschaft

Psychiatrie / Nervenheilkunde

Zoologie / Tierkunde

рус.

юриспруденция / правоведение

лингвистика / языкознание

В третьей группе представлены **национальные** слова, обозначающие наименования наук и их отрасли (в том числе созданные на базе интернациональных основ):

фр.: *acoustique sous-marine, la critique d'art, pédagogie pour les sourds*;

итал.: *acústica subacuea, fisionomía, scienza musicale / crítica musicale / storia della música*;

исп.: *traductología / teoría de la traducción*;

англ.: *soil science, radio engineering, fish-breeding, deaf-and-dumb pedagogy, surgery*;

нем.: *Landwirtschaft, Tierpsychologie, Tierzuchtlehre, Kunstwissenschaft, Kunstkritik, Geschichte, Kulturwissenschaft, Linguo-landeskunde, Bodenkunde, Übersetzungswissenschaft, Sprachsoziologie, Landeskunde, Sprachwissenschaft*;

рус.: *естествознание, искусствоведение, искусствознание, обществоведение, переводоведение, почвоведение, семеноведение, страноведение, театроведение.*

Мы видим, что в русском языке многие национальные слова образовались при помощи формантов *-знание* и *-ведение*.

Представим соотношение изученных нами интернациональных и национальных слов, обозначающих наименования наук (см. табл. 4).

Таблица 4 – Соотношение интернациональных и национальных слов, обозначающих наименования наук в современных языках

	Интернациональное	Интернациональное + национальное	Национальное
фр.	91,5 %	5 %	3,5 %
итал.	87 %	10 %	3 %
исп.	98,5 %	1 %	0,5 %
англ.	88 %	5,4 %	6,6 %
нем.	64 %	26 %	10 %
рус.	91 %	1 %	8 %

Из таблицы следует, что процент соотношения интернациональных и национальных наименований наук является примерно одинаковым во всех рассматриваемых языках. Анализ указывает на высокую степень интернационализации изучаемой терминологической группы наименований наук – от 90 % до 99,5 %. Из всех языков выделяется немецкий: для многих наименований наук, наряду с существующими интернациональными терминами, имеются параллельно свои собственные слова. Обращение за консультацией к носителям языка свидетельствует о том, что в наименованиях наук они отдают предпочтение национальным словам.

2.1.5. Становление наименований наук и дифференциация наук

Изучение этимологии, семантики и хронологии появления слов, обозначающих наименования наук, позволило увидеть процесс становления наук и отсутствие четкой дифференциации на этапе их становления.

Следующие слова подтверждают это (на примере французского языка):

astrologie / astronomie

Древние греки использовали термины *astronomie* и *astrologie* для обозначения некоей единой области. *Astronomie* в Древней Греции – наука о небесных светилах. У слова *astrologie* было два значения: 1) наука о небесных светилах; 2) гадание по звездам, астрология. Таким образом, в значении «наука о небесных светилах» могли употребляться оба слова. В дальнейшем за словом *astrologie* закрепилось значение «предсказание событий»: 1) предсказание природных явлений; 2) определение того, как звезды влияют на судьбу людей. Уточнение началось в европейских языках в XIV в. и продолжалось до XVII в., когда осталось только одно значение «предсказание судьбы по звездам». Значение «наука о небесных светилах» сохранилось сегодня только в слове *astronomie*;

astrologie / mathématique

Одно из значений слова *mathēmatica* в древности – «astrologie» (в латинском языке *mathēmaticus* означало одновременно «математик» и «звездочет, астролог» < гр. *mathematicos* < *mathema* «знание» < *manthanein* «изучать»). Значение «astrologie» в данном слове в дальнейшем было утрачено и не употребляется ни в одном из современных языков;

géométrie / mathématique

В Древнем Риме у слова *géométrie* зафиксировано два значения: 1) землемерное искусство, геометрия; 2) математика. Первое значение «землемерное искусство» было утрачено, во втором значении произошло сужение, и современное *géométrie* – это один из разделов математики;

géométrie / géodésie

Наука *геодезия* (*géodésie*) возникла в глубокой древности. Ее название восходит к греческому слову *geôdaisia* < *gê* «земля» + *daiein* «разделять». В латинском языке данное слово не зафиксировано, его появление относится к XVII в. О сближении значений двух слов на раннем этапе свидетельствуют современные названия деятелей, занимающихся данными науками: фр. *géodesiste, géodésien*; итал. *geodeta*; исп. *geodesta*; англ. *land-surveyor*; нем. *Geodät, Geometer, Landmesser, Vermessungsingenieur*; рус. *геодезист*. Названия деятеля (*геодезист*), в частности в немецком языке словами *Geometer* и *Geodät*, указывают на близость значения слов, обозначающих наименования наук *géométrie* и *géodésie*. Сближение значений двух слов на раннем этапе развития наук подтверждает также тот факт, что во французском языке в настоящее время понятие «землемер» обозначается двумя терминами: *géomètre, géodésien*;

physique / médecine

Слово *physique* первоначально имело два значения: 1) знание о природе, естествознание; 2) медицина. Во французском языке в XII в. слово *physique* было зафиксировано со значениями «медицина» и «наука о природе». В английском языке в момент появления слово употреблялось в форме *physic*

со значением «медицина». На сегодняшний день данное значение является устаревшим. В настоящее время в английском языке до сих пор существует слово *physician* «доктор», которое подтверждает смежность данных наук в древности;

physique / physiologie

Термин *physiologia* был зафиксирован в латинском языке со значением «естествоведение, исследование природы», означающим, что слова *physique* и *physiologie* были близки по своему значению. В настоящее время слова разошлись в лексическом значении и обозначают разные области знаний: *physique* изучает природу, *physiologie* – человеческий организм;

médecine / zoologie

Первоначально *зоология* была отраслью *медицины* и изучала болезни, которые передавались людям от животных. Как научный термин появился во французском языке в 1750 г., а затем был заимствован другими европейскими языками. В русский язык слово, вероятно, пришло через польский;

étymologie / philosophie

В Древней Греции и Древнем Риме термин *étymologie* использовался античными риториками и средневековыми философами в более широком, нежели сегодня, значении. *Etymologie* означало «учение об истине». Первоначально данный термин был философским и употреблялся философами в том случае, когда речь шла о выявлении истинного значения слова. Само слово *étymologie* могло использоваться в значении «философия». Постепенно данное слово перешло в сферу лингвистики, где первоначально означало «раздел грамматики, посвященный рассмотрению словообразования и словоизменения (склонения и спряжения) в том или ином языке». В настоящее время значение «philosophie» у данного слова является в изучаемых современных языках устаревшим;

littérature / grammaire / philologie / linguistique

В Древнем Риме у слова *litterātūra* отмечены следующие значения: «языкознание, филология, грамматика». Что касается слова *grammatica*, то у него зафиксированы значения «языко-

знание, грамматика, филология или литературная критика», т. е. более широкий спектр значений, чем в современных языках. Слово *linguistique* получило распространение в XIX в. – область знаний, которая вычленилась из науки *philologie*. Рассматриваемые термины на этапе становления наук могли обозначать одну и ту же область знаний. Далее обнаруживается расхождение в значениях. Особо остановимся на словах *филология* и *лингвистика*, поскольку в настоящее время они обозначают не только наименования наук, но и направления (бакалавриат и магистратура) «*Филология*» и «*Лингвистика*» в рамках российских государственных образовательных стандартов. В словаре В. Даля (XIX в.) зафиксировано: *филология* – «наука или изучение древних, мертвых языков»; *лингвистика* – «наука сравнительного исследования языков; языковедение». Именно так эти термины воспринимаются носителями современных европейских языков: например, в словаре французского языка *philologie* трактуется как «наука, изучающая язык с исторической точки зрения по письменным документам. Установление и сравнение текстов по различным рукописям, изданиям и т. д.». Что касается термина *лингвистика* – это «наука о речи и языках». Для носителей современного русского языка понимание слова *лингвистика* приближено к пониманию данного слова европейцами (*лингвистика* – наука о языке, языковедение, языкознание), но значение термина *филология* отличается от его современного значения в европейских языках. Так, в Толковом словаре русского языка С. Ожегова, Н. Шведовой (XX в.) указано: «*филология* – совокупность наук, изучающая духовную культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве». Следовательно, в рамках направления «*Филология*» в российском образовании могут изучаться не только древние, но также современные языки и литературы. Таким образом, современный интернациональный термин *филология* не столь однозначен, как представляется на первый взгляд, что может привести к неверной трактовке, например у потенциального магистранта, желающего освоить образовательную программу в российском вузе;

linguistique / logique

С классической древности до конца XVIII в. лингвистика не была отделена от логики и ее предметом считались единые общечеловеческие способы выражения мысли. Обособление лингвистики произошло в XIX в. и связано с выработкой эволюционного взгляда на язык, позволившего идентифицировать предмет лингвистики – различные языки в их истории – как самостоятельный предмет, отличный от предмета любой другой науки [Лебедев 2008: 6].

Итак, анализ языкового материала показал, что современные наименования наук могли обозначать другие (или в том числе другие) науки, нежели сегодня, например (на материале французского языка): *astrologie* → «astrologie», «astronomie»; *mathématique* → «mathématique», «astrologie»; *étymologie* → «étymologie», «philosophie»; *physique* → «physique», «médecine»; *physiologie* → «physique»; *médecine* → «zoologie»; *géométrie* → «géométrie», «géodésie», «mathématique»; *grammaire* → «linguistique», «philologie»; *littérature* → «linguistique», «philologie», «grammaire», *logique* → «linguistique». Таким образом, можно констатировать, что наличие смежных значений в словах, обозначающих наименования наук, свидетельствует о «размытости» самих наук на момент становления. На протяжении веков объект исследования отдельных наук постоянно уточняется, поэтому объем значения слов, обозначающих наименования наук, изменяется. Языковые средства указывают на отсутствие четкой дифференциации наук на этапе их становления. Ярким подтверждением этого факта являются наименования наук *biologie / zoologie*, которые были в древности этимологическими дублетами (см. рис. 6, предложенный Л.-Ж. Кальве [Calvet 1993: 83] в тексте автора, посвященном этимологическим изысканиям, речь не идет о науках; слова выделены нами. – Н. Б.):

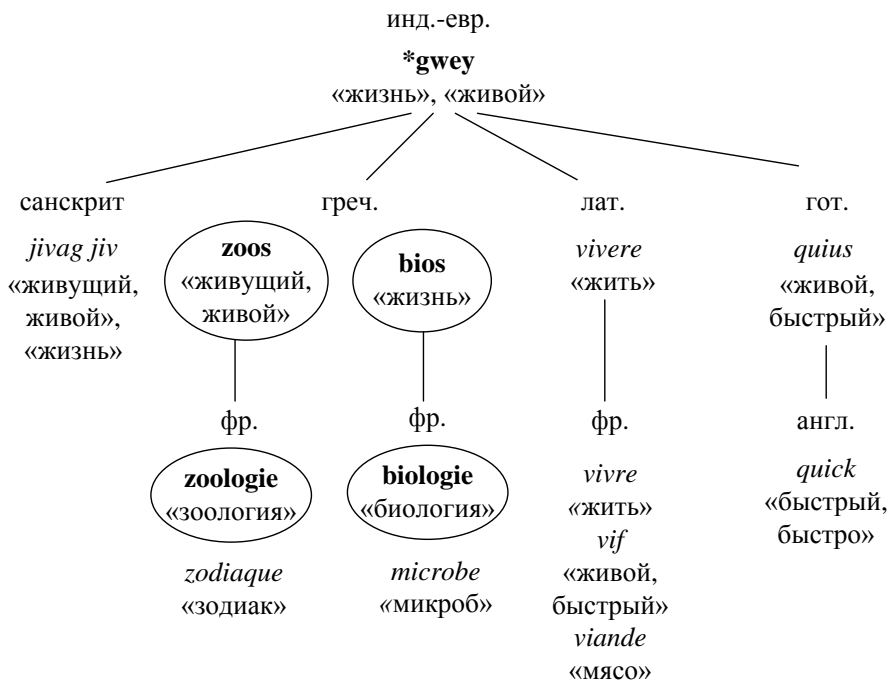

Рис. 6 – К этимологии слов *zoologie* и *biologie*

Термин *биология* (< гр. *bios* «жизнь»; наука о живой природе и закономерностях органической жизни) был образован выдающимся французским естествоиспытателем Ламарком в 1802 г. Как видно из рис. 6, слово восходит к греческой основе. Выше было отмечено, что термин *зоология* (< зōон «животное»; наука о животных) образован в 1750 г., т. е. по отношению к *биологии* он появился раньше. На сегодняшний день иерархические отношения выглядят следующим образом: наука *зоология* является отраслью *биологии*.

В настоящее время каждая наука имеет свою область исследования – тот или иной фрагмент или аспект реального мира, который избирается в качестве объекта данной науки. Однако отдельные науки и их подразделения разграничиваются не только по объекту, но и по тому, с какой точки зре-

ния, в каком аспекте и с какой целью они его рассматривают и изучают. Например, объектом лингвистики является речевая деятельность человека или язык в самом широком смысле этого слова. Но тот же объект интересует физиологию, психологию, социологию, поэтику и т. д. Предмет исследования в этих случаях будет модифицироваться, хотя объект фактически останется прежним [Лебедев 2008: 7]. На протяжении веков объект и предмет исследования отдельных наук постоянно уточняются, поэтому объем значения слов, обозначающих наименования наук, изменяется.

2.2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НОМИНАЦИИ НАУК

2.2.1. Способы словообразования наименований наук

Проблемы словообразования традиционно привлекали внимание известных отечественных лингвистов (Н. Д. Арутюнова, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, П. А. Соболева, М. Д. Степанова, А. А. Уфимцева и мн. др.). Вопросами словообразования на материале научной терминологии занимались М. В. Ломоносов, Ю. А. Бельчиков, Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина и др.

Анализ наименований наук, существовавших в латинском языке, выявил следующие форманты, участвующие в словообразовании наименований наук:

a (-a): litterātūra, medicina;
ia (-ия): chirurgia, historia, juris-prudentia, philosophia;
ica (-ика): anatomica, arithmetica, grammatica, logica,
mathēmatica, physica;
graphia (-графия): geographia;
logia (-логия): astrologia, etymologia, philologia, physiologia;
metria (-метрия): geometria;
nomia (-номия): astronomia.

Во всех случаях анализируемые слова оканчивались на *-a* и относились к первому склонению, т. е. являлись словами женского рода. Таким образом, все наименования наук изначально относились к женскому роду. Рассмотренные форманты латинских слов стали основными формантами в интернациональных словах. Анализ языкового материала показал, что на морфологическом уровне в большинстве случаев имеется полное совпадение слов, обозначающих области научного знания в современных языках, с ранее существовавшими латинскими словами. Исключение составили два латинских примера. Так, в слове *anatomica* произведена замена форманта *-ica* на *-ia* (фр. *anatomie*, исп. *anatomía*, итал. *anatomía*, англ. *anatomy*, нем. *Anatomie*, рус. *анатомия*). В слове *grammatica* в старофранцузском языке суффикс *-ica* был вытеснен собственным французским суффиксом *-aire* (*grammaire*). В этой форме слово было заимствовано английским языком (*grammar*). В других современных языках латинский формант в данном слове сохранился (исп. *grammatica*, итал. *grammatica*, нем. *Grammatik*, рус. *грамматика*).

Рассмотрим участие вышеперечисленных формантов в словообразовательных процессах в дальнейшей истории современных языков на материале наименований наук, научных областей, разделов наук, учений.

1. С л о в о с л о ж е н и е

Одним из наиболее древних и, по-видимому, универсальных способов словообразования является словосложение, так как этот способ порождения слов не утратил своей продуктивности и в настоящее время.

1) **-logia** < гр. *logos* «слово, учение», часть сложных слов, означающая: наука, знание, учение;

archéologie, 1599 < гр. *arkhaiologia* < *arkhaios* «древний» + *logos* (исп. *arqueología*, итал. *archeologia*, англ. *archaeology*, нем. *Archäologie*, рус. *археология*) – наука, изучающая историю общества по материальным остаткам жизни и деятельности людей;

2) **-graphia** < гр. *graphō* «пишу», часть сложных слов, означающая: описание, запись, чертеж, рисунок и т. п.; употребляется как составная часть терминов-наименований наук, названий способов воспроизведения, изображения чего-нибудь, а также предприятий, где применяются такие способы, например *historiographie, lithographie, typographie*;

cartographie, 1832 < лат. *charta* «бумага» + гр. *graphō* (исп. *cartografía*, итал. *cartografia*, англ. *cartography*, нем. *Kartographie*, рус. *картография*) – наука о географических картах, методах их создания и использования.

Исследователи отмечают, что сопоставление формантов *-logia* и *-grafia* позволило выявить следующее: те наименования наук, которые оканчиваются на формант *-grafia*, являлись первоначально только описательными дисциплинами (*cartographie, cristallographie, ethnographie*). Была наука о земле *géographie*, по аналогии появилась *aréographie* – наука о Марсе (*Mars* – латинское слово, в греческом это же понятие имеет другое обозначение – *Αρες*). Науки, которые оканчиваются на формант *-logia*, изначально являлись теоретическими (*géologie, sociologie, psychologie*). Правило данных формантов можно выявить, прежде всего, при изучении рек. Пресная вода является основой жизни на планете, в связи с этим с древних времен люди проявляли пристальный интерес ко всему, что связано с водой. Именно поэтому вслед за *hydrographie* (гидрография) – описанием рек последовала *hydrologie* (гидрология) – теория воды, а затем и *hydraulique* (гидравлика) – регулирование речного стока [Гуревич 1990: 208];

3) **-metria** < гр. *metreō* «измеряю» – конечная составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову *измерение*;

sociométrie, сер. XX в. < лат. *socio-* (< *socius* «общий», «совместный») + гр. *metreō* (исп. *sociometría*, итал. *sociometria*, англ. *sociometrics*, рус. *социометрия*) – отрасль социальной психологии, изучающая межличностные отношения, уделяя внимание преимущественно их количественному измерению.

По одним данным, термин появился в XIX в. в связи с попытками применить математические методы к изучению социальных явлений. По другим – слово является английским новообразованием, и первая фиксация отмечена в 1937 г.;

4) **-nomia** < гр. *nomos* «закон», часть сложных слов, обозначающих: наука, система взглядов или правил.

Помимо имеющегося в латинском языке наименования *astronomia* нами выявлено еще одно слово с формантом *-номия*, созданное позднее: *agronomie*, 1361 < лат. *ager* «земля, пашня, поле» + гр. *nomos*, через средневек. лат. (исп. *agronomía*, итал. *agronomía*, англ. *agronomy*, нем. *Agronomie*, рус. *агрономия*) – комплекс наук о возделывании сельскохозяйственных культур.

Примеры, в которых при словосложении использовались указанные форманты, распределились следующим образом: *-logia* – 73 %, *-graphie* – 14 %, *-metria* – 11 %, *-nomia* – 2 %.

Таким образом, наиболее продуктивным формантом в данной терминологической группе является *-logia*, наименее продуктивным *-nomia*.

В XIX–XX вв. с появлением смежных наук или разделов наук в словопроизводстве очень популярно словосложение при участии трех основ:

biogeographie, 1907 < гр. *bios* «жизнь» + гр. *ge* «земля» + *graphō* (исп. *biogeografía*, итал. *biogeografia*, англ. *biogeography*, нем. *Biogeographie*, рус. *биогеография*);

hydrogeologie, 1808 < гр. *hydr(o)* < гр. *udor*, *udatos* «вода» + *bios* «жизнь» + *logos* (исп. *hidrogeología*, итал. *idrogeologia*, англ. *hydrogeology*, нем. *Hydrogeologie*, рус. *гидрогеология*).

Появление новых наук в XIX–XX вв. привело к созданию неологизмов, составленных путем присоединения древнегреческих основ к уже существующим словам. К примеру, новые форманты *macro-* (< гр. *macros* «длинный, большой») и *micro-* (< гр. *mikros* «маленький») настолько прижились в языке, что превратились в свободные формы, способные присоединяться к словам, обозначающим области научного знания:

фр. *microbiologie* (исп. *microbiología*, итал. *microbiología*, англ. *microbiology*, нем. *Mikrobiologie*, рус. *микробиология*) – наука, изучающая микроорганизмы;

исп. *macroeconomía* (итал. *macroeconomica*, нем. *Makroökonomie*, рус. *макрэкономика*) – система взаимосвязей различных отраслей и сфер промышленности, сельского хозяйства.

Таким образом, ярко выраженный агглютинативный характер древнегреческих и латинских элементов, их способность выступать в различных комбинациях для выражения сложного специального понятия делает этот способ терминологической номинации наиболее распространенным и перспективным. Именно структурно-семантическая предсказуемость данных терминов, удовлетворяющая требования научной дефиниции, способствует тому, что они находят признание во всем мире и постепенно становятся «своими» в разных языках.

II. С у ф ф и к с а ц и я

-ic (a) (< гр. *-ikos* [Виноградов 1972: 189–190]);

фр. *acoustique*, 1701 < гр. *akoustikos* «относящийся к слуху» (англ. *acoustics*, нем. *Akustik*, исп. *acústica*, итал. *acústica*, рус. *акустика*) – раздел физики, изучающий упругие волны от самых низких, до самых высоких частот;

фр. *balistique*, 1647 < лат. *ballista* < гр. *ballein* «бросать» (исп. *balística*, итал. *balística*, англ. *ballistics*, нем. *Ballistik*, рус. *баллистика*) – наука о движении артиллерийских снарядов, неуправляемых ракет, мин, бомб, пуль при стрельбе или пуске;

фр. *mécanique*, 1559 – часть математики < лат. *mecanica* < *mecanicus* < гр. *mêkhanikos* < *mêkhanê* «машина» (исп. *mecánica*, итал. *meccànica*, англ. *mechanics*, нем. *Mechanik*, рус. *механика*) – наука о механическом движении материальных тел и взаимодействиях между ними.

III. Ф о р м а н т **-ia** (в современном словообразовательном процессе как самостоятельный интернациональный формант, присоединенный к основе, используется в изучаемой группе слов достаточно редко):

ветеринария < лат. (*medicus*) *veterinarius* < *veterina* «рабочий скот» (исп. *veterinaria*, итал. *veterinaria*; ср.: фр. *la médecine vétérinaire*, англ. *veterinary science / veterinary medicine*, нем. *Veterinärmedizin*) – наука о болезнях животных, их лечении и предупреждении, а также о методах защиты людей от инфекционных болезней животных;

логопедия < нем. *Logopädie* < греч. *logos* «слово, речь» + *paideia* «воспитание, обучение» (фр. *logopédie*, исп. *logopedia*, итал. *logopedia*, нем. *Logopädie*; ср.: англ. *logopaedics*) – раздел дефектологии, изучающий недостатки речи (заикание, картавость и т. п.) и разрабатывающий методы их предупреждения и устранения.

Анализ языкового материала показал, что изначально слова, ставшие в дальнейшем формантами, отчетливо разграничивали вновь созданные слова в значениях. Рассмотрим слова, имеющие одну и ту же основу, но с разными формантами, на примере французского языка:

hydro- < гр. *hydor* «вода» → *hydrologie*, 1614
hydrographie, 1548
hydrométrie, 1740

hydro... – первая составная часть сложных слов, обозначающая: относящийся к воде, водным пространствам, водороду;

hydrologie (исп. *hidrología*, итал. *idrología*, англ. *hydrology*, нем. *Hydrologie*, рус. *гидрология*) – наука, изучающая природные воды, явления и процессы, в них протекающие;

hydrographie (исп. *hidrografía*, итал. *idrografía*, англ. *hydrography*, нем. *Hydrographie*, рус. *гидрография*) – раздел гидрологии суши, посвященный описанию рек, озер, водохранилищ;

hydrométrie (исп. *hidrometría*, итал. *idrometría*, англ. *hydrometry*, нем. *Hydrometrie*, рус. *гидрометрия*) – раздел гидрологии, в котором разрабатываются главным образом методика изучения режима рек и озер – измерение скорости водного потока, его уровня, глубины и т. п.;

geo- < гр. *gē* «земля» → *géologie*, 1751
géographie, 1500
géométrie, 1175

geo... – первая составляющая часть сложных слов, обозначающая: относящийся к земле и ее изучению;

géologie (исп. *geología*, итал. *geologia*, англ. *geology*, нем. *Geologie*, рус. *геология*) – комплекс наук о составе, строении и истории развития земной коры и земли;

géographie (исп. *geografía*, итал. *geografia*, англ. *geography*, нем. *Geographie*, рус. *география*) – система наук, изучающая географическую оболочку Земли;

géométrie (исп. *geometría*, итал. *geometria*, англ. *geometry*, нем. *Geometrie*, рус. *геометрия*) – раздел математики, в котором изучаются пространственные отношения и формы;

bio- < (гр. *bios* «жизнь») → *biologie*, 1802
[*biographie*]
biométrie, 1842

bio... – начальная часть сложных слов, указывающая на отношение к жизни, жизненным процессам, биологии;

biologie (исп. *biología*, итал. *biologia*, англ. *biology*, нем. *Biologie*, рус. *биология*) – совокупность наук о живой природе;

[*biographie* (слово, не имеющее отношения к наименованию науки) – описание наиболее значительных фактов чьей-либо жизни и деятельности в хронологическом порядке];

biométrie (исп. *biometría*, итал. *biometria*, англ. *biometry* / *biometrics*, нем. *Biometrie* (1833), рус. *биометрия*) – раздел биологии, основные задачи которого – планирование количественных биологических экспериментов и обработка результатов методами математической статистики.

Таким образом, исследование показало, что формант *-metria* используется исключительно для обозначения наименований разделов наук (речь всегда идет о подсчете каких-либо величин в той или иной науке): *biométrie* (раздел биологии), *géométrie* (раздел математики), *hydrométrie* (раздел гидрологии).

Что касается формантов *-logia* (-логия) и *-graphia* (-графия), то они оба могут входить в состав слов, которые обозначают наименования самих наук: *minéralogie*, *météorologie*, *cartographie*, *cristallographie*; а также наименования разделов наук: *dialectologie* (раздел языкознания), *ornithologie* (раздел зоологии, изучающий птиц), *lexicographie* (раздел языкознания), *hydrographie* (раздел гидрологии).

Все форманты использовались при создании наименований наук и научных отраслей в разные века – от Средневековья до сегодняшнего дня.

Анализ языкового материала в изучаемых языках показал, что в большинстве случаев наименования наук и разделов наук, являясь интернациональными терминами, обнаруживают совпадение на уровне формантов. Отличие проявляется в основном на уровне графики и фонетики, например:

фр. <u>g</u> raphologie	<u>h</u> ydrographie	dialectologie
исп. Graf <u>o</u> logía	<u>h</u> idrografía	dialectología
итал. graf <u>o</u> logía	<u>i</u> drografia	dialettología
рус. гра <u>ф</u> ология	<u>г</u> идрография	диалек <u>т</u> ология
англ. graph <u>o</u> logy	<u>h</u> ydrography	dialect <u>o</u> logy
нем. Graph <u>o</u> logie	<u>H</u> ydrographie	Dialekt <u>o</u> logie
фр. <u>c</u> inématique	<u>r</u> hétorique	volcanologie
исп. <u>c</u> inemática	<u>r</u> etórica	vulcanología
итал. <u>c</u> inemàtica	<u>r</u> etòrica	vulcanología
англ. <u>k</u> inematics	<u>r</u> hetoric	volcanology
нем. <u>K</u> inematik	<u>R</u> hetorik	Vulkanologie
рус. к <u>и</u> нематика	р <u>и</u> торика	вулканология

Основываясь на работах лингвистов и опираясь на собранный нами в ходе исследования материал, мы систематизировали наиболее существенные явления, характеризующие процесс адаптации изучаемыми языками интернациональных слов на уровне фонетики и графики. Поскольку данное явление не

является предметом нашего исследования, то отметим только некоторые характерные случаи.

Так, в частности, для французского языка характерна орфографическая консервативность, где стремительная фонетическая эволюция сочеталась с давней литературной традицией и глубокой латинизацией лексики [Алисова 1987: 187–188]. Например, во французском языке буква *h* не соответствует никакому звуку. Нарушение соответствия «буква – звук» объясняется отставанием написания слов от звуковых изменений, а также намеренной этимологизацией (латинизацией) орфографии [Там же]: фр. *hydrographie* (ср. ит. *idrografia*). В подобных примерах в русском языке слова зачастую приобретают букву *г* и в словах звучит звук [г] (*гидрография*), что является проявлением влияния латинской традиции. Влияние латинского языка при адаптации русским языком слов из современных европейских языков в научной литературе отмечалось неоднократно [Сорокин 1965: 160 и др.]

Графическое варьирование букв может свидетельствовать о законах организации фонетической системы того или иного языка, например варьирование букв *k/c* дает разные звуки: англ. [k] *kinematics*, нем. [k] *Kinematik*, фр. [s] *cinema*, исп. [θ] *cinematica*, ит. [ʃ] *cinematica*.

Графическое оформление интернациональных слов дает регулярную закономерность, например звук [f] графически оформляется сочетанием букв *ph* во французском (*graphologie*), английском (*graphology*), немецком (*Graphologie*) языках и буквой *φ* в русском (*графология*) (влияние греческого языка); в испанском и итальянском языках в этих случаях всегда используется буква *f* (исп. *grafología*, итал. *grafología*). Звук [k], в частности в суффиксе, регулярно представлен в разных языках графически по-своему: сочетанием *que* – во французском языке (*rhétorique*), буквой *c* – в английском (*rhetic*), испанском (*retórica*) и итальянском (*retòrica*); буквой *k* – в немецком (*Rhetorik*), буквой *к* – в русском (*риторика*).

Иногда проявляются эпизодические случаи написания того или иного слова, не обусловленные фонетическими законами.

В редких случаях среди изучаемых интернациональных слов обнаруживается многовариантность суффиксов от языка к языку, например в названии раздела прикладной математики, появившемся в середине XX в.: *programmation* (исп. *programación*, итал. *programmazione*, англ. *programming*, нем. *Programmierung*, рус. *программирование*). Если в романских языках в данном случае суффикс совпадает (фр. *-tion*, исп. *-ción*, итал. *-zione*), то другие языки используют собственные словообразовательные ресурсы (англ. *-ing*, нем. *-ierung*, рус. *-ирование*). Впрочем, как отмечают исследователи, русский суффикс был в свое время создан на основе слов немецкого происхождения (которые, в свою очередь, получили влияние французского языка) и рассматривается исследователями в качестве полузаимствованного суффикса [Виноградов 1972: 347; Соболевский 1980: 20].

В русском языке зафиксированы случаи создания исследуемых научных терминов при помощи составной части *-ведение*. Рассмотрим данные слова в контексте слов европейских языков:

искусствоведение (фр. *la critique d'art*, исп. *estudio del arte*, *crítica de arte*, *artología*, итал. *teoría dell'arte*, *critica d'arte*, англ. *study of art*, *art criticism*, нем. *Kunstwissenschaft*);

почвоведение (фр. *agrologie*, исп. *agrología*, *edafología*, итал. *agrología*, англ. *soil science*, нем. *Bodenkunde*).

Проведенный анализ слов показывает, что русский формант *-ведение* соответствует в других языках следующим словам или формантам в сложных словах:

во французском – *critique* «критика», *-logie*;

в испанском – *estudio* «изучение», *critica* «критика», *ciencia* «наука», *-logía*;

в итальянском – *teoría* «теория», *critica* «критика», *stòria* «история», *stúdio* «изучение», *-logía*;

в английском – *study* «изучение», *science* «наука», *-logy* (формант);

в немецком – *Wissenschaft* «наука», *Kunde* «известие, весть».

Как уже отмечалось ранее, при номинации гуманитарных областей знания обнаруживается замена слова «science», свидетельствующего о «жестком» понимании научности, на расплывчатые и «мягкие» термины, например «study» [Ищенко 2004: 184]. Примеры свидетельствуют о том, что терминологические подвижки осуществляются в разных языках и при помощи разных общеупотребительных слов.

IV. С о к р а щ е н и я

В рассматриваемых языках было выявлено такое явление, как сокращение слов и словосочетаний. Сокращенные слова активно распространяются, вероятно, по двум причинам: 1) они удовлетворяют внутренние потребности конкретного языка – стремление к экономии средств выражения; 2) под влиянием других языков.

В данной терминологической группе некоторые наименования наук и областей наук также приобрели сокращенную форму, это наблюдается, например, во французском языке:

а) *géo* (< *géographie*). Сокращение носит фамильярный характер: *faire de la géo* «заниматься географией», *prof de géo* «преподаватель географии»;

б) *math* или *maths* (< *mathématiques*). Зафиксированы следующие выражения: *un fort en maths* «сильный в математике», *faire des maths* «заниматься математикой», *prof de maths* «преподаватель математики».

Данное сокращение имеет распространение во французском образовании для названия специализированных математических классов:

math élém < *mathématiques élémentaires* «элементарная математика» – название класса, готовящего к бакалавриату; *math spé*, *math sup* < *mathématiques spéciales*, *supérieurs* «специальная, высшая математика»;

math géné < *mathématiques générales* «общая математика» – сертификат общей математики лиценциата (лиценциат – ученая степень во Франции).

Данное слово употребляется в сокращенной форме и в английском языке. В американском варианте английского языка слово зафиксировано как *math* (< *mathematics*), в британском варианте английского языка отмечено *maths* (< *mathematics*). Сокращенное слово отмечено также в немецком языке: *Mathe* «школьная математика», *Mathe-As* *parz.* «ас в математике».

У. Семантическое словообразование

Исследователи относят к семантическому словообразованию возникновение новых семантических единиц вследствие изменения значения слова. К семантическим способам словообразования относится, в частности, транспозиция. Одной из разновидностей транспозиции является способ расширения словарного состава за счет перехода собственных имен в нарицательные. Этот способ достаточно продуктивен в разных языках [Зеленина 1997: 3]. В исследуемой группе слов данный вид словообразования является редким.

Традиция присваивать чему-либо имя собственное возникла в глубокой древности и дошла до наших дней:

geo... – первая часть сложных слов, указывающая на отношение данных слов к Земле, земному шару, земной коре и т. д., например: *géographie, géometrie, géophysique, géologie, géochimie* и т. д. Происхождение слова связано с именем Гея, олицетворяющей в древнегреческой мифологии Мать-Землю, богиню животворящей Земли. Гея – древнейшее доолимпийское божество, она первой выделилась из изначального Хаоса, став производительницей всех живых существ. Гея считалась прародительницей людей и великой обителью мертвых, погребенных в лоне Земли. Культ Геи играл большую роль при почитании предков [Рязанцев 1998: 56];

hydra... – часть сложных слов, обозначающая отношение к воде, например *hydraulique* (гидравлика). В древнегреческой мифологии Гидра – чудовищная водяная змея со множеством голов, дочь чудовища Тифоны и Ехидны, полужмеи-полуженщины. Гидра считалась непобедимой, так как на месте отрубленных голов у нее вырастали новые. Ядовитое же дыхание Гидры уничтожало все живое, а сама она уничтожала

целые стада, опустошала все окрестности и наводила страх и ужас на людей [Там же: 62];

gérontologie (исп. *gerontología*, итал. *gerontologia*, англ. *gerontology*, нем. *Gerontology*, рус. *геронтология*). *Геронт* (фр. *Géronte*) – имя собственное персонажа старца классической комедии < гр. *gerôn* «старик». В XX в. на базе слова появилось название медицинской науки, изучающей старость.

Следующие два слова объединяет то, что они заключают в себе одно имя собственное:

psychologie < гр. *psykhê* «душа» + *logos* «слово, наука» (исп. *(p)sicología*, итал. *psicologia*, англ. *psychology*, нем. *Psychologie*, рус. *психология*). В греческой мифологии *Психея* была возлюбленной Купидона, которой Юпитер даровал бессмертие. Таким образом, *Психея* в греческой мифологии – олицетворение человеческой души, которая изображалась в образе бабочки или девушки [Germa 1993: 186]. В конце XVI в. слово обозначало науку о появлении духов; в 1690 г. – это «наука о душе» в противопоставление *анатомии*. В настоящее время слово обозначает науку о психике, психической деятельности человека и животных;

psychiatrie < гр. *psykhê* «душа» + *iatros* «врач» (исп. *(p)siquiatría*, итал. *psichiatria*, англ. *psychiatry*, нем. *Psychiatrie*, рус. *психиатрия*). В настоящее время данное слово обозначает область клинической медицины (слово сформировано в кон. XVIII – нач. XIX в.).

При изучении словообразования данной группы слов выявляются в основном универсальные явления, которые проявляются во всех изучаемых языках. Так, в связи с развитием наук, отраслей наук, научных областей в последние столетия (преимущественно в XIX–XX вв.) во всех исследуемых языках образуется большое количество сложных слов, которые свидетельствуют об интенсивном развитии наук и об образовании новых наук на стыке старых. Как правило, эти слова создаются на базе уже существовавших интернациональных слов, обозначавших названия той или иной науки.

2.2.2. Семантическая характеристика терминов, обозначающих деятелей наук

Человек, как творец и носитель языка играет важнейшую роль в познании мира, а также в процессах коммуникации и номинации. Наименования лиц по профессии (в данном разделе мы рассматриваем наименования деятелей науки) представляют собой значительный в количественном и качественном отношении пласт лексики любого современного языка. Профессиональная деятельность человека сопутствует практически всем этапам его эволюции, а социальная градация является неотъемлемым атрибутом человеческого общества на всех этапах его развития.

Наименования лиц по роду деятельности (в данном случае научной деятельности), с одной стороны входят в лексический класс «наименования лиц», с другой стороны, относятся в то же самое время к так называемой специальной терминологической лексике, так или иначе связанной с профессиональной деятельностью человека.

Наименование лиц безусловно связано с проблемами антропоцентризма в современной лингвистике. Ономаσιологическая группа «наименования лица» занимает одно из ведущих мест в системе лексикона по богатству и разнообразию структурно-семантических форм. На протяжении нескольких десятилетий данный пласт лексики вызывает неизменный интерес как зарубежных, так и отечественных лингвистов. Вопросы, связанные с наименованием лиц, освещались в работах Г. Н. Абреимовой, А. А. Бекбалаева, В. Л. Воронцовой, А. В. Душкина, Е. В. Кашпур, Е. Н. Квашниной, А. И. Моисеева, Е. Оксаар, Т. Ф. Солонович и др. В своих исследованиях авторы дают хронологическую классификацию исследуемых единиц, а также рассматривают семантические и структурные особенности данной группы слов. Исследователи обращаются к проблемам, связанным с соотношением общества и языка, культуры и языка, а также изучают

проблемы взаимоотношения лингвистического и экстралингвистического в актах номинации.

Каждая лексическая единица (ЛЕ) является носителем, по крайней мере, пяти взаимозависимых групп признаков: фонетических, морфологических, словообразовательных, семантических, стилистических; в ходе сопоставления этих ЛЕ можно изучать их соответствия на всех этих пяти уровнях. При этом могут быть установлены различные степени соответствия: от полного совпадения (тождества) до полного расхождения (различия, появляющиеся в процессе исторического развития языка). Промежуточное место занимают разные градации сходства ЛЕ, носящего подчас достаточно условный характер [Лейчик 2006: 244].

В данном разделе мы рассматриваем лексические соответствия на уровне семантики в терминологической группе слов, обозначающих деятелей наук.

Как свидетельствует языковой материал, изучение семантики терминов, обозначающих деятелей наук, является отражением развития семантики терминов, обозначающих сами науки. Данные слова обладают зачастую графическим и, следовательно, звуковым соответствием, которое свидетельствует об их общем происхождении, и при этом характеризуются семантическими соответствиями разной степени.

Анализ языкового материала позволил выявить, что термины, обозначающие деятелей наук, в большинстве случаев являются производными от самих наименований наук. Данная группа слов бытует во многих языках мира, но, исходя из семасиологического (от слова к понятию) и ономасиологического (от понятия к слову) принципов изучения слов на уровне сравнительной типологии [см. о принципах: Репина 1996: 14], мы пришли к выводу, что данные слова не являются эквивалентами на семантическом уровне.

Обратимся к семантике терминов, обозначающих деятеля такой науки, как *algebra* (фр.): фр. *algébriste*, итал., исп. *algebrista*, англ. *algebraist*. В указанных языках термин является, как правило, однозначным и обозначает лишь специалиста дан-

ной области. В испанском же языке у данного слова сохранилось значение «костоправ». Обратимся к этимологии слова *алгебра*. Оно пришло из арабского *al-djabr* «соединение того, что было сломано» (восстановление разрозненных частей). Первоначально слово использовалось для обозначения деятельности костоправа, который умеет вправить сломанные кости. Позднее, в эпоху Средневековья, данное слово получило значение «раздел математики», развившийся в связи с задачей о решении алгебраических уравнений. Первоначальное значение было утрачено и только испанское *algebrista* «костоправ» напоминает о прежнем значении данного наименования науки.

Рассмотрим семантику терминов, обозначающих деятеля науки *géométrie* (фр.): фр. *géomètre*, итал. *geometra*, англ. *geometrician*, рус. *геометр*. В указанных языках, кроме французского, слово является однозначным. Во французском языке у данного слова зафиксировано дополнительное значение «землемер». Этимологический анализ слова свидетельствует о том, что первоначальное значение науки *геометрия* – «измерение земли» < гр. *gē* «земля» + *metria* «измерять». Проанализируем слова, обозначающие понятие «землемер» в современных языках: фр. *géomètre*, *arpenteur*, *géodésien*; итал. *agrimensore*; исп. *agrimensor*, *apeador*; англ. *land-surveyor*; нем. *Landmesser*, *Geometer*. Мы обнаруживаем, что во французском языке данное понятие обозначается, в частности, словом *géomètre*, а в немецком языке *Geometer*. Представляет интерес то, что во французском языке один из терминов, обозначающих данное понятие, – *géodésien*. В связи с этим сравним слова, обозначающие наименование деятеля, занимающегося наукой *геодезией*: фр. *géodésiste*, *géodésien*; итал. *geodeta*; исп. *geodesta*; англ. *land-surveyor*; нем. *Geodät*, *Geometer*, *Landmesser*, *Vermessungsingenieur*; рус. *геодезист*. Мы видим, что в немецком языке специалист такой науки, как *геодезия*, обозначается также словом *Geometer*. Данное явление указывает на смежность таких наук, как *géométrie* и *géodésie*, в Древнем мире. В настоящее время это две разные науки:

géodésie – наука об определении формы и размеров Земли; *géométrie* – раздел математики, в котором изучаются пространственные отношения.

Обратимся к значению термина, обозначающего деятеля такой науки, как *экономика* (фр. *économiste*, итал. *economista*, исп. *economista*, англ. *economist*, нем. *Ökonom*, *Wirtschaftsfachmann*, рус. *экономист*). В современных языках основное значение данного термина – «специалист в области экономики». В русском языке зафиксировано дополнительное значение: *экономист* – «бережливый человек». Этимологический анализ интернационального термина *экономика* указывает на то, что одно из первоначальных значений слова – «бережливое ведение домашнего хозяйства».

Изучение ряда терминов, обозначающих в разных языках специалиста, занимающегося наукой *chimie* (фр.), позволило также выявить интересные моменты на семантическом уровне (фр. *chimiste*; итал. *chimico*, *chimista*; исп. *químico*; англ. *chemist*, *chemical industry worker*; нем. *Chemiker*; рус. *химик*). Помимо деятеля указанной области знания, в английском языке термин *chemist* имеет дополнительное значение «аптекарь», которое свидетельствует о связи *химии* с *алхимией*, занимающейся, в Средневековье в частности, фармакологией. В русском языке у слова появляется ироническое значение: *химик* «ловкач, пройдоха», от глагола *химичить*.

Таким образом, семантический анализ современных терминов, обозначающих наименования деятелей наук, в некоторых случаях позволяет раскрыть семантику и этимологию терминов, обозначающих наименования самих наук.

Некоторые анализируемые термины, помимо обозначения деятеля той или иной науки, со временем приобретают дополнительное значение. Например, слово, обозначающее специалиста такой области, как *философия* (фр. *philosophe*, итал., исп. *filósofo*, англ. *philosopher*, нем. *Philosoph*, рус. *философ*), в некоторых языках приобрело дополнительные значения: исп. *filósofo* «созерцатель жизни», «невозмутимый, беззаботный человек»;

англ. *philosopher* «невозмутимый человек»; рус. *философ* «человек склонный к отвлеченным размышлениям, рассуждениям», «человек, который разумно относится к жизни».

Таким образом, в ходе анализа примеров мы выявили неравномерность семантического развития этимологически тождественных терминов, обозначающих наименования наук и их производных.

2.2.3. Гендерный аспект номинации деятелей наук

В последние 10–20 лет был сделан огромный скачок в осознании того, что социальные изменения в статусе женщины должны находить свое подтверждение и в другом социальном явлении – языке, даже если для этого на первых порах и приходится нарушать стереотипы [Серова 2007: 220]. Данный аспект относится к области исследования *гендерной лингвистики*. В самом общем плане исследование гендера в языкознании касается двух групп проблем, одна из которых – язык и отражение в нем пола. Темой языка и пола лингвисты заинтересовались в 60-е гг. XX в. Это произошло во многом благодаря тому, что на первое место в лингвистическом описании стал выдвигаться социальный план, рассматривающий язык в связи с обществом и находящимся в нем человеком.

Проблемой гендера занимаются как зарубежные лингвисты (Есперсен, Дж. Лакофф), так и исследователи русской гендерологической школы (Е. И. Горошко, А. В. Кирилина, Д. Ч. Малишевская, М. Томская, И. И. Халеева и др.). В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. гендерные исследования в языке уже получили широкое распространение. Это обусловлено появлением «Нового женского движения», прежде всего в англоязычных странах (Великобритания и США) и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой [Потапов 2002: 103].

Феминистская лингвистика исследует язык с целью выявления «асимметрий в его системе, направленных против женщин», т. е. патриархальных стереотипов, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль [Кирилина 1999: 237].

Феминистская лингвистика подвергает язык критике за его ориентированность на мужчину. Участники данного направления обвиняют язык в сексизме – дискриминации по признаку пола, которой подвергаются женщины. Дискриминация в данном случае выражается в преобладании мужских форм в языке.

Многие исследования в своих работах затрагивали вопрос о преимуществе того или иного рода в языке. Еще в XVIII в., по мнению Джеймса Харриса, «высшая Сущность / Бытование... во всех языках отождествляется Мужским родом, подобно тому, как принадлежность к мужскому полу считается высшей и более совершенной характеристикой» [Harris 1765].

Дэйл Спендер в XX в. занял, в свою очередь, позицию активного защитника женского рода в языке. Он полагает, что несправедливость лингвистического контроля в виде мужского маркера корнями уходит в притчу о создании Евы из ребра Адама, что предполагает соответственно некорректную номинацию [Spender 1980].

Основным объектом критики феминистской лингвистики является группа наименований лиц женского пола и, прежде всего, наименований женщин по профессиональному признаку. Несмотря на то, что в современном обществе давно отпала социальная необходимость разделения труда на основе детородной способности женщин и мужской роли «воина» и «завоевателя», гендерные роли до сих пор сохраняются.

Номинативная система языка является одним из важнейших объектов гендерных исследований, так как именно в этой отрасли особенно четко отражены негативные дефиниции в отношении женщин.

В данном параграфе мы рассматриваем группу терминов «деятели науки» на материале рассматриваемых языков с позиции гендерных исследований. Что касается самой науки, то некоторые исследователи критикуют ее маскулинный характер, который обнаруживается во многих явлениях. Само определение науки дается через использование маскулинных атрибутов: объективности, рациональности, строгости. Маскулинизм европейской науки также выражается в характере производства знаний. Отвергая те способы познания, которые традиционно ассоциируются с феминными (интуицию, чувственное познание), или те виды опыта, которые обычно определяются как не мужские, наука отворачивается от многих иных способов познания мира. Андроцентризм науки также выражается в том, что объектами изучения традиционно являются мужчины и маскулинное. Так, например, биология, антропология, медицина и психология долгое время изучали под видом «человека вообще» мужчину. Традиционные исторические исследования касаются, как правило, событий «большой» (мужской) истории – войн, битв, революций, смены династий; а повседневная жизнь людей, считающаяся сферой деятельности женщин, редко оказывается в поле зрения исследователей. Даже «иерархия наук» носит маскулинный характер: более престижными и уважаемыми считаются «строгие» науки, такие как математика или физика, менее уважаемыми и «солидными» – «феминные», например литературоведение [Воронина 2000: 9].

Таким образом, учитывая маскулинный характер науки, с целью выявления сексизма нами была подвергнута анализу терминологическая группа наименований деятелей науки в латинском и современных языках. Маскулинный или феминный характер слов легко определяется через род, если таковой в языке имеется. Многие исследователи в большей или меньшей степени затрагивали вопросы грамматической категории рода. Одной из основных функций рода как грамматической категории является классифицирующая, т. е. язык с помощью рода различает объекты, зафиксированные в структуре этого языка. Об этом же свидетельствует и этимология слова *rod* <

лат. *genus* «класс», «тип». Во многих языках грамматическая категория рода представлена оппозицией «мужской / женский». В этой группе представлено большинство романских, а также некоторые германские языки. В других языках к этой оппозиции добавляется еще один член – средний род (например, латинский, русский, немецкий языки).

Как известно, в **латинском языке** существовало три рода существительных: мужской род – (*genus*) *masculinum* (m); женский род – (*genus*) *femininum* (f); средний род – (*genus*) *neutrum* (n).

В данном языке все зафиксированные термины, обозначающие деятелей наук того времени, имеют мужской род: *astrologus*, *chīrūrgus*, *etymologos*, *geōmetrēs*, *grammaticus*, *historicus*, *jūris-perītus*, *litterātor*, *mathēmaticus*, *medicus*, *philologus*, *philosophus*, *physicus*.

Таким образом, ярко выраженный андроцентризм языка на данном языковом участке отмечается уже в древности. Объяснение такого превалирования мужской формы в языке может быть обусловлено исторически сложившейся особенностью разделения профессиональной деятельности, где мужчинам принадлежало неоспоримое первенство.

Анализ имеющегося у нас языкового материала во **французском языке** позволил выявить следующее соотношение:

1) грамматический род – мужской (50 % от общего количества слов, обозначающих деятелей науки): *médecin* (m), *astronome* (m), *astrologue* (m), *philosophe* (m), *zoologiste* (m), *économiste* (m), *biologiste* (m), *pédagogue* (m), *archéologue* (m), *géomètre* (m), *hydrographe* (m), *hydrologiste* (m), *historien* (m), *criminaliste* (m);

2) грамматический род – мужской и женский (50 % от общего количества слов, обозначающих деятелей науки): *étymologiste* (m, f), *psychologue* (m, f), *chimiste* (m, f), *botaniste* (m, f), *psychiatre* (m, f), *météorologiste* (m, f), *minéralogiste* (m, f), *linguiste* (m, f), *philologue* (m, f).

К настоящему времени во Франции выпущен первый циркуляр премьер-министра с рекомендациями морфологического

характера. В нем приводятся правила образования существительных женского рода путем использования женского детерминатива женского рода (*une linguiste, une botaniste*).

В опубликованных рекомендациях было предложено также употребление окончания *-e* с удвоением конечной согласной: *arithméticienne* (f), *généticienne* (f), *grammairienne* (f), *cybernéticienne* (f), *logicienne* (f), *mathématicienne* (f), *physicienne* (f). Одной из рекомендаций также было использование суффикса (*une matheuse*).

Преобладание мужских форм во французском языке нами выявлено также в словосочетаниях: *c'est un philosophe* «он ко всему относится философски»; *le médecin traitant (de famille)* «лечащий (домашний) врач»; *un médecin de médecine générale* «врач-терапевт».

В случае необходимости акцентирования женского рода у существительного к нему прибавляется слово *femme* – *une femme médecin* «женщина-врач», *фам.* «врачиха». Таким образом, добавление такого слова, как *femme*, может придать негативный оттенок значению, что свидетельствует о дискриминации женщин.

Несмотря на борьбу с преобладанием мужских форм во французском языке, во Франции присутствуют также сторонники консервативной позиции, которые утверждают, что мужской род является одновременно общим для двух родов (женского и мужского) и что искусственное создание несуществующих во французском языке слов приведет лишь к ненужной дифференциации. Рекомендации Французской Академии сводятся к употреблению формы мужского рода, если в современном языке нет соответствующей женской формы [Серова 2007: 214–215].

Несмотря на сторонников мужских форм в языке, в настоящее время данный вопрос рассматривается на государственном уровне; при правительствах создаются комиссии по разработке соответствующих рекомендаций, публикуются списки женских форм существительных, называющих должности, профессии, звания, и эти формы все больше проникают в речь [Там же: 210].

Таким образом, процесс феминизации французского языка в рассматриваемом аспекте занимает активные позиции, при этом сама система французского языка полностью отвечает этим потребностям.

Анализ изучаемых слов с точки зрения родовой принадлежности в **испанском языке** позволил выявить две группы:

1) мужской грамматический род (*genero masculino*), которому соответствуют артикли *el* и *un* (68 % от общего количества слов): *literato* (m), *lógico* (m), *hidráulico* (m), *botánico* (m), *filólogo* (m), *filósofo* (m), *economista* (m), *jurista* (m), *hidrólogo* (m), *criminalista* (m), *genetista* (m);

2) двойственный грамматический род (*genero masculino / femenino*), носителями которого являются одушевленные существительные, имеющие парные окончания соответственно мужского и женского рода, соотносимые с признаком пола человека-денотата, например *aritmético / aritmética*, что в словаре отмечено как *aritmético (m, f)*, (32 % от общего количества слов): *fisiólogo (m, f)*, *medico (m, f)*, *matemático (m, f)*, *astrólogo (m, f)*, *(p)sicólogo (m, f)*.

В **итальянском языке** имена существительные имеют два рода: мужской (*maschile*) и женский (*femminile*). Большинство существительных мужского рода в единственном числе в итальянском языке оканчиваются на *-o*, поэтому анализ исследуемых слов в итальянском языке, оканчивающихся на данную букву, позволил зафиксировать стопроцентный андроцентризм: *botanico* (m), *grammatico* (m), *zoologo* (m), *geologo* (m), *idrologo* (m), *storico* (m), *cibernetico* (m), *letterato* (m), *logico* (m), *medico* (m), *meteorologo* (m).

Существительные женского рода в единственном числе оканчиваются на *-a*, однако в исследуемой группе слов «деятели науки» зафиксированы слова с окончанием на *-a*, которые также относятся к мужскому роду: *geometra* (m), *geodeta* (m), *psichiatra* (m).

Выделяется также группа слов мужского рода, оканчивающихся на *-ista* (обозначающих обычно профессию

в итальянском языке): *genetista (m)*, *grammatista (m)*, *zoologista (m)*, *meteorologista (m)*, *mineralogista (m)*, *pedagogista (m)*.

В словосочетаниях также используются исключительно формы мужского рода: *la barba non fa il filosofo* «не всяк бородач-философ»; *fare il medico* «работать врачом»; *gli errori dei medici la terra li copre* «ошибки врачей покрывает земля».

В романских языках для каждого слова, обозначающего деятеля науки, в словаре указан род.

Совершенно другая ситуация в **английском языке**, где развитие аналитизма привело к разрушению словоизменения и утрате родовых противопоставлений. Род превратился в скрытую категорию, которая обнаруживается только через местоимения. В отличие от других изучаемых современных языков, где род узнается по окончаниям или по артиклю, в английском языке род можно определить только по контексту. В настоящее время в английском языке нейтральными словами, обозначающими лиц обоих полов, являются слова мужского рода. Анализ исследуемой группы слов показал, что ряд имен существительных, обозначающих деятелей наук, может относиться как к мужскому, так и к женскому роду: *criminalist*, *philologist*, *philosopher*, *arithmetician*, *astrologer*, *biologist*, *zoologist*, *historian*, *linguist*, *geologist*.

Использование слов мужского рода в языке обусловлено тем, что на протяжении длительного времени языковое сознание англичан и американцев находилось под сильным воздействием многовековой христианской литературной традиции, подчеркивающей превосходство мужчины над женщиной. Таким образом, английское общество было ориентировано на мужчин, с доминированием патриархата, что не могло не отразиться на эволюции языка.

Нами было выявлено, что в некоторых случаях в наименованиях деятелей наук изначально участвует слово, указывающее на мужской пол: *a literary-man* «литератор»; *a medical-man* «врач». Несмотря на то, что *man* в английском

языке имеет два значения: 1) человек; 2) мужчина, в этом случае речь, несомненно, идет о мужчине.

Производные женские формы в английском языке обычно маркируются суффиксом или каким-либо другим морфологическим или лексическим признаком, который отличает женский род от общего.

Как отмечают исследователи, особое место занимают традиционные суффиксы женского рода английских существительных: *-ess*, *-ett*, *-ine*. Суффикс *-ess* обязан своим происхождением греческому языку. «Перевалочными пунктами» для него послужили латинский и старофранцузский, где у него была функция привычного индикатора производных имен женского рода. Начиная с XIV в. этот суффикс присоединяется к основам исконных существительных. В XV в. популярность «женского» суффикса быстро возрастает, в XVIII в. суффиксу *-ess* предсказывают скорое отмирание, а в учебных пособиях XIX в. содержатся прямые рекомендации избегать оформления существительных при помощи данного форманта. Однако вопреки предсказаниям и рекомендациям данный суффикс, по мнению исследователей, оказался в английском языке весьма жизнеспособным [Харьковская 1999: 3].

В исследуемых словах использование «женских» суффиксов не отмечено. Устойчивые выражения в английском языке также свидетельствуют об андроцентризме, так как изначально в словаре отмечено местоимение мужского рода: *he is a good linguist* «ему легко даются языки».

В настоящее время в связи с изменением роли мужчины и женщины многие англоязычные лингвисты предлагают ввести определенные изменения как в лексическую, так и в грамматическую систему языка. В исследуемой группе слов подобные изменения не зафиксированы.

Все существенные перемены, происходящие в общественном и профессиональном положении женщин в немецкоговорящих странах, отразились в номинативной системе **немецкого языка**. Традиционное употребление нейтрального, обобщенного

мужского рода при наименовании женщин по профессиональному признаку подверглось серьезной критике со стороны феминистски настроенных лингвистов.

Анализ группы слов, обозначающих специалистов в области науки с позиции гендера, позволил выявить, что изначально все слова, обозначающие деятелей науки, – мужского рода: *Literat* (m), *Physiker* (m), *Astronom* (m), *Astrologe* (m), *Linguist* (m), *Chemiker* (m), *Psychologe* (m), *Geograph* (m), *Historiker* (m), *Mineraloge* (m), *Genetiker* (m). В современном немецком языке обозначение деятеля науки женщины в грамматической форме мужского рода является оскорбительным. В данном языке активно используется суффикс *-in*, например *Philosophin*, *Linguistin*, *Mathematikerin*, что является результатом протеста против дискриминации женщин, «сексизма в языке».

В российской лингвистике вопрос о соотношении категории грамматического рода и экстралингвистической категории «пол» рассматривался еще до того, как на Западе сформировалась феминистская концепция языка. В **русском языке** в досоветское время предпочтительны были номинации лица с учетом пола *крестьянин / крестьянка*, а после революции общественный дискурс постепенно перешел к преимущественному употреблению форм мужского рода по отношению к лицу любого пола [Янко-Триницкая 1966: 153–167].

Анализ слов, обозначающих деятелей наук в русском языке с точки зрения рода, позволил выявить следующее:

1) мужской грамматический род (76 % от общего количества слов): *логик* (м), *этимолог* (м), *криминалист* (м), *метеоролог* (м), *гидролог* (м), *генетик* (м), *зоолог* (м), *литератор* (м), *педагог* (м);

2) мужской и женский грамматический род (24 % от общего количества слов): *химик / химичка*, *географ / географичка (географиня)*, *экономист / экономистка*, *ботаник / ботаничка*, *лингвист / лингвистка*, *медик / медичка*, *юрист / юристка*, *физик / физичка*.

Итак, часть наименований лиц, занимающихся наукой, в русском языке образует пары мужского и женского рода. Слова мужского рода употребляются в официально-деловой речи. В разговорной речи употребляется форма женского рода, так как здесь имеется в виду, прежде всего, конкретное лицо, не только его занятие, но и его пол. Анализ данной группы слов показал, что производные слова женского рода иногда приобретают дополнительную коннотацию «*учительница средней школы*» (*химичка, физичка, географичка* и т. д.). Некоторые производные слова женского рода приобретают уничижительное значение: *медик* «*специалист в области медицины*» / *медичка* «*медсестра*». Таким образом, несмотря на то, что в русском языке ярко представлены производные слова женского рода, такие формы чаще всего придают речи сниженный, пренебрежительный, несколько фамильярный характер.

В настоящее время во всех языках есть как сторонники процесса феминизации языка, так и противники со своими критическими замечаниями: «...Какую пользу принесет женщинам даже самый красивый суффикс, если их положение существенно не изменится?» [Oksaar 1992: 23].

Проявление маскулинизма при номинации деятелей наук объясняется тем, что изначально науками занимались исключительно мужчины.

Выводы по разделу 2

Развитие разных наук в эпоху научно-технического прогресса сопровождается появлением специальных наименований для новых областей научного знания. В связи с интеграцией европейских образовательных систем в рамках Болонского процесса комплексное изучение наименований наук представляет практическую значимость.

Изучение терминологической группы наименований наук позволило, базируясь на трудах по философии наук, прояснить некоторые моменты, связанные со становлением самих наук. Так, показательным в этом отношении является слово *science* «наука», которое отражает принципиальное различие в понимании сущности гуманитарного познания. Интерес к гуманитарным знаниям проявился в эпоху Возрождения. Первоначально гуманитарные области знаний не признавались как научные. Подтверждением этому являются языковые традиции. Так, в англоязычных странах люди традиционно ознакомлены с различием между «науками» (*sciences*) и «гуманитарными науками» (*humanities*). Это наблюдается, например, в современном английском языке, где применительно к гуманитарным наукам понятие «science» часто замещается понятием «studies»: *cultural studies, social studies, human studies*. В германоговорящей части мира может использоваться термин *Wissenschaft* для определения любой науки. В этой связи исследователями отмечается, что русская версия термина *гуманитарные науки* представляет собой своеобразный «синтез» двух традиций – сохранение указания на гуманистическую традицию совместно с коннотацией научности.

Области научного знания в толковых словарях в разные эпохи на синхронном уровне получают разные толкования: «трактат», «искусство», «теория», «доктрина», «учение», «знание, умение», «наука», т. е. на коннотативном уровне проявляется некоторое «снижение научности». Причем такое толкование может носить одномоментный характер: наименование

науки трактуется, например, как «учение», «теория», «наука». Это свидетельствует о том, что данная конкретная наука находится еще на стадии становления.

Терминологическая группа наименований наук относится к интернациональным заимствованиям, и большинство слов употребляется во всех рассматриваемых языках.

Этимологический аспект изучения позволил выявить тот факт, что терминологическая группа наименований наук во всех языках создана в значительной мере на базе древнегреческого словарного фонда при посреднической роли латинского языка. Специфичным для данного аспекта является время появления изучаемой лексики в современных языках. Определить точную дату появления наук для всех языков очень сложно, так как первая фиксация не всегда говорит о становлении науки. С момента первой фиксации слова может пройти не одно столетие, прежде чем наука получит свой самостоятельный статус. Первая фиксация слов, обозначающих наименования наук, представлена тремя языками: французским, итальянским, английским, так как преимущественно в этимологических словарях данных языков представлена первая фиксация наименований наук. Этимологический анализ позволил выявить то, что первые термины пришли в английский язык через французский и старофранцузский. Этимологические словари русского языка свидетельствуют о том, что значительная часть анализируемых терминов пришла через немецкий или польский языки. В немецком, испанском и русском языках наименования наук появились значительно позднее. Таким образом, динамика первых фиксаций позволяет проследить историю наук, а также историю образования в современных странах.

Несмотря на интернациональный характер данного пласта в целом, в каждом рассматриваемом языке зафиксированы национальные слова. Более всего национальные термины представлены в немецком языке, многие из них употребляются параллельно с интернациональными.

Номинативный аспект изучения указывает на то, что для всех языков наименования наук и их производные являются вторичной номинацией. Появление новых наук, с одной стороны, обуславливает открытость данной терминологической группы к созданию новых наименований наук; с другой стороны, данная терминологическая группа проявляет определенную закрытость, поскольку в ней используются, как правило, традиционные форманты и приемы словообразования. Основной способ в словообразовательной номинации областей научного знания – словосложение в меньшей степени используется суффиксальный способ словообразования. Калькирование и семантическая транспозиция являются новыми видами словообразования в наименованиях наук и используются достаточно редко.

Номинативная система языка является одним из важнейших объектов гендерных исследований, так как именно в этой отрасли особенно четко отражены негативные дефиниции в отношении женщин. Для терминов, обозначающих деятелей наук, характерен ярко выраженный андроцентризм во всех современных языках. Как правило, форма мужского рода используется для обозначения деятелей наук как мужского, так и женского пола. Образование слов женского рода в данной группе терминов является исключением. Если это происходит, то в основном при помощи варьирования артикля, путем добавления суффикса или слова «женщина». В русском языке активно употребляются производные слова женского рода, но такие формы обычно придают речи фамильярный характер. Для современного немецкого языка обозначение деятеля науки женского пола в грамматической форме мужского рода является оскорбительным, в данном языке ярче всего представлены производные слова в грамматической форме женского рода.

На протяжении веков объект исследования отдельных наук постоянно уточняется, поэтому объем значения терминов, обозначающих наименования наук, со временем изменяется. Термины, возникающие из одного и того же источника, но попадающие в разные языки, часто сохраняют общие кон-

туры семантического развития во всех языках. Вместе с тем, темпы и современные результаты подобного развития неодинаковы: в некоторых языках термин сохраняет такое значение, которое для других является уже пройденным этапом.

Языковые средства указывают на отсутствие четкой дифференциации наук на этапе их становления. Эволюция семантики наименований наук происходила по двум направлениям: 1) специализация наук; 2) создание генерализованных понятий.

Характерное для научных терминов стремление к однозначности не может быть применимо полностью к наименованиям наук. В данной терминологической группе слов прослеживается тенденция к многозначности. Полисемия характерна для слов, появившихся на ранних этапах развития научного знания. Наименования областей научного знания поздних периодов характеризуются, как правило, однозначностью.

Раздел 3. СИНХРОННО-ДИАХРОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (на материале английского и русского языков)

Исследование особенностей функционирования интернационализмов является важной составной частью изучения лингвистической системы языка. Это изучение необходимо для определения их роли и места в лексической системе современных языков. Известно, что на современном этапе роль английского языка на мировой арене становится доминирующей. Тем не менее, престиж французского языка в предыдущие исторические периоды является бесспорным.

Анализ состояния проблемы в научной литературе показал, что вопрос заимствований, в том числе французских, в разных языках рассматривался многими исследователями (Н. Н. Амосова, Е. Э. Биржакова, Э. Ф. Володарская, И. Ф. Жданова, Б. А. Ильиш, М. М. Маковский, Т. А. Расторгуева). Вопросы языковых контактов исследовались разными учеными (У. Вайнрайх, Э. Хауген, А. Мартине, В. Бертольди, А. Росетти). Лексические интернационализмы изучались, в частности, отечественными языковедами (В. В. Акуленко, Т. И. Зеленина, О. Б. Шахрай). Проводилось распределение лексических единиц по понятийным и тематическим группам (Ф. Дорнзайф, Г. Маторэ, М. М. Покровский, В. Порциг, А. А. Потеня, Ю. С. Степанов, Й. Трир, Р. Халлиг и В. фон Вартбург). Семасиологические исследования на лексическом уровне, посвященные семантической вариативности, широко представлены в работах отечественных ученых (Е. Г. Беляевская, В. В. Виноградов, М. В. Никитин, А. И. Смирницкий, А. А. Уфимцева). Однако остаются нерешенные задачи, а именно: исследование особенностей функционирования одного и того же пласта интернациональной лексики в разносистемных языках, определение роли и места француз-

ских интернационализмов в лексической системе современных языков. Представляется целесообразным рассмотреть лексические единицы одного происхождения, существующих в нескольких языках, в разноаспектном ракурсе.

Материалом исследования послужила лексика французского происхождения высокой степени интернационализации. По данным многоязычного словаря [Зеленина 2003] около 500 интернационализмов представлены, как минимум, в 13 типологически разных языках народов мира, будучи заимствованными этими языками из французского напрямую или опосредованно в ходе своего развития. Наше исследование проводилось на более обширном языковом материале и, в целом, корпус изученных примеров составил более 4 тысяч лексических единиц, выявленных нами в этимологических словарях французского, английского и русского языков.

Выбор языков исследования не случаен. Трудно представить себе лексику европейских языков без учета огромного авторитета французского языка, который, наряду с греческим и латинским языками, внес значительный вклад в фонд интернационализмов, существующих во многих мировых языках. В мировом интернациональном фонде исследователи насчитывают свыше 2000 слов французского происхождения. Языки, материал которых был использован в ходе исследования, относятся к одному (европейскому) ареалу интернациональной лексики, что говорит об их географической близости и достаточно активных и длительных контактах в истории их развития. И язык-источник (французский), и языки-акцепторы (английский и русский), рассмотренные в исследовании, играют в современном мире важную роль в международном общении и обмене информацией. Изучение интернациональной лексики осуществляется нами как в языке источнике, так и в языках-акцепторах.

3.1. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

3.1.1. Интернационализмы как неотъемлемая составляющая лексического состава языков

Слово является единицей языка, которая непосредственным образом испытывает на себе воздействие внешних сил. Все слова языка образуют словарный (лексический) состав, неоднородный по составу. Один из пластов лексики составляют иноязычные (заимствованные) слова. Заимствования представляют собой лингвистическое явление, вызванное экстралингвистическими контактами.

Внутри огромного количества заимствованных слов в любом языке можно выделить группу слов, называемых *интернационализмами*. Интернациональность – это явление особого рода среди разнообразных форм межъязыковой общности, встречающихся в языках Земли. Такие знаки существенно сближают языки и играют важную роль в процессах обмена информацией. Кроме этого, международная лексика является наиболее наглядным и общепризнанным проявлением международной общности в словарях языков [Акуленко 1972: 37]. Сходство подобных слов, несмотря на различия их звучания и морфологической формы, объясняется заимствованием из одного языка [Головин 1983: 77].

Под интернационализмами понимают лексические единицы, сходные до степени идентификации в графическом (уже орфографическом) и фонематическом отношении с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и существующие в нескольких (не менее чем трех) синхронически сопоставляемых языках (в том числе неродственных или неблизкородственных) [Акуленко 1961: 61]. Такие слова представляют собой фонетические и морфологические варианты слов и морфем, распространяющиеся из одного первоисточника в неродственные языки и имеют в этих языках сходную семантику и графику [Акуленко 1972: 18–19; Шахрай

1955: 24]. Другое определение: интернационализмы – общий элемент (лексический или грамматический) нескольких мировых языков, усвоенный ими в силу взаимных культурных влияний [Аролович 2003: 38].

Согласно традиции к интернациональным элементам в языке относят определенные проявления межъязыковой общности, играющие особую роль в процессах международного обмена информацией [Зеленина 1996: 8]. Как правило, такие слова существуют в большинстве европейских языков и сочетают в себе этимологическое тождество с тождеством синхроническим: слово как бы преодолевает межъязыковые границы в сфере общения [Сумеркина 1978: 89]. Интернациональность языковых знаков не существует в одном изолированно рассматриваемом языке. Эта межъязыковая синхроническая категория может быть выявлена только в нескольких сопоставляемых языках, поэтому в научной литературе был выдвинут критерий трех языков, в которых функционирует некая интернациональная единица, как минимального количества. Кроме этого, нельзя назвать «международным» явление, свойственное лишь близкородственным языкам, т. е. подлинный интернационализм должен встретиться не только в близкородственных, но и неблизкородственных и неродственных языках. Несомненно интернациональным можно считать слово, которое существует в языках трех неблизкородственных семей [Акуленко 1972: 196; Акуленко 1961: 66].

Еще в конце XIX в. проблемой интернационализмов активно заинтересовалась интерлингвистика, наука о межъязыковом общении, которая поставила следующие вопросы: какие элементы в составе существующих языков считать интернациональными, какие языки сопоставлять между собой для выявления интернационализмов. В попытках выявить научные принципы выделения интернационализмов интерлингвистика пришла к понятию «контрольные языки», т. е. некоторой совокупности национальных языков, посредством сравнения которых можно установить интернациональные слова и степень их меж-

дународности. Впервые группа «контрольных языков» была очерчена Американским философским обществом (1887), которое причислило к ним «шесть основных языков, располагаемых в порядке их значимости и распространения»: английский, французский, немецкий, испанский, итальянский и русский [Аролович 2003: 40].

Интернациональная лексика является общим достоянием ряда языков, однако «интернациональный» не значит «безнациональный», «вненациональный» или «наднациональный», так как интернациональная лексика существует только как составная часть конкретных национальных языков. Интернациональные слова занимают определенное место в системе языка и носят на себе как бы печать этой системы в виде присущих им в каждом отдельном языке специфических формальных, а порой и семантически-стилистических особенностей. Слой интернациональной лексики разнороден как с точки зрения происхождения и морфологической структуры отдельных категорий, так и с точки зрения масштабов распространения этих слов и, наконец, их места в словаре того или иного языка и связанного с этой принадлежностью характера их семантики (моносеманτικότητα, полисеманτικότητα, эмоционально-экспрессивные возможности слова) [Шахрай 1955: 25–28].

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к форме интернационализмов, слова можно считать международными только при условии такого сходства их фонеморфологической (звуковой и /или графической) оболочки, которое делает возможным их узнавание в одних языках по аналогии к их полилексам в других языках. Отождествление лексики языков на основе определенного сходства их звучания достигается даже в типологически отдаленных языках в результате наличия существенных общих черт, наряду со специфическими, в форме языков и в использовании ими фонетической субстанции. Степень усвоения новых фонем является нередко различной, что, однако, не мешает узнаванию таких лексем в других языках, поскольку слово воспринимается как единое целое, а не как совокупность

отдельных фонем, благодаря чему многие признаки не принимаются во внимание, происходит фильтрация речевого сигнала от несущественных, с точки зрения нашего языка, подробностей [Акуленко 1972: 39–40].

В составе интернациональных слов наиболее обширную группу представляют собой слова греческого и латинского происхождения, менее многочисленна, но не менее важна, группа слов французского происхождения [Сумеркина 1978: 90].

Кроме понятия «интернационализм» или «интернациональная лексика» в научной литературе встречаются следующие понятия: «псевдоинтернационализмы», «межъязыковые омонимы», «псевдоэквиваленты», «междуязычные аналогизмы», «псевдоаналогизмы», «межъязыковые синонимы», «межъязыковые паронимы». Все они, так или иначе, имеют отношение к понятию «интернационализм». В настоящей работе за основное понятие, являющееся ключевым, принимается понятие «интернационализм», поскольку, по нашему мнению, оно наиболее полно отражает содержание изучаемого явления. Лексические единицы французского происхождения, рассматриваемые в нашей работе, имеют один этимологический источник и, несмотря на то, что зачастую они расходятся в семантике, произношении и т. д., в подавляющем большинстве случаев имеют нечто общее и в плане выражения, и в плане содержания. Любые изменения на разных уровнях совершенно естественны: язык пытается адаптировать новые элементы к своей системе, и чем больше изменений происходит с заимствованным словом, тем более интегрированным в систему языка-реципиента становится это слово. Разные языки по-разному реагируют на присутствие иноязычных вкраплений, и здесь важную роль играют как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Французский язык в ходе своего исторического развития служил и служит одним из активных источников обогащения словарного состава других языков. По мнению исследователей, свыше 2000 цельнооформленных лексических единиц француз-

ского происхождения составляют интернациональный фонд, который имеет следующие пласты:

- 1) исконные галлицизмы (форма, значение и функционирование слова этимологически связаны только с собственной историей французского языка);
- 2) опосредованные галлицизмы (французский язык выступает в качестве языка-реципиента и языка-посредника);
- 3) псевдогаллицизмы (слова, образованные из лексических и морфологических элементов французского языка, но уже в других языках) [Банкав 1986: 18].

Исследователи отмечают, что интернационализмы не являются исключительно европейским явлением, т. к. интернациональность возникает везде, где языки вступают в длительные и регулярные контакты. Существует понятие ареала лексических интернационализмов. Установление ареалов интернациональной лексики производится с помощью лингвогеографических методов, где изучается распределение, миграция и изменения слов [Акуленко 1972: 198].

Как уже говорилось, интернационалистами считают лексические единицы, существующие как минимум в трех неблизкородственных языках и имеющих общий этимон. Французский язык послужил активным источником обогащения лексики многих языков мира, поэтому фонд интернациональной лексики достаточно обширен. Между эквивалентными национальными единицами в разных языках существуют расхождения на разных уровнях, что связано как с природой принимающего языка, так и с внешними воздействиями, одной из разновидностей которых являются языковые контакты.

Французские языковые контакты, обусловленные этническими, историческими и социальными факторами, привели в конечном итоге к созданию фонда интернациональной лексики французского происхождения. Особый интерес в нашем исследовании представляют взаимодействие Франции с Англией и Россией.

3.1.2. Сравнительная характеристика языковых ситуаций Англии и России в периоды французского влияния

Французское государство на протяжении своей истории контактировало с множеством государств. В каждом конкретном случае французское воздействие было не равнозначным, что связано с множеством факторов и условий. Уриэл Вайнрайх отмечает следующие условия, способствующие процессу проникновения иноязычных слов:

- наличие языкового контакта (контакт культур и народов), определенный уровень двуязычия, количественное соотношение контактирующих народов, продолжительность и интенсивность контактов;
- степень владения билингвами обоими языками;
- функциональная роль обоих языков в жизни двуязычного общества, статус и престиж контактирующих языков и культур народов, их представляющих;
- оценка и отношение к би- и мультилингвизму, а также к интерференции, сопровождающей явление [Вайнрайх 1972: 26–30].

Отечественный языковед Н. Б. Мечковская выделяет также ряд условий, называемых «оппозициями», важных для общей теории языковых контактов. Исследователь предлагает следующие оппозиции:

- 1) социокультурный статус языков-участников контакта;
- 2) письменное или бесписьменное контактирование языков;
- 3) социальный статус людей, в двух языках коммуникации которых происходят заимствования, и социальные условия распространения инноваций;
- 4) географическая близость двух народов;
- 5) генеалогические взаимоотношения между языками;
- 6) уровневая отнесенность заимствованных явлений [Мечковская 2009: 141].

Проанализировав изложенные выше факты о языковых ситуациях в двух странах, соединив предложенные исследователями условия с выявленными нами, представим полученные данные в таблице 5.

Таблица 5 – Языковые ситуации Англии и России в периоды французского влияния

	<i>Условия</i>	<i>Англия</i>	<i>Россия</i>
1.	Наличие языкового контакта	Языковой контакт присутствовал.	Языковой контакт присутствовал.
2.	Характер воздействия	Военное завоевание Английского государства норманнами.	Культурное влияние, попытка военного захвата со стороны Франции.
3.	Географическая близость	Англия и Франция – географические соседи.	Географическая смежность отсутствует.
4.	Продолжительность контакта	Около 300 лет абсолютной гегемонии французского языка (XII–XIV вв.). Французское влияние продолжалось и в более поздний период, до XIX в.	Около 150 лет французского влияния (XVIII–XIX вв.).
5.	Степень владения обоими языками	В ранний период отмечается незнание английского языка первыми поколениями англо-нормандской знати.	Как правило, для представителей аристократии характерно владение французским и родным, русским (иногда хуже, чем французским) языками.

	<i>Условия</i>	<i>Англия</i>	<i>Россия</i>
6.	«Смешение» двух языков (интерференция, конвергенция двух языков)	Отмечается возникновение на первом этапе особого языка – англо-нормандского диалекта, представляющего собой смесь германских и романских элементов (грамматическая структура – германская, лексическое наполнение – французское).	Полного «смешения» языков не произошло. Однако характерно использование русского языка с сильной примесью французского (на уровне слов и целых предложений).
7.	Социальная характеристика двуязычной группы	Знать, представители высших придворных и светских кругов; представители сферы образования; часть городского населения.	Представители придворно-аристократических кругов, дворяне, нарождающаяся интеллигенция.
8.	Существование собственной письменной традиции	Практически полное исчезновение английской традиции в период с XI по XIII вв. Развитие литературы на французском языке.	Продолжение и укрепление русской литературной традиции. Многие видные русские писатели того времени создают произведения на французском языке.
9.	Функциональная роль французского языка в обществе	Долгое время французский язык – официальный язык королевского двора, управления страной, правосудия, делопроизводства, язык школьного образования. После становления английского языка как национального французский язык оставался до XVII в. языком международной дипломатии.	Язык придворно-аристократических кругов, светских дворянских салонов, один из языков образования (наряду с латинским и немецким).

	<i>Условия</i>	<i>Англия</i>	<i>Россия</i>
10.	Наличие этнических контактов	Наблюдалось большое количество смешанных браков между представителями двух народов.	Не характерно.
11.	Статус и престиж французского языка	Французский язык вытеснил английский почти из всех сфер жизнедеятельности человека. На протяжении трех веков престиж французского языка непоколебим.	Знание французского языка – показатель образованности дворянина, без знания языков сложно поступить на службу, сделать карьеру.
12.	Возникновение пуристических тенденций	Для периода Нормандского завоевания пуризм не характерен, так как английского языка как национального еще не существовало. Пуристические настроения отмечаются в XVII в.	Характерно появление пуристических тенденций во второй половине XVIII в., и усиление их впоследствии.
13.	Отражение французского влияния в языке	Лексика французского происхождения составляет около 70 % словарного запаса современного английского языка, были заимствованы французские аффиксы кроме этого, фонетический строй испытал французское влияние.	Наличие лексических заимствований, калек, французских суффиксов.

Полученные данные позволяют нам сравнить две социолингвистические ситуации. Очевидно, что языковой контакт присутствовал в обоих случаях. Общим моментом является то, что билингвизм был характерен для представителей придворных и светских кругов. Объединяет обе ситуации также тот факт, что знание французского языка было вопросом престижа, возможностью продвижения по карьерной лестнице. Однако

в рассматриваемых языковых ситуациях больше расхождений, чем сходств. Англия и Франция близки географически, что, как известно, является благоприятным условием для взаимодействия языков и проникновения иноязычных элементов в язык-акцептор. Продолжительность контакта была более длительной в Англии, что также сказалось на более активном воздействии французского языка на английский. Степень владения французским языком носителями также не одинакова: для нескольких поколений англо-нормандской знати этот язык был родным (что связано с наличием этнических контактов между двумя народами), в России же представители аристократии говорили на русском, родном языке, хотя иногда хуже, чем на французском. Поэтому настоящего «смещения» языков в России не наблюдалось, а в Англии язык периода особенно активного французского влияния представлял собой, по мнению исследователей, англо-нормандский диалект. Все эти факты сказались и на письменной традиции языков, испытавших французское влияние: ученые отмечают почти полное исчезновение только зарождавшейся английской традиции и развитие французской литературы, в России же литературная традиция уже существовала и продолжила свое развитие, хотя и под влиянием французской литературы.

Область применения французского языка в Англии была шире, чем в России. Кроме роли языка королевского двора и аристократии, французский язык обладал функцией языка делопроизводства, судов. К тому же, языковая ситуация в России петровского периода характеризовалась плюрилингвизмом, т. е. воздействием нескольких иностранных языков одновременно. Следует отметить также развитие сильных пуристических тенденций в России XVIII в., что говорит о высоком уровне национального самосознания и сопротивлении избыточному иноязычному влиянию. Для Англии периода Нормандского завоевания и нескольких веков после, пуризм не характерен, что связано прежде всего с тем, что национальный язык в то время еще не был сформирован.

Нужно отметить, что среди рассмотренных условий контактирования два являются наиболее важными: это длительность контакта (временной фактор) и географическая близость, смежность взаимодействующих народов (пространственный фактор).

Различия в ситуациях нашли свое отражение и собственно в языках: английский словарный состав, по большей мере, представляет собой слова французского происхождения, и большинство из этих слов представляют собой полисемантические единицы. Также фонетический строй пополнился несколькими новыми для английского языка звуками, орфография была изменена под влиянием французских графических правил. Русский язык также пополнился новыми словами в период французского влияния, однако французский вклад в русский лексикон несоизмеримо меньше, чем в английский.

3.2. ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (форма и содержание)

Система языка, сохраняя много стабильных элементов и структур, в то же время постоянно изменяется. По мнению У. Л. Чейфа, «изменение во времени – удел всего окружающего нас мира, и язык в данном случае не представляет исключения» [Чейф 1975: 42]. Не зная истории языка, нельзя понять соотношения старых и новых элементов в современном языке, нельзя выявить тенденции их развития. Познание системных отношений в современном языке позволяет глубже и полнее осознать исторические изменения в языковых системах, понять диалектическую взаимосвязь сдвигов в разных подсистемах языка. Лингвистика как гуманитарная и объяснительная наука невозможна без историзма. Не противопоставление и разрыв синхронического и диахронического изучения языка, а диалектическое объединение их для познания системы языка и законов его функционирования – таков путь решения вопроса о соотноше-

нии диахронии и синхронии. Учитывая важность синхронного состояния любого общественного явления, в том числе, разумеется, и языка, исследователь обязан вместе с тем уметь его анализировать и в движении, видеть перспективу и результаты подобного движения [Будагов 1977: 22].

В данной главе французская интернациональная лексика рассматривается как в диахронии, так и на актуальном этапе в синхронии (для выявления современного состояния и для установления динамики изменений). Интернационализмы французского происхождения изучаются на уровне формы (орфографический, фонетический аспекты), а также содержания (семантическая, грамматическая характеристики).

3.2.1. Этимолого-хронологическая характеристика французских интернационализмов

Этимология – раздел языкознания, в рамках которого на основании сравнительно-исторического метода восстанавливаются (реконструируются) наиболее древняя словообразовательная структура слова и элементы его значения («внутренняя форма слова») [Маковский 1986: 6]. При изучении словарного состава языка мы сталкиваемся с необходимостью изучать этимологическую характеристику и хронологию вхождений лексических единиц для более четкого соотнесения слова с эпохой появления в языке, для понимания исторических предпосылок заимствования той или иной единицы, а также для изучения семантических изменений, происходящих с иноязычным словом.

Очевидно, что хронологические рамки в лексикографии достаточно условны. Появляясь в устной речи, слово может долгое время не использоваться в письменной речи. Однако в нашу задачу не входит самостоятельное определение даты заимствования слова в языке. В своем исследовании мы исходим из дат, зафиксированных словарями, используемыми нами в ходе работы. Хронологическая классификация может дать сведения

в отношении удельного веса некоторых групп французских интернационализмов в различные периоды.

Данные, полученные из этимологических словарей, позволили распределить рассматриваемые примеры по векам регистрации их в изучаемых языках. Проанализировав время вхождения изучаемых лексических единиц в **английский язык**, можно отметить следующее: самыми продуктивными с точки зрения количества заимствованных интернационализмов оказались XVII в. (17,8 % – *ballet, campaign, detail, risk, suite*), XVI в. (17,5 % – *cavalier, dentist, furniture, medal, policy*), XIV в. (17,2 % – *army, button, jelly, ministry, resort*), в эти века в английский язык проникло примерно равное количество слов, и вместе они составляют более половины всех изучаемых единиц. В XIX в. количество зарегистрированных единиц также значительно – 15,4 % (*aplomb, café, exploitation, menu, séance*).

Менее многочисленными являются слова, вошедшие в английский язык в XVIII в. (11,9 % – *buffet, costume, depot, nuance, souvenir*), XV в. (8,6 % – *baggage, climate, interest, organizer, salad*) и XIII в. (8,2 % – *battle, company, fashion, party, stage*). Меньше всего французских интернационализмов зафиксировано в английском языке в самый поздний, XX в. (2,2 % – *chauffeur, commissar, garage, metro, taxi*), и самый ранний, XII в. (1,2 % – *adventure, hazard, manner, rent, sergent*), периоды.

Таким образом, исследование показало, что интернационализмы отражают общую ситуацию с французскими заимствованиями в английском языке. В течение первого столетия после норманнского завоевания документация французских слов в английском языке отсутствует, что отмечается многими исследователями [Володарская 2005: 31; Ильиш 1958: 166]. Этим объясняется малое количество в изученных примерах слов, вошедших в язык в самый ранний период – в XII в., так как начальный период был только предвестником последующего процесса. Оживление регистрации начинается во второй половине XII в., а наибольшее количество таких заимствований появляется в английском языке в XIII–XIV вв. (вследствие укрепления свя-

зей между двумя народами в связи с норманнским завоеванием и Столетней войной), а также в XVI–XVII вв. (в эпоху Возрождения и Реставрации) [Володарская 2005: 31]. Фактом, заслуживающим внимания, является, то, что в XV в., т. е. в середине этого активного с точки зрения вхождения французских слов в английский язык (XIII–XVII вв.) периода, наблюдается резкий спад фиксации, что также находит свое объяснение. Исследователи отмечают, что XV в. стал периодом формирования английского национального языка, и именно в это время французский язык вытесняется из английской общественной жизни [Ильиш 1958: 148]. Количество французских заимствований в начале эпохи Возрождения не так велико, как в предыдущие столетия.

По мнению исследователей, в XIX в. общее количество новых французских заимствований в английском языке сократилось, однако это не отразилось на интернационализмах, что, по всей видимости, подтверждает ведущую роль Франции на мировой арене тех лет. В XX в. процесс проникновения французских слов в английский язык постепенно угасает, что доказывает существующую тенденцию снижения влияния французского языка на мировые языки. Тем не менее, по нашим сведениям, интерес англоязычного мира к французскому языку как к донору лингвистического материала сохраняется до сих пор.

Французские заимствования начали проникать в **русский язык** еще до XVIII в.: например, *бутылка, кардинал, конфуз, спектакль, шапка*. Однако, как нами уже было отмечено, началом активного воздействия на русскую речь иностранных форм общения считается Петровская эпоха (начало XVIII в.), которая характеризуется поворотом России к Западу, что принесло в русский язык огромное количество заимствований. Это явление явно прослеживается и в интернациональных словах французского происхождения (например, *аванс, бриллиант, костюм, меню, ревани*). Французское влияние еще более усилилось в эпоху Екатерины II и осталось весьма ощутимым до первой половины XIX в. В этот период в язык вошли такие слова, как *афиша, дебют, коммунизм, поза, шедевр*, после чего процесс

начал немного угасать, хотя отдельные слова проникали и в конце XIX в. – *авиация, гараж, шовинизм*. Проанализировав процентное соотношение интернациональных слов французского происхождения, можно отметить следующее: наиболее многочисленными оказались слова, вошедшие в русский язык в XVIII в. (47 % от всех изученных примеров) и XIX в. (42 %), гораздо менее многочисленными оказались французские интернационализмы, проникшие в язык в XVII в. (5,4 %) и XX в. (4,3 %); совсем единичными представились случаи проникновения французских слов в XIV, XV, XVI вв. (0,08 %, 0,3 % и 0,92 % соответственно).

Анализ изучаемых лексических единиц в истории самого **французского языка** показал, что не все они являются исконно французскими и были зафиксированы в разные периоды. Изучение хронологического аспекта французских интернационализмов позволило представить динамику их фиксации в изучаемых языках (см. рис. 7).

Рис. 7 – Динамика фиксации изучаемой лексики в изучаемых языках

Рассмотрим более подробно, как происходил процесс заимствования французских интернационализмов на примере нескольких лексических единиц, имеющих этимологическую историю, заслуживающую внимания. Возьмем для рассмотрения слово французского происхождения *journal*, англ. *journal*, рус. *журнал*. Во французском языке слово произошло от позднелатинского *diurnalis* «дневной». В английском языке оно появилось в XIV в. с устаревшим сейчас значением «служебная книга», в XVI в. было зафиксировано значение «дневник для записи ежедневных событий», а в XVIII в. появилось значение «ежедневная газета». Последнее значение возникло тогда, когда слово *newspaper* уже существовало в английском языке (с XVII в.). По-видимому, слова сосуществовали в языке некоторое время, а затем разошлись в значениях: *newspaper* закрепилось в значении «газета», а *journal* – в значении «журнал». Кроме этого, в английском языке существует слово *diurnal*, возникшее в XV в. от позднелатинского *diurnalis* и являющееся этимологическим дублетом слову *journal*. В современном английском языке оно используется, как правило, в научном языке, например в астрономии при изучении солнца, звезд и т. д., и означает «дневной» (в противоположность «ночному»).

Итак, в современном французском языке основное значение слова *journal* «газета», т. е. периодическое издание, повествующее о важных событиях в разных областях жизни. В английском языке это слово обозначает «журнал», причем не любой иллюстрированный журнал, а серьезное специализированное или отраслевое издание. В русском языке словом *журнал* называют любое периодическое издание в виде книжки. Однако во всех трех языках есть и общее значение этого слова, а именно: «дневник для записей событий», хотя и здесь имеются определенные различия в употреблении. Во французском языке это слово нейтрально по значению и может использоваться как в литературе, так и в повседневном общении (например, *journal intime* «личный дневник», *journal de bord* «судовой журнал»). В английском языке это слово в словарях дается с пометкой *lit.*,

т. е. характерно для письменной речи, а в повседневной речи чаще используется слово *diary*. В русском языке ситуация несколько иная, так как слово *журнал* в значении «книга для записи периодических событий» используется применительно к событиям не личного характера (например, *журнал посещений, классный журнал, судовой журнал*), а о своих собственных переживаниях пишут в *дневнике*.

Рассмотрим еще одно слово из данного семантического поля, а именно *magazine*. В английском языке слово произошло от французского *magasin*, которое, в свою очередь, пришло через итальянский или провансальский, из арабского *maghazin* со значением «склад товаров». Позднее произошло изменение значения, слово приобрело сначала значение «напечатанный список товаров», а затем значение «напечатанного документа» развилось в значение «периодическое издание, журнал». Позднее слово вернулось из английского во французский язык в виде *magazine* со значением «журнал». В современном французском языке слово обозначает «периодический иллюстрированный журнал» и сосуществует со словом *revue*, которое представляет собой также иллюстрированное издание, но более серьезного свойства. Например, женский журнал о моде и красоте назовут *magazine*, а научный или литературный – *revue*.

Слово *aventure*, упоминавшееся выше в другой связи, во французском языке произошло от латинского *advenire* «приключаться, случаться». В английский язык слово *adventure* заимствовалось в XIII в. со значением «случай, риск». В своей орфографии оно закрепило написание этого слова в старофранцузском языке. Позднее, в XIV в., появляется значение «рискованное предприятие». В русском языке слово было зафиксировано в XVIII в. В современном французском языке оно имеет значение «приключение» (т. е. некие действия, содержащие в себе долю риска, чего-то непредвиденного) и используется в этом значении с определенным артиклем: *l'aventure*, а также имеет значение «происшествие; похождение (любовное)» и используется с неопределенным артиклем: *une, des aventures*. В англий-

ском языке слово *adventure* также имеет значение «приключение; рискованное предприятие», но, кроме этого, употребляется в разговорной речи в значении «коммерческое дело, предприятие». В русском же языке значения «приключение», «похождение» являются устаревшими и в современном языке *авантюра* означает «рискованное, сомнительное предприятие, рассчитанное на случайный успех», а также «дело, предпринимаемое без учета реальных возможностей и обреченное на провал». Таким образом, значение «риск» является общим для трех языков, однако во французском и английском языках слово обозначает хоть и рискованное, но выполнимое дело, в русском же языке оно содержит в себе значение сомнительности в выполнении и имеет негативную окраску, а нейтральное значение имеет исконное слово *приключение*.

Следующий пример – фр. *ambition*, англ. *ambition*, рус. *амбиция*. Во французском языке слово произошло от латинского *ambire*, что значит «ходить вокруг». В английский язык оно заимствовалось в XIV в. из старофранцузского языка. В русский язык слово вошло в начале XVIII в. непосредственно из французского языка и опосредованно через польский язык. Значения во французском и английском языках практически совпадают: основное значение слова – «честолюбие», которое можно объяснить как «острое желание добиться чего-то (благ, власти, успеха, почестей и т. п.), льстящего самолюбию». Другим значением в обоих языках является ослабленное, немного измененное первое значение, а именно: «стремление, устремление к чему-либо», а также «предмет желаний, замысел» (здесь произошел метонимический перенос с самого чувства на объект вожелания). Отметим, что слово *ambition* в обоих языках, как правило, не несет негативной окраски и чаще употребляется в позитивном смысле. В русском же языке оно употребляется в значении «обостренное самолюбие, самомнение, спесь», т. е. имеет ярко выраженную экспрессивную, негативную или ироническую окраску. Можно предположить, что при вхождении слова *амбиция* в русский язык положительное значение

такой черты характера уже было представлено словом *честолюбие*, а отрицательная коннотация стала выражаться заимствованным французским словом, т. е. произошло распределение, дифференциация семантических значений между двумя синонимами.

При изучении интернациональной лексики французского происхождения нами было выявлено небольшое количество слов с высокой степенью интернационализации (существующих во многих мировых языках), которые не были заимствованы английским языком, несмотря на тесную связь английского и французского народов. Это такие французские слова, как *abonnement, enquête, béton, commerçant, constatation, constater, gazon, gamme, gilet, manchette, meuble, meubler, salle, taille, tir, trottoir, vitrine* (ср. в русском языке *абонемент, анкета, бетон, коммерсант, констатация, констатировать, газон, гамма, жилет, манжета, мебель, меблировать, зал, талия, тир, тротуар, витрина*).

В некоторых случаях в английском языке существуют исконные слова германского происхождения с подобным значением: например, закрепилось слово *lawn* и не было заимствовано французское *gazon*, английское *waistcoat*, а не французское *gilet*, а также *hall*, а не *salle* и *cuff* вместо *manchette*. В других случаях вместо интернациональных французских слов в словарный фонд английского языка вошли также слова французского происхождения, но не являющиеся интернационализмами. Слово *commerçant* имеет во французском языке значения «коммерсант; торговец; лавочник» и не вошло в английский словарный фонд, несмотря на то, что в языке закрепились его однокоренные слова, такие как *commerce, commercial, commercialize*. Со значением «купец; лавочник» в английский язык было заимствовано слово *merchant* (совр. фр. *marchand*), имеющее общий латинский этимон с *commerçant*. Слово *merchant* вошло в английский язык на раннем этапе – в XIII в., а *commerce* было заимствовано значительно позже, в XVI в., и, по всей видимости, в языке не было

надобности в его деривате *commerçant*, так как слово с подобным значением уже функционировало в языке. Французское слово *meuble*, обозначающее в современном французском языке «мебель; меблировка; домашняя обстановка», имеет в английском языке аналог по основному семантическому значению *furniture*. Это слово заимствовалось в английский язык также из французского языка в начале XVI в. со значением, являющимся устаревшим в современном языке, «снабжение, оборудование», а значение «мебель; обстановка» возникло позже, в конце XVI в., что являлось новообразованием английского языка, так как не существовало во французском. Кроме этого, этимологи отмечают, что в большинстве европейских языков значение «мебель» выражается посредством слов, происходящих от французского *meuble* либо от его латинского этимона *mobile* «подвижный».

Итак, этимологический анализ примеров позволил сделать вывод, что наибольшее количество французских интернационализмов в английском языке появилось не одновременно, а постепенно, на протяжении XIII–XVII вв., в русский же язык подавляющее большинство интернационализмов французского происхождения вошло в XVIII в., что объясняется экстралингвистическими ситуациями в соответствующих странах. На конкретных примерах нами была показана тесная связь этимологии слова и его семантики.

Изучая этимологическую характеристику слов, важно обратить внимание на то, к какому пласту интернациональной лексики принадлежит та или иная единица. Выше было отмечено, что интернациональный фонд французской лексики имеет разные пласты: исконные галлицизмы, опосредованные галлицизмы и псевдогаллицизмы. Подавляющее большинство рассмотренных нами в ходе исследования единиц являются исконными галлицизмами, т. е. связаны непосредственно с историей французского языка (например, *avance*, *commerçant*, *rappart*, *voile*). Меньшее число лексических единиц представляют опосредованные заимствования из других языков: например, *divan*

представляет собой слово персидского происхождения, *café* – слово арабского происхождения, проникшее во французский опосредованно через турецкий, *cassette* проникло во французский язык из итальянского. Однако следует отметить, что все эти слова проникли в другие мировые языки именно через посредство французского языка.

Кроме этого, французские слова могли быть заимствованы как напрямую из французского, так и через посредство другого языка. Это явление было характерно для русского языка, в который французские слова зачастую попадали из немецкого или польского языков. Например, французские слова *casseroles* и *mousquet* вошли в русский язык опосредованно, через польский язык, с чем, по-видимому, связаны и отличия в произношении и написании заимствованных слов (*кастрюля*, *мушкет*) от оригинала. Роль языков-посредников немаловажна. Считаем, что в плане содержания опосредованное заимствование не может располагать большой палитрой семантических значений, а в плане выражения для таких слов характерно сохранение облика слова из языка-посредника. Например, в русском языке сохранялись морфологические элементы немецкого языка (суффикс *-ur*), поэтому французские глаголы *contrôler*, *motiver*, пришедшие в русский язык через посредничество немецкого языка, выглядят как *контролировать*, *мотивировать*. Отметим, что наличие языков-посредников характерно для русского языка (что объясняется экстралингвистическими условиями) и не характерно для английского, куда, как правило, французские слова проникали непосредственно.

3.2.2. Полисемия и семантическая вариативность интернационализмов французского происхождения

Лексика любого языка быстро увеличивается количественно: новые понятия и новые предметы «требуют» новых слов. Появление новых слов в лексике играет выдающуюся роль в совершенствовании словаря, однако, не менее важным был другой процесс: появление новых значений у слов, ранее давно бытовавших в языке. Способность слова иметь не одно, а несколько значений – это одна из лингвистических универсалий [Репина 1996: 120]. Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегими новых значений и смыслов [Виноградов 1972: 17].

Не подлежит сомнению зависимость семантических изменений от практических нужд общения, от общего развития культуры общества. В исследуемых языках происходили разные семантические процессы, так как в одном языке слово сохраняет значение, которое в другом языке устарело или выпало [Будагов 2004: 167]. Обычно в разысканиях по истории лексики тех или иных языков исследователи описывают путь движения слова от его буквального значения к значениям переносным. В действительности это лишь один из возможных путей развития семантики слов. Соотношения здесь могут быть самыми разнообразными, нередко противоречивыми и сложными, но всегда требующими осмысления с позиций исторической лексикологии и семасиологии.

Лексическая полисемия – органическое свойство всех языков, на всех этапах их функционирования. К полисемии относятся те случаи, когда лексема имеет больше одного значения [Crystal 2005: 106]. Однако сам тип полисемии обычно бывает различным в зависимости от общего уровня развития языка, его общей культуры, особенностей его письменной традиции (старой или молодой, однообразной или многообразной по жанрам) и ряда других условий. По характеру той или иной полисемии можно судить о степени развития языка, об уровне

его выразительных возможностей. В случае более резкого отрыва «периферийного значения» от основного современный язык образует омонимы, которые фиксируются словарями [Будагов 1977: 35–47].

Совершенствование лексики отнюдь не сводится к ее количественному увеличению, не менее важно качественное преобразование лексики. Весьма существен и тот фон, на котором она развивается. В эпоху создания единого национального языка процесс совершенствования лексики обычно происходит быстрее, чем в донациональную эпоху. Понимание полисемии (многозначности) как способности слова «обладать» несколькими связанными между собой значениями непосредственно связано с понятием «значение» слова.

Слово – предельная составляющая предложения, способная соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного «участка» действительности и указывать на эту последнюю, вследствие этого слово приобретает определенные лексические, или вещественные свойства. Лексическое значение слова определяется как отображение предмета или явления в сознании, входящее в структуру слова в качестве внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая для возникновения, формирования, существования, развития значения.

Полисемию определяют как наличие у слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения слова. Лексическое значение – процесс и результат лексико-семантического варьирования слова.

В нашей работе рассматривается семантическое варьирование интернациональных слов, которые представляют лексику, заимствованную из французского языка другими языками. Важными факторами, вызывающими расхождение путей семантического развития интернациональных слов в разных языках и возможность различий в их смысловом содержании на каждом этапе истории сопоставления языков, являются, наряду со свое-

образом исторических судеб народа-носителя языка (его общественной жизни, быта, материальной и духовной культуры), системный характер языка, диалектическая связь и взаимозависимость его элементов, основная тенденция развития которых в значительной степени определяется специфическими для каждого отдельного языка или группы родственных языков внутренними законами развития.

План содержания изучаемых лексических единиц предстает как сложная структура, поскольку исследуемые слова могут быть многозначными, как в языке-источнике (французском), так и в языках-акцепторах (английском и русском). Однозначные единицы относятся в основном к терминологической лексике (например, английские *aviation, etude, faience, façade, gram(me), oculist, parol*). Другие однозначные лексические единицы, обладая более широкой сферой использования, являются поздними заимствованиями, выражающими различные понятия, сохранившими свой чужеродный характер в произношении и написании (*chauffeur, chef-d'œuvre, foyer, garage, manqué, rouleau*).

Жизнь и развитие понятия совершаются в постоянном соотношении, конфликте и согласовании двух его сторон – содержания и объема [Никитин 1985: 58]. Семантические процессы не являются ни абсолютно регулярными, постоянными, ни абсолютно бессистемными, хаотичными, что создает определенную сложность в их унификации и классификации [Винокурова 1993: 34]. Тем не менее, можно выявить определенные закономерности изменений лексических значений слов французского происхождения в английском и русском языках в сопоставлении с языком-источником.

Процессы изменения семантической структуры заимствованных слов укладываются в типологию исторического развития лексического значения слова, которая включает в себя такие **типы семантических изменений**, как:

- изменение денотативного / сигнификативного компонентов значения слова в результате изменения самого денотата или понятия о нем;
- изменение значения в результате расширения или сужения объема понятий, закрепленных за данной лексической единицей;
- изменение коннотативных оттенков значения;
- перенос значения, при котором наименование первого денотата переносится на другой, каким-то образом с ним связанный.

По наблюдениям лингвистов, качественное изменение самого обозначаемого объекта, явления необязательно влечет изменение лексического значения имени, если существенные свойства денотата не изменились. Изменение лексического значения слова, называющего денотат, вызывается изменением критического восприятия называемого объекта [Винокурова 1993: 33–37].

Данная типология была предложена В. Н. Винокуровой применительно к любой заимствованной лексике, следовательно, она отражает и семантические процессы, происходящие при ассимиляции интернационализмов французского происхождения.

Считается, что изменения значения слов происходят в направлении его расширения, сужения, метафорического и метонимического переноса, обобщения, специализации, улучшения или ухудшения. Заимствованные и ассимилированные в той или иной степени слова принимают активное участие в приведенных выше направлениях [Володарская 2001: 16].

Расхождения в значениях могут объясняться тем, что слово, полисемантическое в языке-источнике, как правило, заимствуется не во всех своих значениях, а лишь в одном или части этих значений, иногда даже более или менее случайном и несущественном для него в языке-источнике. Например, подобное мы наблюдаем в русском языке – при заимствовании французских слов в русском языке закреплялось одно из второстепенных французских значений. Это такие слова, как *авансировать*, *аккорд*, *ансамбль*,

бланк, комендант, курьер, суфлировать и др. Исходные слова в языке-источнике обладают большим количеством лексико-семантических вариантов: ср. рус. *суфлировать*, обозначающее «подсказывать актерам слова роли во время представления», *перен.* «подсказывать кому-либо (слова, способы действий и т. п.)», и фр. *souffler*, имеющее больше десяти лексических значений во французском языке, основные из которых: «дышать», «отдуваться, пыхтеть», «передохнуть», «дуть», а значение «подсказывать» является производным, второстепенным лексико-семантическим вариантом. Такое положение вполне объяснимо: заимствованное явление или предмет требовали номинации, и название происходило при помощи тех лексических единиц, которые существовали в языке-источнике, при этом заимствования других значений не происходило, так как такие значения уже были названы в языке-акцепторе исконными словами.

В свете этого находит свое объяснение и возможность расхождения в значении слов, заимствованных двумя языками из третьего языка: ведь если слово переносит в заимствующий язык лишь часть своего лексического содержания, то эта часть может оказаться различной для разных языков ввиду различных условий заимствования [Шахрай 1955: 25]. Что и происходило с французской лексикой, являющейся интернациональной: при заимствовании одних и тех же слов английским и русским языками исторические условия, степень взаимодействия языков были абсолютно разными. Ранее отмечалось, что для Англии было характерно длительное и более глубокое влияние французского языка, где тесно взаимодействовали носители языка. Для России же влияние было не столь длительным, к тому же, несмотря на то, что контакты с носителями французского языка имели место, престижность французского языка в России поддерживалась за счет русских людей дворянского происхождения, для которых французский язык не был родным, и знания которых в области французского языка были не всегда глубокими. Отсюда и более широкая семантическая палитра изучаемых слов в английском языке и более ограниченный семантический ряд в русском языке.

Рассмотрим, как происходил процесс семантической адаптации в английском и русском языках. В английском языке преобладающим среди изменений значений интернационализмов французского происхождения является **расширение значения**, что, как правило, нехарактерно для других языков (в том числе русского), которые заимствовали одно, реже два-три значения.

Процесс расширения сигнификативного аспекта значения заимствованных слов обуславливается переосмыслением денотата и изменением вследствие этого сферы употребления лексических единиц.

Расширение значения лексической единицы связано с переносом имени на другой денотат, который может быть основан на сходстве или смежности денотатов. Например, слово *billet* в современном английском языке имеет несколько значений, из которых основным является «помещение для постоя солдат». Сравнение основного значения этого слова в английском языке с его значениями во французском языке может вызвать удивление, так как обнаруживаются довольно сильные расхождения: во французском языке данное слово обозначает «записка, письмецо, извещение», «билет, вексель» и т. д., при этом во всех значениях можно выделить общую сему «бумажный, письменный документ». Однако при более тщательном изучении этимологического аспекта этого слова обнаруживается, что слово *billet* было зарегистрировано в английском языке в XV в. со значением «короткий документ», которое отражает значение исконного слова и которое в настоящий момент утеряно. Позднее, в XVII в., слово приобрело более узкое значение – «военный ордер на постоя», которое до сих пор существует в языке. Еще два века спустя произошел метонимический перенос значения с документа, позволяющего расположиться в помещении, на само помещение, и слово приобретает значение «помещение для постоя».

Еще одним примером заимствования, имеющего своеобразную историю развития, является слово *budget*. Это французское слово закрепилось в английском языке в XV в. со значением «сумка, мешочек, кошелек» и произошло от старофранцуз-

ского *bougette*, уменьшительной формы существительного *bouge* «кожаная сумка». Веком позднее слово приобрело в английском языке значение, образовавшееся при помощи метонимического переноса, «сверток, запас». В XVIII в. словом *budget* называлось ежегодное выступление канцлера казначейства (министра финансов Великобритании) о состоянии государственной казны, о котором говорили «*he opens his budget*», что в переводе обозначает «он открывает свою сумку». В дальнейшем в значении «бюджет», т. е. в широком смысле «финансовая смета доходов и расходов государства», и в более узком смысле «планирование доходов и расходов на определенный период», слово проникло и закрепилось в большом количестве языков.

Следующим примером, заслуживающим внимания, является слово *career*. Оно появилось в английском языке в XVI в. со значением «беговая дорожка, скаковой круг», в современном языке слово в этом значении больше не используется, оно является устаревшим. Во французском языке слово было заимствовано из итальянского языка со значением «дорога для повозок», и это значение до сих пор присутствует в языке, несмотря на развитие новых. В XIX в. произошло новое заимствование из французского языка, на этот раз только на уровне значения, так как слово уже существовало в языке: в английский язык вошло значение «жизненный путь», а кроме того, более узкое значение «профессиональное продвижение, карьера». На современном этапе развития языка именно значение «род деятельности, профессия» является основным значением данного слова.

Иногда расширение значения заимствованной лексической единицы приводит к ее расщеплению и появлению омонимов. Например, слово *magazine* было заимствовано из французского языка со значением «склад (боеприпасов или вещей)», это значение закрепилось в языке, однако в процессе своего развития оно приобрело еще одно значение «журнал (периодическое издание)», и современные словари представляют эти два варианта как омонимы (более подробно об этимологическом и семантическом аспектах развития данной лексической единицы см. ниже).

Метафорические переносы значений, основанные на ассоциациях предметов, явлений по сходству, отмечаются у заимствованных слов гораздо чаще, чем метонимические, основанные на смежности, соположении объектов в пространстве, времени.

Появление нового значения связано с законами развития заимствующего языка, и это явление характерно для предельно ассимилированных слов, существующих в языке столетиями, так как подобные лексические единицы носители языка не рассматривают как иностранные и подвергают различным синтаксическим, грамматическим и морфологическим изменениям. Анализ языкового материала показывает, что такими словами являются интернационализмы, вошедшие в английский язык в XII–XV вв., т. е. в среднеанглийский период, еще до становления английского языка как национального.

Так, слово *adventure* имеет с французским словом *aventure* следующие общие значения: «приключение», «авантюра, рискованное предприятие», «похождение», но, кроме этого, в английском языке возникло новое значение «коммерческое дело, предприятие». Французское слово *adresse* (англ. *address*) вошло в английский язык со значением «ловкость, сноровка» и приобрело новое значение у существительного во множественном числе «ухаживания», которого нет в языке-источнике.

Глагол *to direct*, произошедший от французского слова *diriger* и имеющий общие с ним значения «управлять, руководить», «направлять, регулировать», «дирижировать», также приобрел в ходе использования несколько других значений: «приказывать», «адресовать», «указывать дорогу», «нацеливать (-ся)», «ставить (спектакль, фильм), режиссировать». В современном русском языке глагол *дирижировать* имеет с производным словом нечто общее в семантике, однако значение данного слово сузилось до «управлять, руководить оркестром или хором при исполнении музыкального произведения» и имеет ограниченную профессиональную сферу употребления – музыкальную терминологию.

Следует также остановиться на вариантах английского языка: британском, американском и т. д., между которыми существуют различия на разных уровнях, в том числе семантическом. Британский вариант английского языка имеет свои особенности: например, слово *division*, заимствованное из французского языка с множеством значений, среди которых «деление», «разделение», «расхождение во взглядах» и т. д., имеет в британском варианте значение, используемое в парламентской терминологии, «разделение голосов во время голосования, голосование».

В американском варианте английского языка у слова *hero*, произошедшего от французского *héros* и имеющего с ним общие значения «герой», «главное действующее лицо романа», появилось значение «богатырский бутерброд». А существительное *diplomat* имеет с французским *diplomate* общие значения «дипломат (человек, наделенный дипломатическими функциями)» и «перен. дипломат (человек, обладающий тактом, деликатностью)», но, кроме этого, в американском английском приобрело значение «дипломированный специалист, особенно врач».

Для русского языка расширение семантического значения слова не характерно, однако можно обнаружить следующие немногочисленные примеры. *Авантюра* не имеет в языке-источнике (фр. *aventure*) значения «сомнительное предприятие», *азарт* в русском языке (от фр. *hazard*) обозначает «возбуждение, вызванное горячей увлеченностью чем.-н.; задор, пыл»; такого значения также не наблюдается во французском языке. Вероятно, в последнем примере в языке-акцепторе произошел перенос значения по смежности: одним из вариантов использования лексической единицы во французском языке является конструкция *jeux de hasard* «азартные игры». В языке-источнике основным значением слова является «случай, случайность; риск», таким образом, «азартные игры» обозначают во французском языке «игры, связанные со случаем, риском». В русском же языке слово *азартный* в данном выражении и в других контекстах приняло переносное значение, связанное с эмоциональным состоянием.

Другой, противоположный расширению тип семантической ассимиляции – **сужение значения слова**. Процесс сужения понятийного объема лексем приводит к сокращению круга денотатов, называемых данным словом. Иногда сужение значения приводит к специализации значения, в результате чего слово становится стилистически маркированным [Винокурова 1993: 36].

Довольно часто язык-реципиент заимствует слово только с одним значением, необходимым ему для называния нового предмета или явления. Например, слово *aviation* вошло в английский язык с единственным значением «авиация», хотя во французском языке оно имеет несколько значений: «воздушная навигация», «военно-воздушные силы», «авиастроение», «аэродром». Это можно объяснить наличием в английском языке слов, обозначающих эти понятия, – *aircraft*, *airport*. Французское существительное *conserve* имеет значение «консервы», т. е. обозначает «любой пищевой продукт, заключенный в герметичный сосуд для долгого хранения», а кроме этого, имеет во множественном числе значение «защитные очки». В английском же языке это слово имеет значение «варенье», что обозначает «фрукты, сваренные в сахаре для того, чтобы они могли храниться», т. е. английское слово сохранило нечто общее с исходным словом, оно отражает понятие продукта, подвергнутого некой обработке, но не любого продукта, как во французском языке, а только фруктов.

В русском языке французские слова часто закреплялись с одним значением, при этом, как мы уже упоминали, слово заимствуется с одним из второстепенных значений: например, слово *бутон* имеет в русском языке значение «почка растения, в которой развивается цветок», тогда как во французском языке слово *bouton* располагает несколькими значениями – «почка, бутон», «прыщ», «пуговица» и др. Для сравнения: в английском языке сохранились основные лексические значения языка-источника, хотя и произошли некоторые перестановки внутри связей между лексико-семантическими вариантами – основным значением является «пуговица», далее следуют «кнопка», «бутон», а кроме этого, как это зачастую происходило с французскими словами в английском языке, возникло новое значение «молодой, неразвившийся гриб».

Развитие семантической структуры усвоенных единиц продолжается на современном этапе и проявляется в возрастающей частотности употребления книжных слов в разговорном и газетном стилях современного языка. Частным случаем проявления этой тенденции является возрастающая употребительность лексических заимствований не в основных, а в производных значениях.

В некоторых случаях можно наблюдать одновременный процесс сужения исходных значений и развитие новых, когда английский язык заимствует слово в каком-либо одном значении, а в ходе своей эволюции развивает новые значения. Так, например, слово *salad*, пришедшее из французского языка, вошло в английский язык со значениями «салат», «мешанина, смесь», но не принесло с собой значений «болтовня, враки, клевета» и «недоразумение, неприятности», которые существуют во французском языке, являясь разговорными. Однако слово начинает жить своей жизнью в языке-реципиенте и на основе ассоциаций по цвету приобретает в американском сленге значение «деньги», «зелень, зеленые (доллары)». В русском языке слово *салат* не развило новых значений, а располагает двумя таковыми, сходными со значениями в языке-источнике: «травянистое овощное растение, листья которого идут в пищу», «холодное блюдо из нарезанных кусочками овощей, мяса или рыбы и т. п. с приправой».

Считается, что интернационализмы по определению должны иметь между собой хотя бы одно совпадающее значение, но на деле это не всегда так. Английское *drape* произошло от французского *drap*, однако в современном языке не имеет с ним совпадений в значениях: во французском языке *drap* обозначает «сукно», «простыня», в английском же языке *drape* имеет значения «драпировка», а в американском варианте это слово во множественном числе обозначает еще и «портьеры (обычно длинные и плотные)». Для сравнения: в русском языке слово *дран* имеет значение «вид шерстяного сукна». Такие слова, как *drap* во французском языке, *drape* в английском и *дран* в русском можно назвать псевдоэквивалентами.

Как было сказано выше, слова, являющиеся интернационализмами, это слова с полностью или частично совпадающим смыслом, что определяется самим характером интернациональных слов, однако при подробном рассмотрении оказывается, что слов, в которых не происходит никаких семантических изменений, не так много. Эту группу составляют термины и другие лексические единицы, которые являются словами научной сферы использования. Среди них можно выделить следующие подгруппы: термины точных наук, обозначающие меру, вес, количество, и которые, как правило, однозначны; названия профессий; слова, относящиеся к флоре, фауне и природе в целом. Подобные примеры представлены в табл. 6.

Таблица 6 – Однозначные французские интернационализмы

<i>Французский язык</i>	<i>Английский язык</i>	<i>Русский язык</i>
1) Термины точных наук <i>centimètre</i> <i>diamètre</i> <i>gramme</i> <i>kilogramme</i> <i>litre</i> <i>mètre</i> <i>million</i> <i>milliard</i> <i>minute</i> <i>préfixe</i> <i>parallèle</i>	 <i>centimeter</i> <i>diameter</i> <i>gram(me)</i> <i>kilo(gram)</i> <i>litre</i> <i>metre</i> <i>million</i> <i>milliard</i> <i>minute</i> <i>prefix</i> <i>parallel</i>	 <i>сантиметр</i> <i>диаметр</i> <i>грамм</i> <i>килограмм</i> <i>литр</i> <i>метр</i> <i>миллион</i> <i>миллиард</i> <i>минута</i> <i>префикс</i> <i>параллель</i>
2) Названия профессий <i>boxeur</i> <i>dentiste</i> <i>ingénieur</i> <i>oculiste</i> <i>secrétaire</i>	 <i>boxer</i> <i>dentist</i> <i>engineer</i> <i>oculist</i> <i>secretary</i>	 <i>боксер</i> <i>дантист</i> <i>инженер</i> <i>окулист</i> <i>секретарь</i>

<i>Французский язык</i>	<i>Английский язык</i>	<i>Русский язык</i>
3) Природа <i>bronze</i> <i>gaz</i> <i>maïs</i> <i>métal</i> <i>minéral</i> <i>zone</i>	<i>bronze</i> <i>gas</i> <i>maize</i> <i>metal</i> <i>mineral</i> <i>zone</i>	<i>бронза</i> <i>газ</i> <i>маис</i> <i>металл</i> <i>минерал</i> <i>зона</i>

Расширение семантического объема слова в английском языке произошло в словах, относящихся к разным понятийным группам и имеющих разное время вхождения в английский язык; следует отметить, что все они вошли в язык до XIX в. И являются освоенной иноязычной лексикой.

Таким образом, семантическая ассимиляция французских интернационализмов шла разными путями: можно наблюдать и расширение, и сужение значений, и заимствование без изменений, что зависело от экстралингвистических факторов и от сочетаемости единиц французского происхождения с исконной лексикой. Сравнение семантики слов в современных языках-акцепторах и языке-источнике делает очевидным тот факт, что при заимствовании имеет место не просто использование чужого имени в другом языковом коллективе в прежнем его значении, но и некоторые сдвиги в семантике заимствованного слова, а также, что случается в первую очередь, потеря мотивированности имени.

3.2.3. Французские интернационализмы – псевдоэквиваленты

Среди рассматриваемых лексических единиц выделяется группа интернациональных слов, не имеющих совпадений в семантике исходного слова во французском языке и слов в английском и русском языках. Такие слова иногда принято называть псевдоэквивалентами, так как, имея схожую внешнюю

оболочку, они полностью расходятся в значениях. Л. В. Щерба отмечал: «Нельзя не признать, что родной язык является все же нашим врагом при изучении иностранного языка, так как это он заставляет нас делать (...) бесчисленные ошибки. (...) А потому мы должны из врага превратить его в друга. И это очень легко сделать: надо только осознать все те случаи, когда он вводит нас в искушение» [цит. по: Карлинский 1989: 52].

Наличие в одном языке слов из других языков и их употребление в речи – объективная реальность. Кроме этого, в современном мире, когда наука и экономика становятся все более интернациональными, укрепляются культурные, социальные, профессиональные связи между представителями разных народов, активизируются различного рода обмены, любое общество нуждается в профессионалах, владеющих иностранными языками на высоком уровне, – переводчиках, преподавателях иностранных языков. При использовании иностранного языка говорящие зачастую переносят свои языковые привычки на чужую языковую систему, так как прочно укоренившийся родной язык толкает их на ложные аналогии [Агаркова 2009: 10]. Из-за сходства формы и, частично, содержания такие слова могут привести к существенным искажениям содержания, неточностям в передаче стилистической окраски, к ошибкам в лексической сочетаемости, а также в словоупотреблении [Судакова 2009: 152].

Подобные случаи называют «ложными друзьями переводчика», это понятие пришло из французского языкознания, где данное явление было обозначено как *faux amis du traducteur*. В понятие «ложных друзей», впервые введенное в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века французскими лингвистами М. Кесслером, Ж. Дерокиньи и профессором Ф. Буало, включаются полностью «ложные друзья» со сходной орфографией и расходящейся семантикой (*faux amis*) и «частичные ложные друзья» (*faux amis partiels*) со сходной орфографией и в основном общей семантикой, т. е. межъязыковые омонимы и паронимы. Данный термин, закрепившийся во французской, а от-

сюда и в русской лингвистической терминологии, может быть отнесен к любым словам соответствующего типа [Акуленко 1961: 63; Акуленко 1972: 2].

Это явление относится, прежде всего, к интернациональной лексике, так как внешняя схожесть слова в иностранном и родном языках заставляет пользователей языка думать и о схожести внутренней – на уровне лексического значения, что зачастую в корне неверно. Еще более сложна ситуация, когда в обучении или своей профессиональной деятельности человек сталкивается с двумя иностранными языками, особенно с такими, как английский и французский.

Как было отмечено выше, далеко не все слова, попав в язык-реципиент, сохраняют свои исходные значения. Зачастую слово переживает всякого рода семантические трансформации, и изменения эти чаще всего характерны именно для данного, отдельно взятого языка (ср. фр. и англ. *accord* «согласие» и рус. *аккорд*). Либо может быть ситуация, когда слова сохраняют значения, с которыми они были заимствованы, однако в языке-источнике эти значения являются или в процессе развития стали далеко не главными. Так, фр. *talon* обладает множеством значений, основное из которых – «пята, пятка», и только на пятой позиции в словарной статье этого слова располагается значение, аналогичное рус. *талон* «контрольный документ, удостоверяющий право на получение чего-н., доступа куда-н.»; англ. *talon* имеет не менее далекое от французских основное значение «коготь, длинный ноготь», а значение «талон» второе по употребимости. Французское *stage* имеет значения «стажировка, практика; испытательный срок» и не имеет значения, присущего русскому слову *стаж* «продолжительность деятельности в какой-то области»; при переводе с русского на французский слово *стаж* необходимо перевести словом *ancienneté*. В английском языке слово *stage* в своих семантических значениях далеко как от французского источника, так и от русского языка, и имеет множество значений, главным из которых является «фаза, стадия, период». Без сомнения,

значения этого слова во всех трех языках имеют нечто общее, так как обозначают некоторый временной отрезок, однако при использовании требуют внимательного отношения к их семантической составляющей и ни в коем случае не могут быть применены в качестве эквивалентов.

Кроме этого, возможны случаи, когда в родном, в нашем случае русском, языке слово на протяжении многих лет остается актуальным, т. е. широко используется в речи, французский же этимон выходит из употребления и заменяется другим словом.

Вероятна и такая ситуация, когда интернациональное слово в языке-реципиенте является на современном этапе развития устаревшим: например, было бы странным перевести французское слово *pantalon* «брюки» как *панталоны* (если только речь не идет о какой-нибудь исторической эпохе, когда эта деталь туалета была в употреблении). При этом в английском языке мы можем использовать при переводе форму *pantaloons* (как правило, в сокращенном варианте *pants*), хотя этим словом значение «брюки» чаще передается в американском варианте английского языка, тогда как в британском варианте употребляется слово *trousers*.

Встречаются и случаи стилистического несовпадения интернациональных единиц, которые также могут вызвать разного рода ошибки при переводе. Французский глагол *annoncer* принадлежит к нейтральному повседневному языку, и можно сказать, например, *annoncer une bonne nouvelle*. При переводе данного словосочетания переводчику не следует использовать русский эквивалент данного слова *анонсировать*, так как оно имеет более узкое стилистическое использование, а перевести при помощи нейтрального слова *сообщить*.

В табл. 7 представлен ряд примеров, являющихся ложными эквивалентами во всех трех либо в двух из рассматриваемых языков. Данный список не является исчерпывающим, однако дает представление об этом лингвистическом явлении. В некоторых случаях наблюдается совпадение значений в двух из трех изучаемых языков (чаще во французском и английском).

Таблица 7 – Ложные эквиваленты во французском, английском, русском языках

<i>Французский язык</i>	<i>Английский язык</i>	<i>Русский язык</i>
<i>accompagner</i>	<i>to accompany</i>	аккомпанировать
<i>accord</i>	<i>accord</i>	аккорд
<i>annoncer</i>	<i>to announce</i>	анонсировать
<i>bassin</i>	<i>basin</i>	бассейн
<i>biscuit</i>	<i>biscuit</i>	бисквит
<i>bloque</i>	<i>block</i>	блок
<i>brilliant</i>	<i>brilliant</i>	брильянт
<i>cabinet</i>	<i>cabinet</i>	кабинет
<i>chance</i>	<i>chance</i>	шанс
<i>charge</i>	<i>charge</i>	шарж
<i>choque</i>	<i>shock</i>	шок
<i>confusion</i>	<i>confusion</i>	конфуз
<i>contrôler</i>	<i>to control</i>	контролировать
<i>couloir</i>	<i>couloir</i>	кулуары
<i>crédit</i>	<i>credit</i>	кредит
<i>curieux</i>	<i>curious</i>	курьезный
<i>dresser</i>	<i>to dress</i>	дрессировать
<i>flacon</i>	<i>flagon</i>	флакон
<i>forcer</i>	<i>to force</i>	форсировать
<i>frac</i>	<i>frock</i>	фрак
<i>front</i>	<i>front</i>	фронт
<i>intelligence</i>	<i>intelligence</i>	интеллигенция
<i>intime</i>	<i>intimate</i>	интимный
<i>mine</i>	<i>mine</i>	мина
<i>mode</i>	<i>mode</i>	мода
<i>pantalon</i>	<i>pantaloon</i>	панталоны
<i>personnage</i>	<i>personage</i>	персонаж
<i>pièce</i>	<i>piece</i>	пьеса
<i>pommade</i>	<i>pomade</i>	помада
<i>réservoir</i>	<i>reservoir</i>	резервуар
<i>rouleau</i>	<i>rouleau</i>	рулон
<i>stage</i>	<i>stage</i>	стаж
<i>talon</i>	<i>talon</i>	талон

Рассмотрим некоторые из данных единиц, поскольку расхождения между лексико-семантическими вариантами могут вызвать недоразумения при переводе или обучении. Следует отметить, что не все из подобных значений являются основными, т. е. указываются в словарных статьях на первом месте, однако они не становятся от этого менее важными для изучения.

1. Фр. *accompagner* – англ. *to accompany* – рус. *аккомпанировать*

В двух языках – французском и английском – основные значения совпадают: «сопровождать, сопутствовать», в русском языке данное слово имеет только значение «играть партию на музыкальном инструменте для сопровождения другого музыканта (певца); исполнять аккомпанемент». В русском языке слово имеет более узкую, терминологическую сферу использования, так как речь идет только о музыкальном сопровождении. Соответственно, могут возникнуть трудности в понимании подобных высказываний: фр. *Elle accompagne sa mère* (= *Elle se joint à sa mère pour aller quelque part*) или англ. *She accompanies her mother* (= *She goes with her mother*) носитель русского языка может перевести как «Она аккомпанирует своей матери» вместо «Она сопровождает свою мать».

2. Фр. *bassin* – англ. *basin* – рус. *бассейн*

Во французском языке слово многозначно, основным значением является «таз, ванночка» (= *réceptif portatif souvent rond ou oval*), т. е. слово обозначает довольно крупный, вместительный сосуд для воды. В английском языке это слово в основном значении тоже обозначает сосуд, но не слишком большой по размерам – «таз, чашка, миска» (= *an open dish, wide and round, for holding water*). Существует также общее значение для обоих языков – «водоем, бассейн, резервуар», обозначающее некий приемник для воды, как правило, не предназначенный для купания. В русском же языке слово *бассейн* чаще всего используется в значении «искусственный водоем с открытой поверхностью» и употребляется при описании водоема для плавания людей. Для отражения данного понятия во французском языке существует слово *piscine*, а в английском языке – *swimming pool*.

3. Фр. *chance* – англ. *chance* – рус. *шанс*

Во французском языке основное значение – «счастье, удача», второе значение – «случай, случайность». В английском языке обратная ситуация: значение «случай, случайность» является основным, а «судьба, удача, счастье» занимает второстепенное место. В русском языке значение «случай» некогда существовало, однако на данном этапе развития языка оно является устаревшим. Основное значение слова *шанс* – «условие, которое может обеспечить успех, удачу, вероятная возможность», это значение хоть и связано с понятием удачи, но не отражает упомянутых значений французского и английского слов. Так, французское предложение *J'ai de la chance* следует перевести как «Мне везет (т. е. я имею удачу)».

4. Фр. *couloir* – англ. *couloir* – рус. *кулуары*

В данном ряду французское слово имеет наибольший семантический объем, располагая основным прямым значением «коридор, проход», а также несколькими другими, с ним связанными – «ущелье, узкая долина», *спорт.* «дорожка, коридор», и переносным значением для существительного во множественном числе «кулуары», в таких словосочетаниях, как *conversations de couloirs* «кулуарные (т. е. закулисные) разговоры». В английский язык слово было заимствовано и существует в нем с одним, узко терминологическим значением «ущелье». В русском языке слово хотя и имеет прямое значение «боковая зала, коридор в парламенте, театре», чаще используется во множественном числе в переносном значении «парламентская среда, общественные круги», но не в именительном падеже, а в определенных сочетаниях: *в кулуарах, из кулуаров*, либо употребляется однокоренное прилагательное *кулуарный* – *кулуарные встречи (разговоры, сделки и т. п.)*.

5. Фр. *intelligence* – англ. *intelligence* – рус. *интеллигенция*

Во французском и английском языках существуют совпадающие значения «ум, рассудок; умственные способности», «смышленость, сообразительность». В русском языке существует несколько слов, связанных этимологически с француз-

ским *intelligence*, и носители русского языка могут ошибочно перевести данное слово (или слово в английском языке) при помощи лексических единиц *интеллигентность*, *интеллигентство*, *интеллигенция*. На самом деле *интеллигентность* обозначает «культурность, образованность»; *интеллигентство* значит «образ мыслей, привычки, свойственные интеллигенту (работнику умственного труда)» и имеет стилистическую особенность – указывает на презрительное отношение говорящего к предмету разговора; *интеллигенция* имеет значение «общественный слой работников умственного труда, образованных людей». В особенности явление интерференции может затрагивать прилагательные, однокоренные с упомянутыми существительными фр. *intelligent* – англ. *intelligent* – рус. *интеллигентный*. Так, французское *Il m'a paru intelligent* (= *ayant la faculté de connaître et de comprendre*) русский человек может ошибочно перевести как «Он показался мне интеллигентным (= образованным, культурным)», тогда как корректным переводом будет «Он показался мне умным (= способным в умственном плане, сообразительным)».

6. Фр. *personnage* – англ. *personage* – рус. *персонаж*

Во французском языке слово имеет следующие значения: «важная особа, важное лицо; выдающаяся личность», «особа, личность, лицо», «персонаж, действующее лицо». Английский язык заимствовал все значения, однако в значении «персонаж, действующее лицо» чаще используется другое слово – *character*. В русском языке основным значением является именно «действующее лицо драматического или литературного произведения». Значение «особа, личность» употребляется с ироническим оттенком, т. е. имеет стилистические особенности использования.

7. Фр. *rouleau* – англ. *rouleau* – рус. *рулон*

Французское слово имеет основное значение «свиток, трубка; рулон», вторым значением является «столбик, ролик (из монет)». В английском языке основным значением этого слова является «стопка монет, завернутых в бумагу», т. е. оно

сближается со вторым значением во французском языке. А в русском языке, напротив, закрепилось первое, т. е. «круглый сверток (бумаги, обоев и т. д.)».

8. Фр. *mine* – англ. *mine* – рус. *мина*

Во французском и английском языках слова являются многозначными, и большинство прямых значений в этих двух языках совпадают: «рудник, копь, шахта», «рудная жила, залежь, пласт». Кроме этого, совпадает и одно переносное значение – «источник (сведений и т. п.)», а также одно терминологическое значение, используемое в области военного и морского дела, – «мина». В русском же языке закрепилось только последнее из упомянутых значений, «взрывное устройство, используемое на суше и воде». Следовательно, при переводе французского предложения *C'est une mine de renseignements* на русский язык может возникнуть интерференция русского языка, что приведет к искажению содержания. В этом случае носитель русского языка может сделать ошибочный перевод данного предложения: «Это информационная бомба», в то время как его следует перевести «Это неисчерпаемый источник информации».

Таким образом, интернационализмы французского происхождения, имеющие общий этимон и сходные графическую и звуковую оболочки, зачастую имеют различные семантические объемы и узуальные характеристики в разных языках-реципиентах.

3.2.4. Графический и фонетический аспекты интернационализмов французского происхождения

Одним из аспектов освоения любой иноязычной лексики в языке-реципиенте является графическая и фонетическая ассимиляция. Материальная форма слов, заимствованных из других языков, в принимающей среде с неизбежностью претерпевает изменения и в пору их вхождения, и в течение их последующей жизни в языке [Биржакова 1972: 178; Кимягарова 1989: 69]. Эти

изменения касаются как звукового состава слов, так и их графического выражения. Известно, что графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка оказывает значительное влияние на освоение заимствуемой лексики [Крысин 1996: 56].

С г р а ф и ч е с к о й передачей французских слов в английский язык не возникало сложностей в связи с тем, что оба взаимодействующих языка использовали (и используют) одну графическую систему – латиницу. Уже с конца VII в. англосаксы начали писать на родном языке, используя латинский алфавит, хотя у разных германских народов латинское письмо имело свои особенности. Некоторые графемы имели своеобразное написание, кроме этого, в алфавит древнеанглийского языка были введены особые знаки для обозначения, например, межзубных спирантов. В среднеанглийский период, вследствие Норманнского завоевания, наблюдались большие изменения в английской орфографии, многие новшества из которых были внесены норманнскими писцами [Введение 2003: 173, 190–191]. Поэтому написание французских заимствований не вызывало сложностей, отражая орфографический облик французских слов того времени (*advance, hostel, mantle, season, veil*). Лексические единицы, появившиеся в английском языке в более поздние периоды, также заимствовались с французской графикой. Слова, вошедшие в английский язык до XIX в., за редкими исключениями (*façade, régime*), не сохранили французские диакритические знаки: *decadence* (фр. *décadence*), *depot* (фр. *dépôt*), *detail* (фр. *détail*), *egoist* (фр. *égoïste*), *hotel* (фр. *hôtel*). Более поздние заимствования, как правило, имеют в своей графике данные знаки в тех случаях, когда они присутствуют в языке-источнике, в особенности тогда, когда лексические единицы имеют узкую сферу использования (*résumé, séance*).

При заимствовании слов в русский язык в ходе истории появлялось некоторое количество их вариантов и наблюдался разноречивость при их чтении и орфографировании. Иногда на протяжении нескольких десятилетий некоторые слова имели множе-

ство форм передачи их звукового состава. Например, *вакансия* – *ваканс* – *ваканц*; *концерт* – *консерт*; *сосиски* – *сосисы* – *социски* – *социзы* [Биржакова 1972: 184, 213–215]. Стабилизация формы происходила постепенно. Трудности нормирования иноязычных слов объективны – они связаны с разностью графических и фонетических систем взаимодействующих языков, с одной стороны, а с другой – с возможностью разного трактования одного и того же графического комплекса.

Существенным в передаче графического облика чужого слова оказывается вопрос, что должно послужить «образцом» для новой, русифицированной единицы: написание слова в языке-источнике, т. е. его исконный буквенный состав, или произношение в языке-источнике, т. е. его исконный звуковой состав. Для русского языка при графической передаче французских интернационализмов характерно как использование транслитерации: *арсенал*, *бюджет*, *интендант*, *сигнал*, *фланг* (ср. фр. *arséna1, budget, intendant, signal, flanc*), так и транскрибирования: *ангар*, *бульвар*, *интриган*, *рефрижератор*, *тембр* (ср. фр. *hangar, boulevard, intrigant, réfrigérateur, timbre*). Следует также отметить, что в некоторых случаях графическое освоение чужого слова происходило не сразу: в течение некоторого времени слово передавалось не русскими, а латинскими буквами, сохраняя на письме иноязычный облик [Калинин 1978: 68].

Кроме этого, графическая русификация слова включает в себя и подчинение правилам русской орфографии. Это касается, например, упрощения двойных согласных в корнях иноязычных слов, в первую очередь это явление затрагивает слова, в которых произносится одна согласная [Маринова 2007: 174]. Среди рассматриваемых нами единиц этой тенденции соответствуют: *ваниль*, *буфет*, *офицер*, *терраса*, *навильон* (ср. фр. *vanille, buffet, officier, terrasse, pavillon*).

В некоторых случаях написание французских слов противоречит общим правилам русской орфографии, так как при замене фонем чужого слова письменными знаками принимающего языка допускается сочетание букв, идущих вразрез с об-

щими правилами русской орфографии. Это касается, например, передачи французского звука [y] при помощи буквы -ю- после шипящих, а также передачи звука [j] между гласными посредством буквы -й-, а также сочетанием -ьо- в тех случаях, когда в исконных словах использовались бы йотированные буквы (-е, -ё) [там же: 175]. В исследуемом нами языковом материале можно отметить: *брошюра, парашют; фойе; батальон, медальон* (ср. фр. *brochure, parachute; foyer; bataillon, médaillon*).

Заимствование слова в язык-реципиент зависит от его соответствия лингвистическому направлению, которое уже существует в системе: звуки могут успешно пройти ассимиляцию лишь при наличии некоторого сходства с фонетической системой заимствующего языка. После вхождения в язык заимствование претерпевает адаптацию или фонемную субституцию на ближайший коренной эквивалент реципиента. Фонетической адаптации подвергаются все заимствования, что приводит к потере заимствованными словами их первоначального иноязычного облика [Володарская 2001: 12–13]. Считается, что, если слово широко употребляется, то возможности приспособления его звукового состава к фонетической системе национального языка шире [Бельчиков 1959: 65].

Фонетическая адаптация иноязычных слов, прежде всего, связана с а к ц е н т у а ц и е й. Известно, что рассматриваемые языки на современном этапе развития относятся к языкам с разным типом ударности. Современный французский язык имеет фиксированное ударение на последнем слоге, на момент же начала Норманнского завоевания состояние французской ударности было таковым, что в большинстве случаев ударение падало на конечный слог, в случае многосложных слов сильное ударение на последнем слоге сопровождалось более слабым второстепенным ударением на одном из предшествующих слогов. Английский язык имеет словесное ударение, построенное по германскому типу ударности. Исследователи (О. Эсперсен, Н. Ф. Блейк), изучающие письменные памятники германских языков, отмечают, что ударение в германских словах всегда

падает на начальный слог слова. При взаимодействии английского и французского языков произошло столкновение двух типов акцентуации: германского с ударением на первом слоге и французского с ударением на последнем слоге.

С течением времени по мере интеграции французских слов в систему языка-акцептора ударение в большинстве случаев изменялось в соответствии с германским типом ударности. Процесс ассимиляции французских слов облегчается развитием в английском языке двойного ударения, которое представляется продуктом действия внутренней компенсационной силы, реализующейся с целью сохранения характерного для данного языка ритма, а, следовательно, и коммуникативной приспособленности. Двойное ударение существовало и в древнеанглийский период в сложных существительных и прилагательных, в которых второе ударение падает на второй компонент. Судьба второго ударения при этом определялась устойчивостью второго компонента сложного слова, при ослаблении которого наблюдается ослабление вторичного ударения вплоть до его исчезновения.

Для установления ударения в заимствованиях французского происхождения большое значение имеют такие параметры процесса заимствования и самого слова, как дата вхождения последнего в английский язык, количество слогов в слове и наличие префиксов, социолингвистический аспект функционирования заимствования внутри языка-акцептора.

Считается, что последовательнее всего изменение французского ударения в сторону германского произошло у существительных и прилагательных. В целом в двусложных и трехсложных словах, имевших ударение на последнем слоге, оно перешло на первый слог. Лингвистические процессы, имевшие место в развитии среднеанглийского языка, привели к переходу трехсложных слов в двусложные посредством синкопирования среднего слога и отпадения безударных *-e*-окончаний. Многие четырехсложные слова по этой же причине стали трехсложными. Перенос ударения по германскому

типу произошел в большей степени в исконно двусложных словах, чем в исконно трехсложных. Двусложные слова, вошедшие в английский язык до 1500 г., к 1755 г. (год выхода в свет словаря английского языка Самюэля Джонсона) практически полностью прошли англицизацию ударения (на 98 %) (*action, army, battle, credit, partner*). Отдельные слова демонстрировали разные варианты ударяемости вплоть до XIX в.

Более поздние заимствования (вошедшие после 1500 и после 1700 гг.) показывают значительно меньшую степень ассимиляции и большую вариативность конкурирующих форм (в связи с устойчивостью в них вторичного ударения), особенно это касается трехсложных и многосложных слов. Трехсложные слова ассимилируются труднее и медленнее, чем двусложные, некоторые из них находятся в состоянии сосуществования разных форм [Володарская 2005: 35]. Среди рассматриваемых нами примеров можно отметить как примеры германизации ударения (*balcony, company, equipage, project, sanitary*), так и сохранение французского ударения (*canal, guarantee, intrigue, partisan, souvenir*).

Исследование изменения акцентуации затрагивает также и тему грамматикализации ударения в парах «существительное – глагол» или «прилагательное – глагол». По германскому типу ударения слогов ударение в существительных (прилагательных) падает на первый, а в глаголах – на второй слог. Подобная акцентная парадигма служит дополнительным средством различения грамматических форм. Французские интернационализмы по аналогии с английскими словами подпадают под существующие правила языка-акцептора, в результате чего в парах «существительное – глагол» ударение в большинстве случаев распределяется по традиционному германскому принципу. Примером такого распределения является пара глагол – существительное *conserve*, где существительное имеет ударение на первом слоге [ˈkɒnsə:v], а в глаголе ударным является второй, последний слог [kənˈsɜ:v]. Тем не менее, встречаются и исключения: например, существительные и глаголы *advance, attack, command, control* имеют ударение на последний слог, т. е. слова сохранили фран-

цузский тип ударности, что, вероятно, связано с временем вхождения этих интернационализмов – XVIII в.

В паре «глагол – существительное» *balance* в обоих случаях ударение падает на первый слог, что в какой-то мере отражает современную тенденцию смещения глагольного ударения в сторону первого слога по аналогии с акцентуацией существительных.

Анализ языкового материала показал, что количество слов в зависимости от количества слогов распределяется следующим образом: наибольшее количество составляют двусложные слова – 47 % от всего корпуса примеров на английском языке. Далее следует группа трехсложных слов – 25 %, почти такое же количество слов является односложными – 22 %. Малочисленную группу составляют слова с четырьмя – пятью слогами, их насчитывается 6 %.

Полученные нами данные о слогуударности свидетельствуют о том, что подавляющее большинство рассматриваемых интернационализмов приняло германский тип акцентуации, т. е. ударение в них падает на первый слог (*baggage, garnish, intimate, microscope, passenger*), такие слова составили 71 % от всего корпуса примеров на английском языке. Ударение по французскому типу сохранило 19% лексических единиц, как правило, это слова, являющиеся поздними заимствованиями из французского языка (*bouillon, façade, engineer, pantaloon, reportage*). Некоторое количество слов занимают промежуточное положение – это относится к трех- и многосложным словам, в которых ударение падает на средние слоги (второй или третий), их доля в общем числе лексики составила 10 % (*department, partisan, variety, organization, secretariat*).

Русский язык относится, как и другие славянские языки, к типу языков, сохранивших систему свободного ударения. Перейдем к рассмотрению изменений ударения во французских интернациональных словах в русском языке.

Во многих существительных, вошедших в русский язык, сохранилось ударение на последнем слоге (*абонемент, бисквит, дебют, идеал, манёвр*), это явление характерно для слов мужского рода. В словах женского рода, имеющих во французском языке конечную непроизносимую *-e*, и, соответственно, предшествующий ей ударный слог (например, *actrice, attaque, cabine, enquête, vitrine*), этот же слог и остается ударным. Однако по причине того, что окончание подобного рода слов адаптируется под русскую систему склонений и приобретает вид *-а*, то ударным оказывается второй слог с конца (*актриса, атака, кабина, анкета, витрина*). В словах с окончаниями на *-ция*, где произошла латинизация произношения, наблюдается перемещение ударения на третий слог с конца (*амбиция, иллюминация, констатация, сенсация, репутация*), это явление распространяется и на другие слова женского рода с окончанием на *-ия* (*гарантия, дивизия, ирония, компания, физиономия*).

Но, несомненно, самые большие изменения происходят с ударением глаголов французского происхождения, которые в большинстве своем пришли в русский язык через посредство польского языка и получили морфологические изменения, приобретая новые суффиксы *-овать, -изовать*. В этих словах ударение падает на последний, но отличный от французского языка слог (ср. фр. *attaquer* – рус. *атаковать*, фр. *critiquer* – рус. *критиковать*, фр. *organiser* – рус. *организовать*). В глаголах с суффиксом *-ировать* (заимствованном русским языком из немецкого) акцентируется тот же слог, что и во французском языке (*монтировать, маневрировать, пикировать*).

Итак, французские интернационализмы, проникая в языки-акцепторы, подчинялись их акцентуационным, фонологическим законам и орфографическим правилам, испытывая различные трансформации, тем более выраженные, чем дольше слово присутствовало в языке.

3.2.5. Грамматическая и словообразовательная характеристики французских интернационализмов

После проникновения заимствованных слов в иной язык, чужеродные элементы должны пройти важный этап адаптации – интегрироваться в грамматическую систему принимающего языка, так как без этого слово не может свободно функционировать в языке-акцепторе наряду с исконными элементами. Наиболее важным этапом грамматической адаптации является интеграция заимствованных элементов в систему грамматических категорий языка. Грамматическая категория – это совокупность элементов языка (слов, значимых частей слов и сочетаний слов), объединенная грамматическим значением при обязательном наличии выражающего грамматического способа [Реформатский 2001: 256].

Известно, что наиболее многочисленными заимствованиями являются существительные. Эйнар Хауген отмечал, что «во всех до сих пор составленных списках заимствований в языках обычной европейской структуры обращает на себя внимание резкое преобладание существительных над другими частями речи» [Хауген 1972: 373]; то же самое можно наблюдать и в области интернациональной лексики. Это не случайно, так как основной частью речи во всех известных науке языках является существительное, поскольку именно в его основе лежит значение грамматической предметности. Любой предмет и любое явление окружающего нас мира человек может выразить предметно, и всегда это представление является словом, имеющим общеграмматическое значение предметности, т. е. существительным. В языковом материале нашего исследования существительные составляют 82 % от всего корпуса примеров на английском языке (например, *bust, depot, march, pilot*).

Глаголы в любом языке представляют собой обширную группу слов с общеграмматическим значением действенного, процессуального или динамического признака, и также являются одним из важных классов знаменательных слов. В нашем

случае глаголы составляют 9 % изучаемых примеров (например, *to attack, to date, to restore, to treat*). Прилагательное, в отличие от глагола, имеет значение статического, недейственного признака [Кочергина 2004: 121–123]. Прилагательные в нашем исследовании также представляют 9 % примеров (например, *classical, curious, monotonous, permanent*).

Изучаемые нами существительные были рассмотрены с точки зрения следующих грамматических категорий: категорий рода и числа, так как категория числа присутствует во всех трех языках, послуживших основой нашего исследования – французском, английском и русском, а категория рода значима для двух из рассматриваемых языков.

Во всех языках находит свое выражение естественный (биологический) пол; это распространяется на личные имена существительных (имена собственные) и существительные, обозначающие животных, птиц, насекомых. В сфере нарицательных (нарицательных) имен существительных принадлежность слова к мужскому ли женскому роду может показаться произвольной и никак не мотивированной. По мнению А. Мейе, «грамматический род – одна из наименее логичных и наиболее непредвиденных категорий» [цит. по: Кочергина 2004: 126]. Эта категория обычно имеет два или три значения, которые в совокупности составляют категориальное значение рода. Сам принцип деления, особенно существительных, обозначающих неодушевленные предметы, не связан с делением по признаку пола. Он восходит к очень древней стадии развития языков, основанных на признаках, не сохранившихся в системе современного языка. Более того, они даже логически непонятны говорящим на этих языках и сохранились как атавизмы. Зачастую в языках проявляется морфологическая асистемность, в связи с чем в ряде языков, в том числе и в английском, категориальное значение рода утратило свою действенность.

Соответственно встает вопрос, правомерно ли говорить о категории рода, если форма существительного и другие части речи не индицируют ее. Многие лингвисты вообще отрицают

существование такой категории в английском языке (Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг, А. И. Смирницкий и др.), так как неэксплицитность категории ставит под сомнение правомерность выделения самой категории, т. е. правильнее будет считать, что категории рода как грамматической категории в английском языке нет [Кобрина 2007: 30].

Во французском языке существует категория рода, и она представлена бинарной оппозицией – мужской / женский род во многих частях речи – существительных, прилагательных, местоимениях. Род существительных может быть выявлен как при помощи словообразовательных элементов внутри самого слова (суффиксы), так и при помощи маркировки артиклями, качественными и притяжательными прилагательными, причастиями прошедшего времени. Отсутствие рода как грамматической категории в английском языке облегчило процесс ассимиляции заимствованного материала, в том числе заимствованных интернационализмов французского происхождения, так как носители языка не испытывали трудностей выбора соответствующего рода при использовании лексических единиц. При необходимости прономинальной референции, т. е. замещения таких существительных местоимениями (*he, she*), замещение также не вызывает сложностей, поскольку данные местоимения используются для существительных, обозначающих одушевленные существа. Например, слова *actor, boxer, hero, cavalier, mayor, prince* и др. при необходимости в речи будут заменяться местоимением *he (his, him, himself)*, как выражающие людей мужского пола, тогда как *actress, heroine, poetess* будут соотноситься с женским местоимением *she (her, herself)*, так же, как и любые другие существительные в английском языке. Существительные, обозначающие неодушевленные предметы, замещаются местоимением среднего рода *it (its, itself)*, не имеющим половых признаков (это относится к *jelly, hotel, nerve, picket, revolution* и др.). Значение рода в словах, обозначающих профессию, характерную для обоих полов, общую характеристику или статус, не включающий признака пола (например, *artist, bourgeois, chief, companion, dentist,*

diplomat, journalist, engineer, partner, redactor, secretary), выясняется с помощью контекста или при помощи маркеров в тех случаях, когда профессиональная характеристика относится к лицу, для которого данная профессия нетипична (например, *woman-engineer*).

В связи со снижением роли флексий и в целом деривационных средств, прилагательное потеряло согласовательные признаки, т. е. прилагательное не изменяет своей формы в зависимости от рода и числа существительных, тем более что, как было сказано выше, род как категория отсутствует в языке. Среди формальных признаков этого класса слов остались значимыми только словообразовательные суффиксы. В изученных нами интернационализмах французского происхождения можно выделить группу прилагательных с суффиксом *-ous*: *curious, monotonous, pretentious, serious*. Следует отметить, что данный словообразовательный суффикс французского происхождения закрепился как отдельная морфема и используется для образования новых слов в английском языке, являясь очень продуктивным. Следующая группа прилагательных имеет общий суффикс *-al*, это такие слова, как: *ideal, classical, loyal, oval, sentimental, total, vertical*. Словообразовательный суффикс *-ic* употребляются в следующих интернационализмах: *diplomatic, romantic, electric, elastic*. Слова с другими суффиксами единичны: *delicate, elegant, permanent, rectangular, sanitary, violet*. Кроме того, в одном прилагательном из рассмотренного корпуса примеров используется исконный для английского языка суффикс глагольного причастия I *-ing*, присоединенный к французской основе: *interesting*.

Известно, что заимствованию подвергаются не только слова, но и словообразовательные элементы [Федорова 2007: 126]. В изучаемом нами языковом материале можно выделить группы словообразовательных элементов – суффиксов латинского происхождения (исконных или заимствованных французским языком из классической латыни), являющихся продуктивным способом деривации во французском языке и повторяющихся в рассматриваемых примерах, т. е. обладающих частотностью употребления. Некото-

рые из таких деривационных элементов закрепились в языках-акцепторах и используются в современных языках. Это такие суффиксы, как: *-iste*, *-isme*, *-al*, *-é*, *-eur*, *-age*, *-able*, *-ade*, *-ment*, *-esse*, *-ique*, *-et* (*-ette*), *-ance* (*-ence*), *-ant* (*-ent*). Соответствующие примеры представлены в табл. 8.

Таблица 8 – Французские суффиксы в интернациональной лексике

Французский язык	Английский язык	Русский язык
1) -iste <i>dentiste</i> <i>journaliste</i> <i>matérialiste</i> <i>monarchiste</i> <i>styliste</i>	1) -ist <i>dentist</i> <i>journalist</i> <i>materialist</i> <i>monarchist</i> <i>stylist</i>	1) -ист <i>дантист</i> <i>журналист</i> <i>материалист</i> <i>монархист</i> <i>стилист</i>
2) -isme <i>athlétisme</i> <i>déisme</i> <i>égoïsme</i> <i>symbolisme</i> <i>vandalisme</i>	2) -ism <i>athletism</i> <i>deism</i> <i>egoism</i> <i>symbolism</i> <i>vandalism</i>	2) -изм <i>атлетизм</i> <i>деизм</i> <i>эгоизм</i> <i>символизм</i> <i>вандализм</i>
3) -al <i>capital</i> <i>minéral</i> <i>marchal</i> <i>royal</i> <i>vassal</i>	3) -al <i>capital</i> <i>mineral</i> <i>marchal</i> <i>royal</i> <i>vassal</i>	3) -ал (ь-) <i>капитал</i> <i>минерал</i> <i>маршал</i> <i>рояль</i> <i>вассал</i>
4) -é <i>assemblée</i> <i>armée</i> <i>compagnie</i> <i>gallerie</i> <i>partie</i>	4) -y <i>assembly</i> <i>army</i> <i>company</i> <i>gallery</i> <i>party</i>	4) -е (-ея, -ия) <i>ассамблея</i> <i>армия</i> <i>компания</i> <i>галерея</i> <i>партия</i>
5) -eur <i>acteur</i> <i>cultivateur</i> <i>carburateur</i>	5) -our (-or) <i>actor</i> <i>cultivator</i> <i>carburetor</i>	5) -ёр (-ор) <i>актёр</i> <i>культиватор</i> <i>карбюратор</i>

6) -age <i>bagage</i> <i>fuselage</i> <i>massage</i> <i>sabotage</i>	6) -age <i>baggage</i> <i>fuselage</i> <i>massage</i> <i>sabotage</i>	6) -аж (-яж) <i>багаж</i> <i>фюзеляж</i> <i>массаж</i> <i>саботаж</i>
7) -ade <i>barricade</i> <i>brigade</i> <i>cannonade</i> <i>charade</i> <i>masquerade</i>	7) -ade <i>barricade</i> <i>brigade</i> <i>cannonade</i> <i>charade</i> <i>masquerade</i>	7) -ад (-ада) <i>баррикада</i> <i>бригада</i> <i>канонада</i> <i>шарада</i> <i>маскарад</i>
8) -able <i>raisonable</i> <i>portable</i> <i>respectable</i>	8) -able <i>reasonable</i> <i>portable</i> <i>respectable</i>	8) -абель- <i>(резонный)</i> <i>(портативный)</i> <i>респектабельный</i>
9) -ment <i>accompagnement</i> <i>département</i> <i>parlement</i>	9) -ment <i>accompaniment</i> <i>department</i> <i>parliament</i>	9) -мент <i>аккомпанемент</i> <i>департамент</i> <i>парламент</i>
10) -esse (-ice) <i>actrice</i> <i>adresse</i> <i>impératrice</i>	10) -ess <i>actress</i> <i>adress</i> <i>empress</i>	10) -эсса (-иса, -ица) <i>актриса</i> <i>адрес</i> <i>императрица</i>
11) -ique <i>aromatique</i> <i>critique</i> <i>élastique</i> <i>mystique</i> <i>réalistique</i>	11) -ic <i>aromatic</i> <i>critic</i> <i>elastic</i> <i>mystic</i> <i>realistic</i>	11) -ич- <i>ароматический</i> <i>критический</i> <i>эластичный</i> <i>мистический</i> <i>реалистичный</i>
12) -iss- <i>garnir</i> <i>fournir</i> <i>polir</i> <i>(во мн.ч. при спряжении появляется -iss-)</i>	12) -ish <i>garnish</i> <i>furnish</i> <i>polish</i>	12) –

13) -ette <i>billet</i> <i>bracelet</i> <i>cigarette</i> <i>jaquette</i> <i>toilette</i>	13) -et (-ette) <i>billet</i> <i>bracelet</i> <i>cigarette</i> <i>jacket</i> <i>toilet</i>	13) -ет (-ета) <i>билет</i> <i>браслет</i> <i>сигарета</i> <i>жакет</i> <i>туалет</i>
14) -ance/ -ence <i>décadence</i> <i>révérence</i> <i>intelligence</i> <i>ordonnance</i> <i>romance</i>	14) -ance/ -ence <i>decadence</i> <i>reverence</i> <i>intelligence</i> <i>ordinance</i> <i>romance</i>	14) -анс (-анция, -енция, -ентство) <i>декаданс</i> <i>(декадентство)</i> <i>реверанс</i> <i>интеллигенция</i> <i>(интеллигентство)</i> <i>ордонанс</i> <i>романс</i>
15) -ant/-ent <i>assistant</i> <i>élégant</i> <i>galant</i> <i>permanent</i> <i>variant</i>	15) -ant/-ent <i>assistant</i> <i>elegant</i> <i>gallant</i> <i>permanent</i> <i>variant</i>	15) -ант- (-ент-) <i>ассистент</i> <i>элегантный</i> <i>галантный</i> <i>перманентный</i> <i>вариант</i>

Существует еще ряд суффиксов, которые не являются исконными французскими суффиксами, а были заимствованы старо- или среднефранцузским языком из классической латыни, и при посредничестве французского языка закрепились в языках-реципиентах (например, *-tion*) [Катагощина 1976: 188].

В отличие от английского языка, где категории рода не существует, русский язык располагает тремя родами в этой категории: мужским, женским и средним. Поэтому можно наблюдать как соответствие рода слов в языке-источнике и языке-акцепторе, так и расхождение. В случае, если род французского существительного был связан с понятием одушевленности и различием пола, род существительного сохранялся [Зеленина 2002: 22]. Например, слова мужского рода во французском языке, обозначающие людей мужского пола, сохранили род и в русском: *арбитр*, *боксер*, *герой*,

капитан, пилот; то же самое можно отметить в словах, обозначающих представительниц женского пола: *актриса, поэтесса*. В остальных же случаях возможны варианты.

Слова мужского рода при переходе из французского языка в русский обычно сохраняли грамматический род языка-источника, что было связано с наличием в конечной позиции производимого согласного (*багаж, диаметр*) или носового звука, который в русском языке по принципу транслитерации также принимал вид согласного *-н*: *балкон, газон, компаньон*. Даже в случаях, когда во французском языке конечный согласный не произносился, при помощи аллитерации этот конечный согласный в русском языке появлялся, и слово сохраняло мужской род: *берет* (фр. *béret*), *бюджет* (фр. *budget*), *дебют* (фр. *début*), *драп* (фр. *drap*), *комиссариат* (фр. *commissariat*).

В ряде примеров мы наблюдаем переход слов женского рода в мужской по причине того, что они также оканчиваются на согласный звук (так как во французском языке за ним следует непроизносимый *-e*), что для русского языка считается индикатором слов мужского рода: *адрес, барак, бюст, групп, резерв, сун, флот* (французские слова женского рода: *adresse, baraque, buste, grippe, réserve, soupe, flotte*). Однако можно наблюдать и обратный процесс – переход мужского рода в женский (с изменением орфографического облика слова по типу женского рода, т. е. с появлением вместо «немого *e*» полновзвучного окончания *-а* или *-я/-ия*), однако таких слов гораздо меньше: *бронза, вуаль, каска, панорама, партия* (фр. *bronze, voile, casque, panorama, partie*).

Слова женского рода зачастую сохраняли свой род, претерпевая некоторые орфографические изменения: французский конечный *-e* трансформировался в ряде случаев в *-а* (*-я/-ия*), что в русском языке выступает показателем женского рода: *авантюра, аллея, банда, дата, интрига, кампания* (фр. *aventure, allée, bande, date, intrigue, campagne*).

В категорию среднего рода, как правило, переходили слова мужского рода, имеющие вокалический исход: *бюро, меню*,

такси, шоссе, фойе (фр. *bureau, menu, taxi, chaussée, foyer*). Данный переход осуществлялся по той причине, что по своему звуковому строению они оказались похожими на русские существительные среднего рода, такие как *перо, добро, молоко*.

Категория числа – это грамматическая категория, выражающая специальными единицами значение единичности / множественности. Она реализуется в соотносимости форм единственного и множественного числа и расчлененности объектов рассмотрения и наименования.

Категория числа присутствует в обоих языках – французском и английском, она представлена противопоставлением единственного и множественного числа. Присутствие во взаимодействующих языках двух чисел позволяет заимствованным интернационализмам свободно функционировать в языке-акцепторе. В английском языке категория числа в основном связана с флексией *-s*, однако кроме флексии имеются лексические средства (квантификаторы), притяжательные местоимения и выражения нумеративности с помощью глагола. Существуют также слова с нерегулярной формой множественного числа (*irregular plurals*), большую часть из которых составляют заимствования из классических языков – греческого и латинского [Кобрина 2007: 15–16].

Что же касается французских интернационализмов и вообще французских заимствований в целом, то они, как правило, имеют только англизированную форму множественного числа, и это свидетельствует о тенденции к натурализации заимствованных форм и унификации форм выражения множественного числа (например, *action – actions, medal – medals, plan – plans; hero – heroes; secretary – secretaries*).

Сохраненные французские формы множественного числа в интернационализмах единичны, например: *rouleau – rouleaux, tableau – tableaux*, и характерны для существительных с окончанием *-eau*, имеющих особую форму множественного числа во французском языке и представляющих в английском языке поздние французские заимствования.

Кроме этого, среди изученных нами лексических единиц есть такие, у которых изменение по числам играет смысловозначительную роль, т. е. значение существительного в форме множественного числа разнится со значением слова в единственном числе. Например, слово *memoir* в единственном числе означает «краткая (авто)биография», а в форме *memoirs* имеет значения «мемуары, воспоминания», «ученые записки (общества)». Слово *advance* имеет множество значений, основным из которых является «движение вперед, продвижение», а во множественном числе слово обозначает «авансы, предложения».

Что касается других частей речи, то наиболее серьезной грамматической переработке в русском языке подвергаются глаголы. В отличие от многих существительных, чужие глаголы, становясь русскими словами, почти никогда не сохраняют – ни в одной форме – родного грамматического облика [Калинин 1978: 70]. Для английского языка характерно усечение глагольной формы до основы, т. е. отбрасывание французских глагольных окончаний: фр. *avancer* – англ. *to advance*.

Кроме этого, для русского языка характерны полное грамматическое переосмысление слова и лексикализация. Полностью переосмысливаются грамматически слова, которые во французском языке принадлежат к одной части речи, а в русском – к другой [там же: 71]. Французское прилагательное *royal* «королевский» превратилось в русском языке в существительное *рояль*, прилагательное *intime* закрепилось и в виде прилагательного *интимный*, и в виде существительного *интим*.

Рассматривая грамматическую ассимиляцию интернационализмов французского происхождения, необходимо обратить внимание на такой аспект, как словообразовательная активность изучаемых лексических единиц. Словообразовательная активность понимается как наличие того или иного числа производных слов у исследуемых интернационализмов и является одним из важнейших аспектов функционирования лексических единиц в современном английском языке.

Производное слово – любая вторичная, обусловленная другим знаком или совокупностью знаков единица номинации со статусом слова [Кубрякова 1981: 5].

Заемствованные слова могут иметь как положительную словообразовательную активность (обладают от одного до нескольких производных), так и отрицательную активность (не имеют производных). Различная словообразовательная активность слов может быть обусловлена рядом лингвистических и экстралингвистических факторов и рассматриваться как своеобразная характеристика данных слов. Активность слов может зависеть от их этимологической характеристики, от их принадлежности к определенной лексико-семантической группе и их фонетического строения [Гладких 1978: 71–73].

Этимологический фактор изучаемых слов оказывает прямое влияние на наличие дериватов, так как без учета «возраста», т. е. длительности существования слов в языке их характеристика была бы неполной. Фонетическое строение слов, в частности слоговое строение, по всей видимости, не оказывает влияния на словообразовательную активность.

По нашим наблюдениям отрицательной словообразовательной активностью обладают лексические единицы, вошедшие в английский язык из французского в наиболее поздний период, т. е. такие слова не имеют дериватов (*bouillon, genre, nuance, timber, visa*), и, как правило, они являются однозначными и / или имеют ограниченную сферу употребления, представляя периферийную лексику. Слова же, полностью адаптировавшиеся в языке, вошедшие в основной фонд, имеющие множество лексических значений, в большинстве своем, представляют единицы с положительной словообразовательной активностью, т. е. располагают несколькими однокоренными единицами. В некоторых случаях производные также являются французскими словами по происхождению, будучи заимствованными английским языком, в других случаях дериваты являются собственно английскими образованиями. Приведем несколько примеров. В деривационном ряду *adventure – adventurer*,

adventuress, adventurous слова *adventure, adventurer, adventurous* являются французскими заимствованиями, вошедшими в язык-акцептор соответственно в XIII, XV, XIV вв., а лексема *adventuress* – собственно английское образование. Такая же ситуация наблюдается в рядах слов: **reason** – *reasonable, reasonably, reasoning*; **mark** – *markdown, marked, marker, marking, marksman, mark-up*; **stage** – *stagecoach, stagecraft, stagehand, stager, stagestruck, staging, stagy*.

Среди словообразовательных способов, использующихся при деривации, следует отметить наиболее часто встречающиеся среди английских примеров способы: суффиксальный (*revolution – to revolutionize*), словосложение (*party – partyline*), субстантивация (*to command – command*). Кроме этого, исследователи относят к семантическому словообразованию возникновение новых семантических единиц вследствие изменения значения слова [Шмелев 1973: 111]. Подобные случаи были рассмотрены нами ранее.

Для русского языка, имеющего развитую систему аффиксов, характерна положительная словообразовательная активность французских заимствований, так как, по нашим наблюдениям, даже однозначные слова имеют возможность образовывать дериваты: *багаж – багажный, фон – фоновый, литр – литровый*.

Таким образом, интернациональная лексика французского происхождения ассимилировалась в языках-акцепторах, с одной стороны, подчиняясь правилам принимающего языка, с другой стороны, привнося в языки-акцепторы новые морфологические элементы.

Выводы по разделу 3

Любой известный человечеству язык испытывал и испытывает на себе влияние других языков. Являясь элементом языковой системы, лексическая подсистема отражает непосредственное действие «внешних» сил и эволюцию определенных понятий, их историческую связь и их зависимость от известных социальных условий, условий материальной и духовной жизни общества.

В случае, когда один и тот же язык в ходе своей истории воздействовал на несколько языков, возможно создание интернационального фонда. Интернационализмами принято считать единицы одного происхождения, имеющие сходную графику и фонетический облик и существующие в нескольких неблизкородственных языках. Французский язык служит одним из источников интернациональной лексики для мировых языков, следуя за греческим и латинским языками.

Одной из активных движущих сил развития языка являются языковые контакты, представляющие собой совокупность исторических, культурных и лингвистических условий. История Франции богата событиями, связанными с контактированием с другими народами, в частности, с английским и российским государствами. Анализ работ лингвистов и собственное исследование позволили сравнить две социолингвистические ситуации: в Англии и России. Рассмотрение лингвистических ситуаций в данных странах в период наиболее активного французского влияния позволило сделать вывод о том, что французское влияние на словарный состав английского языка было более активным и глубоким, чем на словарный состав русского языка, что связано, как показало исследование, прежде всего, с характером и длительностью воздействия. Чем более длительно контактирование (временной аспект), чем более близки географически народы (пространственный аспект), тем сильнее воздействие языка-источника на принимающий язык. Это воздействие находит свое выражение на разных уровнях:

Количество заимствованных лексических единиц. Испытавший более активное французское воздействие английский язык на 70 % состоит из слов французского происхождения в отличие от русского языка, где доля галлицизмов гораздо менее значительна.

Семантический объем лексических единиц. При более длительном контакте слово закрепляется в языке-акцепторе с сохранением большинства значений слов-источников. Кроме этого, при раннем вхождении слово развивает собственные, новые семантические значения, не свойственные языку-источнику (оба факта характерны для многих французских интернационализмов в английском языке). С этим явлением связано наличие интернационализмов – ложных эквивалентов.

Фонетическая характеристика слова. Чем дольше слово находится в языке, тем более оно отвечает произносительным нормам принимающего языка. Это выражается в акцентуации (например, в английском языке – подчинение германскому типу ударности), а также в постепенной субституции чужеродных звуков собственными.

Графика слова. Чем дольше слово находится в принимающем языке, тем стабильнее его графическая форма, варианты написания исчезают.

Грамматическая включенность слова в систему языка-акцептора. Чем раньше слово закрепилось в языке, тем более адаптированным с точки зрения грамматических категорий оно является.

Наличие дериватов. Слова более раннего вхождения имеют больше однокоренных слов, чем поздние вхождения.

Типологическое своеобразие языков-реципиентов выступает как их внутренняя структурная определенность. От структурных особенностей языка зависят, в частности, способы освоения иноязычной лексики на разных уровнях. Так, проведенное исследование показало, что пути создания новых обозначений в изучаемых языках разные: в английском языке, как более аналитическом, чаще используется семантическая деривация,

а в русском, как преимущественно синтетическом, более продуктивна морфемная деривация.

Таким образом, интернациональные единицы являются отражением совокупности факторов: внешних, экстралингвистических (культурных, исторических, этнических, политических изменений, перестроек, обменов), и внутренних, интралингвистических (природы и сущности принимающего языка), и являются неотъемлемой частью лексического фонда мировых языков.

Раздел 4. СИНХРОННО-ДИАХРОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ГРАФИКИ (на материале романских языков)

Графическая система любого языка традиционно привлекает внимание большого количества исследователей: лингвистов, историков, искусствоведов. Лингвистов графика интересует в качестве фиксированного воплощения языка, историки соотносят историю письма с историей народа, искусствоведы видят в буквах, иероглифах, пиктограммах и других начертательных знаках маленькие художественные произведения. Изучение языка невозможно без изучения его внешней стороны, т. е. графики [Зайнутдинова 2004: 10]. Графика, по определению В. Г. Гака, изучает средства, которыми обладает тот или иной язык для обозначения звуков (фонем). Тот факт, например, что один и тот же звук обозначается во французском языке буквосочетанием *ch*, в английском *sh*, в немецком *sch*, в польском *sz*, в венгерском буквой *s*, относится к графике [Гак 2006: 8]. Язык без графики немислим. Невозможно представить себе русский язык без кириллицы; английский, немецкий, французский без латиницы; китайский и японский без иероглифов.

В лингвистике, как в зарубежной, так и отечественной, существует немало работ, центральным объектом исследования которых является графика (К. Бланш-Бенвенист, Ф. Иларди, Н. Каташ, Б. Мильборини, А. де Небриха, Р. Тимонье, В. В. Виноградов, Л. М. Ившин, Н. Н. Орехова, Г. Г. Тимофеева и др.). Одни исследования посвящены истории письма в целом, другие рассматривают особенности графической системы того или иного языка, третьи уделяют внимание особенностям графики и орфографии отдельных письменных памятников. Среди русских ученых важно отметить труды И. А. Бодуэна де Куртенэ, который в 1912 г. ввел понятие «графема» – единицы системы письменности, а также академика В. В. Виноградова, ученых В. Г. Гака, Л. В. Щербы, Н. В. Юшманова. Наш научный интерес направлен на изучение графических элементов иностранного происхождения, которые вносят в язык новые, непри-

вычные сочетания фонем, свидетельствующие об иноязычном происхождении слова.

Анализ научно-исследовательских работ за последние десять лет в области заимствований выявил огромный интерес к изучению слов с иноязычной графикой в русском языке. Как правило, это связано с большой численностью слов, поступающих в язык. В целом процессы заимствования слов, их функционирование и языковая адаптация хорошо изучены. Из научных работ вытекает, что заимствуются не только слова, но и графические и морфологические элементы. Некоторые вопросы, связанные с изучением заимствованных основ, суффиксов, аффиксов в русском языке, представлены в работах таких отечественных ученых, как: Н. С. Авилова, М. Н. Булдакова, Е. И. Голанова, О. А. Дубкова, А. Р. Зайнутдинова, А. В. Зеленин, Л. В. Ипполитова, Б. Соёлсурен, Е. О. Филинкова и др.

Среди зарубежных ученых – авторов работ по проблемам графики и орфографии необходимо отметить: К. Бланш-Бенвенист, Ш. Болье, Ф. Иларди, Н. Каташ, Б. Мильорини, А. де Небриха, Р. Тимонье, А. Шервель.

Материалом исследования послужили слова с начальной графикой *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* в романских языках: французском, итальянском, испанском, а также в латинском языке. Корпус примеров составил около 4000 единиц, отобранных методом сплошной выборки из двуязычных, этимологических, толковых словарей. Кроме того, при описании графических маркеров иноязычного происхождения привлекались данные русского и других языков.

Современные исследования графики и орфографии ведутся в основном в плане теоретического анализа графической системы языков и описания правил написания определенных графических знаков, морфем, лексем. В нашем исследовании будет осуществлена систематизация иноязычных формантов с учетом графического оформления, которые будут рассмотрены во взаимосвязи с такими языковыми явлениями, как фонетика и семантика на синхронно-диахронном уровне.

4.1. ИНОЯЗЫЧНАЯ ГРАФИКА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1.1. Теоретический аспект изучения иноязычной графики

Единицей графической системы языка является графема, которая, как и всякий языковой знак, представляет собой объединение означающего и означаемого. Означаемым графемы обычно выступает фонема (звук), а означающее в графеме образуется буквами, буквосочетаниями, диакритическими знаками [Гак 2006: 9]. Каждый язык владеет собственным набором графем, но на фоне исторически сложившейся графической системы языка хорошо заметны не свойственные данному языку написания (например, во фр. *meeting* или *gnocchi*). Наше исследование направлено на изучение иноязычной графики, а именно графических маркеров – показателей иноязычного происхождения слова. В результате языковых контактов лексический состав любого языка пополняется словами в графике языка-источника, поэтому невозможно представить исследование слов с иноязычной графикой без обращения к такому универсальному лингвистическому явлению, как заимствование.

В процессе многочисленных контактов между носителями разных языков и культурных ценностей происходит обогащение и обновление словарного состава. Заимствование лексики из одного языка в другой является непременной составляющей исторического развития каждого языка, которое относится к закономерному следствию языкового контакта. Появление заимствований обусловлено следующими причинами: потребностью в наименовании новой вещи, нового понятия; необходимостью разграничения понятий или их специализация; тенденцией к замене словосочетаний однословными наименованиями (экономия языковых средств); престижностью иноязычного слова, коммуникативной актуальностью и др. Лексические заимствования и их адаптация в принимающем языке являются объектом рас-

смотрения многих научных работ и исследований. Толкование процесса заимствования различно. Для одних исследователей заимствование – это обогащение одного языка под влиянием другого; для других – это процесс проникновения в какой-либо язык иноязычных элементов, а также результат этого процесса; для третьих – процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой. Как правило, заимствование рассматривается как процесс постепенной, протекающей во времени и пространстве адаптации, т. е. приспособление иноязычного слова к разным сторонам системы языка-рецептора. И в процессе этой адаптации, в ее характере отражается взаимодействие двух контактирующих систем [Демьянов 1990: 9]. Существует мнение, что как только заимствование становится фактом иной системы, оно перестает быть заимствованием как таковым. Проникая в язык, многие иноязычные слова подвергаются изменениям фонетического, морфологического, графического и семантического характера. Освоение заимствованной лексики – явление сложное и представляющее собой длительный диахронический процесс [Аристова 1978: 28; Хлынова 2001: 5]. При переходе слова из одной языковой системы в другую его материальная форма претерпевает в принимающей среде изменения, как в пору вхождения, так и в течение последующего функционирования слова в новом для него языке [Кимягарова 1989: 69].

Исследователи выделяют фонетическую адаптацию как неперемное условие существования заимствованного слова в языке-реципиенте. Фонетической адаптации подвергаются все без исключения заимствования, в связи с этим происходит потеря заимствованным словом своего первоначального иноязычного облика [Володарская 2001: 11]. К остальным (факультативным) видам адаптации относят графическую, грамматическую (морфологическую), семантическую, словообразовательную ассимиляцию [Там же: 11–28]. Отсюда следует, что заимствованные слова – это слова, которые полностью освоены языком. Они не отличаются ни своим «внешним видом», ни своими грамматическими и семантическими особенностями от искон-

ных слов и функционируют наравне с ними [Арапова 2000: 112]. Для того чтобы установить происхождение таких слов, требуется этимологический анализ.

Однако не все заимствования подвергаются переоформлению. Существуют такие слова, которые сохранили свой внешний иностранный облик. Подобные слова представляют собой определенную экономию языковых усилий при порождении речи, так как для заполнения номинативных лакун, возникших в данном языке, используются готовые единицы чужого языка [Салимова 2008: 91]. Термин «заимствованное слово» оказывается не вполне приемлемым для обозначения таких неисконных слов в русском языке, как, например: *джакузи*, *ноу-хау*, *гуру*, *дежавю*, *ай-кью* и т. п., которые заметно отличаются своим внешним видом, грамматическими и (или) семантическими особенностями от слов исконной лексики. Возможно, поэтому в отечественной лексикологии утвердился термин «иноязычное слово», который может относиться «к любым лексическим элементам неисконного происхождения» [Крысин 1995: 5]. Данный термин закрепился в отечественной лингвистике относительно недавно. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой он отсутствует (правда, отдельная словарная статья посвящена прилагательному *иноязычный* – «заимствованный из других языков»). Для обозначения слова неисконного происхождения использовались также (и используются до сих пор) и другие терминологические наименования. В том же словаре зафиксированы иностранное слово, чужое слово, заимствованное слово, заимствование [Ахманова, 2007: 178]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дано такое объяснение различия этих терминов: «В отличие от полностью усвоенных заимствований, так называемые иностранные слова сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей, которые чужды исконным словам» [Лингвистический 1989: 158].

Заимствованные слова (*Lehnwörter*) и «чужие» (или иностранные) слова (*Fremdwörter*) являются общепринятыми терминами немецкой лексикологии [Крысин 1968: 13]. В немецкий язык термин «*Fremdwort*» (иностранное слово) предположительно был введен философом и пуристом К. К. Ф. Краузе (1781–1832), однако само понятие уже ближе к середине XVII в. было осознано ученым Ю. Г. Шоттелем и писателем Ф. фон Цезеном. Они употребляли выражения «*fremde Wörter*» (чужие слова), «*ausländische Wörter*» (иностранные слова). Термин «*Lehnwort*» (заимствованное слово) появляется еще позже. Он начинает свою историю в середине XIX в., когда Г. Ф. Эбель впервые употребил его в книге «О заимствованных словах в немецком языке», где, правда, нет четкого разграничения заимствованных и иностранных слов. Постепенно термин «заимствованное слово» утверждается как обозначение заимствований, которые настолько ассимилировались с немецким языком, что только этимологические исследования могут выявить их иноязычное происхождение [Юлдашбаева 2005: 75].

Итак, к иностранным словам относятся «не полностью освоенные заимствования», т. е. заимствования, не утратившие признаки (или признак) иноязычного слова [Iskos 1970: 111]. Это может быть семантический признак, а именно экзотическое значение слова, как, например, в русском языке *бунгало*, *гейша*, *медресе* и т. п. экзотизмы, чьи лексические значения отражают реалии или понятия, отсутствующие в российской действительности [Маринова 2002: 175–177]. Признаки иноязычного происхождения слова, не связанные с лексической семантикой, т. е. формальные признаки, также заметно выделяют иноязычное слово. Исследователи выделяют следующие характерные признаки, например, в графике русского языка: начальная буква *а* (*алый*, *абитуриент*, *ахинея*); наличие в слове буквы *ф* (*вафли*, *риф*, *финт*); сочетания *ге*, *ке*, *хе* в корне (*гений*, *кеды*, *мохер*); зияние, т. е. соседство двух и более гласных в корне слова (*аут*, *пион*, *саксаул*); сочетания букв *гз*, *кз*, *кд*, *кз*; *бю*, *вю*, *кю*, *мю*, *пю* (*зигзаг*, *пакгауз*, *анекдот*, *экзамен*; *бюро*,

гравюра, кювет, коммюнике, пюре); удвоенный согласный в корне (*группа, масса*); несклоняемость слов (*лото, мини, пальто*) и др. [Введенская 2004: 146; Крысин 2008: 52].

В отношении некоторых иноязычных слов можно говорить и об акцентологических, или акцентных, признаках, «выдающих» их происхождение. Например, по ударному конечному слогу в несклоняемом существительном можно узнать французский источник: *визави, гофре, жалюзи, кутюрье, меню, плиссе, резюме, саше, трюмо, шоссе* и др. Особенности ударения отличаются от исконных слов и такие иноязычные слова, которые в языке-источнике представляют собой сложные (состоящие, как правило, из двух корней) образования: *армрестлинг, бодибилдинг, виндсёрфинг, саундтрек, пауэрлифтинг, уотергейт* и др. Эти слова имеют два ударения. Данная акцентологическая особенность характерна, «главным образом, для недавних и еще плохо освоенных заимствований» [Крысин 2008: 193]. В одном слове признаков «иноязычности» может быть несколько, например: фонетические и акцентологические (*саундтрек* – наличие зияния и двух ударений), фонетические и орфоэпические (*боа* – наличие зияния и нередуцированный [о]), фонетические и морфологические (*пюре* – наличие сочетания *пю* и несклоняемость), фонетические, орфоэпические и морфологические (*ноу-хау* – зияние, два ударения, несклоняемость) и т. п. Можно предположить, что «нерусское» происхождение слова особенно заметно в том случае, когда слово выбивается из привычной речи, оно привлекает внимание своей графической формой. Возникает желание установить «природу», происхождение данного слова. Новейшие заимствования из английского языка на *-инг* (*лизинг, лифтинг, клиринг, плининг* и др.) не вызывают сомнения в источнике их происхождения, они легко узнаваемы по конечному сочетанию звуков, свойственному словам и словоформам английского языка, – чтобы установить происхождение такого слова, не требуется специальный анализ.

На фоне общего увеличения числа заимствований в русских текстах в настоящее время наблюдается включение ино-

язычных слов из английского и других европейских языков, сохраняющих исконное написание. Данный процесс связан с открытой ориентацией на Запад в области экономики, политической структуры государства, культуры, спорта, торговли, моды, а также с влиянием «языковой моды», представлением о престижности, элитарности владения иностранным языком [Крысин 1995: 121]. В связи с этим актуальным, например в русском письме, становится привлечение графико-орфографических иноязычий. Современные графико-орфографические иноязычия представляют собой различные единицы языка, как новые заимствования, так и освоенные иноязычные и исконные единицы разных уровней языковой системы, которые употребляются в русских текстах в латинской графической форме регулярно или в зависимости от контекста, или в силу определенных экстралингвистических причин. Некоторые графико-орфографические иноязычия создаются в русском письме сознательно, в отношении ряда иноязычий в русском письме начинают действовать интернациональные традиции написания, т. е. основным признаком иноязычия может быть названа латинская графика [Филинкова 2004: 51].

В системе принимающего языка заимствованная лексика проходит графическую, морфологическую, фонетическую адаптацию. Несмотря на то, что русский язык использует кириллицу, а заимствования приходят в основном из языков с латинским алфавитом, в нем легко узнаются слова, которые своей графической формой выдают иностранное происхождение. В частности, отметим употребление заимствованных суффиксов *-er*, *-ёр*, *-аж*, *-инг*, *-изм*, *-ист*, приставок *a-*, *de-*, *re-*, *анти-*, *контр-*, *противо-* и др. на примере русского языка [Булдакова 1993; Голанова 2004; Гончарова 2007; Зеленин 2001; Ипполитова 2003; Соёлсурен 2003]. Отечественными лингвистами интенсивно разрабатываются вопросы, связанные с усвоением, функционированием, словообразовательными возможностями заимствованных аффиксов в русском языке, исследуется история отдельных аффиксов и аффиксальных образований. Наиболее полно

и многоаспектно рассматриваются заимствования имен существительных, что обусловлено важной функцией этой части речи – наименованием новых понятий. Процессами вхождения новых наименований, обозначаемых иноязычными существительными, занимались В. В. Виноградов, Н. С. Авилова, А. В. Боброва, Я. К. Грот, В. Г. Демьянов, Т. И. Зеленина, Л. В. Ипполитова, Л. П. Крысин, Б. Соёлсурен, Н. В. Юшманов и др.

Говоря об иноязычных приставках, корнях, суффиксах, исследователи чаще всего имеют дело с производными образованиями, созданными на базе русского языка. Они входят в словари иностранных слов, так как, будучи созданными на русской почве, осознаются говорящими как иноязычные (они «иноязычны» по структуре). Например, слово *ультразвук* состоит из исконной производящей основы и иноязычного словообразовательного аффикса. См. также подобные образования: *контрудар*, *суперигра*, *гала-представление*, *домофон*. Несмотря на наличие в их составе исконных элементов, многие из них воспринимаются как иноязычные. В современной лингвистике лексемы, компоненты которой происходят из разных языков, называют словами-гибридами (*hybrid*). Гибридными словами считаются и написания слов, сочетающие различные графические средства, например написание какой-либо части слова латиницей (*Web*-страница, *crash*-курсы, *Internet*-кафе) [Феоклистова 1999: 126–128].

Некоторые гибриды, такие как *телевидение*, *гамма-излучение*, *альфа-распад*, *бета-частица*, *гала-представление*, считаются полукальками [Арапова 2000: 19–21] или «частичными заимствованиями» (*loan blend*). Частично сохраняя в своей внешней форме иноязычную морфему (лексему), что указывает на связь с языком-источником, частичные заимствования имеют внутреннюю форму языка-рецептора, и на этом основании они являются более интегрированными в языке, чем полукальки. Появление данных языковых единиц есть результат словообразовательной ассимиляции, т. е. включения заимствования в словообразовательную систему языка-рецептора [Жабина 2001: 72]. Такие слова есть и в других языках. Например, в английском

языке слово *eatable* «съедобный» образовано от исконного глагола *eat* с помощью заимствованного суффикса *-able* (ср. *agreeable* «приятный, согласный» – заимствование из французского) [Смирницкий 1998: 245]. Слова с разными по происхождению морфемами могут иметь и такой состав: иноязычная основа (корневая морфема) + исконный словообразовательный аффикс. Нередко исконный аффикс присоединяется к иноязычной основе в «момент» заимствования слова. Таким способом оформилась, в частности, структура многих заимствуемых прилагательных (*аполитичный, бежеский, гендерный, глобальный, виртуальный* и др.), глаголов (*аплодировать, баллотировать, вентилировать, вербовать, мелировать* и др.), некоторых существительных (*виньетка, горжетка, пипетка, тажерка* и др.). Эти и подобные им «иноязычия» подтверждают мысль А. И. Смирницкого о том, что лексическое заимствование «в принципе есть некоторое более или менее заметное подобие словообразования» [Там же: 236].

Традиционно иноязычные слова, представленные в русских текстах в своем исконно графическом облике, называются иноязычными вкраплениями [Крысин 1968: 43; Леонтьев 1966: 60; Листрова 2006: 2; Феоклистова 1999: 126–128], или варваризмами [Ахманова 2007: 70; Баш 1989: 23]. Иногда понятие уточняется, и такие слова называются графическими варваризмами [Арапова 1989: 9]. Способ введения таких единиц в язык-рецептор называют также по-разному: цитация, включение, трансплантация, транслитерация [Тимофеева 1991: 28–35].

Адаптация заимствованных слов в других языках, в частности, тех, которые используют латинский алфавит, происходит аналогично русскому языку. Заимствованное слово проникает в язык либо в своей исконной графической форме (в большинстве случаев это англицизмы: *business, sport*), либо адаптируется, исходя из графической системы принимающего языка (*toste* – французское написание вместо английского *toast* или испанское *bistec* вместо английского *beefsteak*), либо происходит замена слова (английское слово *computer* заменено на французское

ordinateur). Например, тенденция итальянского языка также состоит в стремлении к замене иноязычного слова: вместо английских слов *football*, *goal* в современном итальянском языке употребляются *calcio*, *rete* [Черданцева 2007: 39].

Исследователи выделяют следующие признаки иноязычного слова:

1. Иноязычный состав языковых единиц (фонемы, морфемы, лексемы, словосочетания, фразы).
2. Иноязычные словообразовательные и синтаксические модели (формальные кальки).
3. Иноязычная семантика в случае отсутствия иноязычной формы (семантические кальки) [Жабина 2001: 45].

Для обозначения слов в исконной графике в системе принимающего языка французские лингвисты Мишель Массон и Ренэ Онво-Дюкрок (Michel Masson и Renée Honvault-Ducrocq) предлагают использовать термин *xénographie* (букв. «чужая графика» от греч. *xenos* «чужой» и *graphie* «графика») [Masson 2006, URL]. *Ксенография* (иноязычное написание) включает в себя *anglographie* «английская графика», *germanographie* «германская графика» и т. д. Авторы отмечают, что иногда некоторые написания могут происходить из разных языков, например, буквосочетания *sh* или *ck* во французском языке являются написаниями как из английского, так и из немецкого языков. В таком случае возникают сложности в определении языка-источника, но существуют другие способы его выявления, например фонетическое оформление слова. Так, согласно Оксфордскому словарю, китайское слово *souchong* [su:'ʃɔŋ] – один из лучших сортов черного чая впервые появляется в английском языке в 1760 г. Несоответствие графической формы слова фонетической *ou* [u:], *ch* [ʃ] говорит о том, что языком-посредником при заимствовании стал французский язык [Богаченко 2003: 109].

Исходя из многочисленных исследований заимствований в разных языках, возникает определенная «трудность в критериях, которые могут послужить основанием для определения заим-

ствованного элемента» [Крысин 1968: 33]. Понятие «иноязычное слово» по-прежнему остается нечетким, из-за «размытости», расплывчатости границ самой реалии, во-первых, и, во-вторых, из-за его двойственности: в нем перекрещиваются, накладываются друг на друга два аспекта – диахронический и синхронический. С одной стороны, это понятие этимологическое, характеризующее слово в историческом аспекте. С другой стороны, оказывается важным синхронный подход – факт восприятия того или иного слова как иноязычного, взятого из другого языка, что отчасти и находит отражение в словарях иноязычной лексики [Джонсон 2009, URL]. Иноязычные слова в синхронном понимании – это все слова, которые осознаются большой группой участников языкового общения как слова иностранного происхождения.

Ввиду большого количества научных работ, посвященных заимствованиям, в нашем исследовании мы не рассматриваем процессы адаптации заимствований и их ассимиляции в системе языка-реципиента. Принимая во внимание тот факт, что иноязычное слово на фоне полностью ассимилированного заимствованного слова выделяется формой и произношением, в нашей работе мы считаем признаками иноязычности слова графические (буквосочетания) или словообразовательные элементы (аффиксы, суффиксы, основы), существующие в языках.

Следует отметить, что сам факт существования в словообразовательной системе языков заимствованных элементов рассмотрен достаточно подробно, имеются отдельные сведения, но исследования ведутся, как правило, на примере одного языка. Насколько известно автору, подобные работы на материале нескольких языков практически отсутствуют, поэтому целесообразно рассмотреть графические форманты слов иноязычного происхождения, в частности, на материале трех романских языков: французского, итальянского и испанского.

4.1.2. Этимологические написания в романских языках (признаки графического оформления иноязычной лексики)

Известно, что графическая и орфографическая система романских языков складывалась с опорой на латинскую и строилась сначала на этимологическом и фонетическом принципах, затем – историческом (традиционном) и в меньшей степени морфологическом [Скрелина 2005: 119]. Этимологический принцип связан, прежде всего, с сохранением написания, собственного языку, из которого приходят заимствованные слова [Гак 1983: 77]. В этом случае появляются новые буквосочетания, нехарактерные для графической системы принимающего языка. Нина Каташ в учебнике по французской орфографии выделяет три группы этимологических букв: латинские, греческие и заимствованные буквосочетания из других языков [Catach 1986: 272]. Проведя анализ работ и приняв во внимание изученный нами языковой материал, мы объединили этимологические написания в трех романских языках в четыре основные группы: 1) латинские, 2) греческие, 3) заимствованные буквосочетания из языков, пользующихся латинским алфавитом, 4) сочетания букв языков, не использующих латинский алфавит. А также выделили дополнительную, пятую, группу, в которую входят иноязычные форманты, характерные только для одного романского языка, либо где графика слова не дает четкого определения, из какого языка заимствовано данное слово. Далее рассмотрим эти группы подробнее.

I. В первую группу входят многочисленные *латинские написания*. В результате латинизации романские языки получили своеобразный лексический латинский пласт: культизмы или латинизмы, т. е. слова, заимствованные из литературной латыни в более поздний период развития романских языков и обычно книжным путем. В данном случае речь идет о заимствованиях, которые создавались, когда латинский язык был уже мертвым. Такие заимствования проходили лишь самую минимальную обработку, самую необходимую фонетико-мор-

фологическую адаптацию [Виноградов 1994: 60]. На фоне полностью ассимилированных заимствованных слов данные слова сохраняют большую близость формы к классическому латинскому этимону. Примеры отражены в табл. 9.

Таблица 9 – Латинские графические маркеры

<i>Латинский язык</i>	<i>Французский язык</i>	<i>Итальянский язык</i>	<i>Испанский язык</i>
-atione	communication (discussion)	comunicazió ne (discussió ne)	comunicaci ón (discusi ón)
-alis, -ilis	central, civil	centra le, civile	central, civil
-abilis, -ibilis	aimable, possible	amà bile, possib ile	amable, posible
-antia, -entia	abondance, intellig ence	abbondan za, intellig enza	abundancia, intelig encia
-ans (-antis)	intéressant	interessa nte	interes ante
-ens (-entis)	différent	differ ente	difer ente
-mente	généralement	genera lmente	genera lménte
h немое	heure	habitat	hambre
написание удвоенных согласных	apprendre	apprendere	–
um	album	aquarium	album

Латинские графические маркеры в большинстве случаев представлены латинскими суффиксами. Суффиксы, заимствованные из литературной латыни, проникали в языки вместе с заимствованными словами; затем они начали присоединяться к книжным образованиям, а позднее, став достаточно продуктивными, сочетались и с исконными словами, что привело к изменению соотношения между народными и книжными словами. Многие латинские суффиксы существуют одновременно в двух вариантах: народном (удаленном от латинского прототипа) и ученом (близком к латинскому). Это приводит к тому, что этимологические написания превращаются в морфологические [Гак 2006: 44; Доза 2006: 179].

Латинский суффикс *-atione* преобразовался в итал. *-zióne* (*-sióne*) – *comunicazióne* (*discussióne*), в исп. *-ción* (*-sión*) – *comunicación* (*discusión*), во фр. *-tion* (*-sion*) – *communication* (*discussion*); *-alis*, *-ilis* становятся в итал. *-ale*, *-ile* – *centrale*, *civile*, в исп. *-al*, *-il* – *central*, *civil* и одинаково с испанским во фр. *-al*, *-il* – *central*, *civil*; *-abilis*, *-ibilis* изменяются в итал. *-abile*, *-ibile* – *amabile*, *possibile*, стягиваются в исп. *-able*, *-ible* – *amable*, *posible* и во фр. *aimable*, *possible*; *-antia*, *-entia* соответственно изменяются в итал. *-anza*, *-ènza* – *abbondanza*, *intelligènza*, в исп. *-ancia*, *-encia* – *abundancia*, *inteligencia*, во фр. *-ance* и *-ence* – *abondance*, *intelligence*; *-ans* (*-antis*) > в итал. и исп. *-ante* – итал. *interessante*, исп. *interesante*, во фр. *-ant* – *intéressant*; *-ens* (*-entis*) > в итал. и исп. *-ente* – итал. *differènte*, исп. *diferente*, во фр. *-ent* – *différent* [Доза 2006: 154; Лапина 1985: 15–20].

Подавляющая часть корневого состава и основные закономерности словообразования романских языков тесно связаны с латынью. Можно сказать, что межъязыковые связи и влияния языков подробно изучены и описаны. Количество сохранившихся текстов классической, средневековой латыни, богатая тысячелетняя письменность на национальных романских языках способствовали выявлению огромного количества фактов сходства [Порецкий 1977: 74]. Например, самым известным суффиксом при образовании наречий от прилагательных считается суффикс *-mente*, восходящий к латинскому существительному женского рода *mens*, *mentis* «образ, ум, мысль», которое имеет форму *mente* в творительном падеже (фр. *généralement*, итал. *generalmente*, исп. *generalmente*).

Огромный поток заимствований в романские языки из латыни приходится на XIV–XVI вв. Связано это с деятельностью ученых-гуманистов, переводчиков с латинского языка, которые сознательно латинизировали родной язык, чтобы его обогатить и облагородить. В XVIII и особенно в XIX в. заимствования возобновляются: причина этого – в развитии наук, в потребности в специальных словарях, в стремлении некоторых

писателей к употреблению отвлеченных понятий, к психологическим тонкостям [Доза 2006: 153].

Под влиянием латинского языка широкое распространение получили этимологические написания [Гак 2006: 37]. Например, еще в народной латыни наблюдался процесс замолкания аспираты *h*, но по латинскому образцу она стала писаться во французском и испанском языке, не обозначая уже никакого звука (фр. *heure*, исп. *hambre*). Здесь следует уточнить, что речь идет о так называемом *h немое*, которому противопоставлено *h придыхательное* во французском языке. Наиболее распространенным в лингвистике является суждение о том, что *h придыхательное* во французском языке следует относить к франкскому явлению [Зеленина 1992: 166]. Еще в XVI в. оно звучало в виде придыхания, затем *h* из произношения исчезло, но соответствующие слова сохранили неспособность к фонетическому слиянию с другими словами, так что выявить *h придыхательное* можно на том основании, что со словом, начинающимся с него, нет ни элизии, ни слияния: *le hangar, les hangars* [Гак 2006: 205]. В отличие от французского и испанского, итальянский язык лишь в немногих словах сохраняет написание буквы *h* (*habitat, homo sapiens, humus*) [Vocchiola 2001: 39]. Особенно это проявляется в спряжении глагола *avere* < лат. *habere* (*ho* «я имею», *hai* «ты имеешь», *ha* «он имеет», *hanno* «они имеют»).

Еще одним характерным изменением в народной латыни было упрощение группы согласных, поэтому если мы встречаем в современных французском и итальянском языках написание удвоенных согласных, то это указывает на влияние латинского языка (фр. *apprendre*, итал. *apprendere*). В испанском языке двойные согласные присутствуют, как правило, в английских заимствованиях либо несут разную смысловую нагрузку (ср. *pero* «однако» – *perro* «собака»). Этимологический характер также носит написание окончания *um* (фр., исп. *album*, итал. *aquarium, criterium*) и мн. др. [Гак 2006: 60; Migliorini 1963: 735]. Латинские слова, попадавшие в романскую разговорную речь из сфер культурного общения или употреблявшиеся исключи-

тельно в этих сферах, обнаруживают отклонения от фонетических законов, сохраняя большую близость своей фонетической формы к классическому латинскому этимону. Таким образом, латинизм в каком-либо романском языке узнается чаще всего по отсутствию в его фонетической форме регулярных, типичных для данного языка звуковых изменений, которым подвергались слова устной народной традиции [Алисова 2007: 209].

II. Вторую группу составляют *грецизмы*. На протяжении всей своей истории римляне испытывали влияние греческой культуры. Древняя Греция была сильнейшим рабовладельческим государством. В VII–VI вв. до н. э. она проводила политику создания колоний на средиземноморском побережье. Греческие колонии быстро становились высокоразвитыми, богатыми городами, торговыми, культурными центрами и во многом способствовали проникновению греческой культуры на территории, находившиеся за пределами Греции. Греческие слова попадали в романские языки через посредство латыни. Разговорный латинский язык, а затем и романские языки постоянно черпали из греческого недостающую лексику в области наук, искусств и т. д. Особенно много слов появилось в связи с распространением христианства. Более поздние греческие заимствования относятся к периоду Византийской империи. Это, главным образом, морские термины, названия ремесел, товаров, растений, а также должностей. Еще более поздние заимствования относятся к области научной терминологии [Черданцева 2007: 31]. Для всех романских языков в XVIII–XX вв. характерно создание многих терминов на греческой основе.

Большинство ученых-филологов считают, что латинский алфавит сформировался на базе алфавита Древней Греции, претерпев некоторые изменения. Для письменной передачи в греческих заимствованиях глухих придыхательных *φ, χ, υ* использовались сочетания латинских согласных *ch, ph, th* [Алисова 2007: 163; Гак 2006: 134]. Представим греческие графические маркеры в табл. 10.

Таблица 10 – Греческие графические маркеры

Греческий язык (латинская графика)	Французский язык	Итальянский язык	Испанский язык
ch [k]	chaos, chretien, technique	archeologia	(con cha , cuch ara)
ph	photo, orthographe	(ortografia)	(ortografia)
rh	rhombe, rhum	rhum	–
th	cathédrale	(cattedrale)	(catedral)
y	cyprès, psychologie, hyperbole	cypris, tyratron	(ciprés)
-ism- и -ist-	impressionnisme / impressionniste	impressionismo / impressionista	impresionismo / impresionista

Из табл. 10 видно, что не все изучаемые романские языки в полной мере отражают вышеприведенное утверждение. Наиболее яркие примеры нам дает в этом плане французский язык. Сочетание *ch* используется для обозначения звука [k] в словах греческого происхождения вместо греческого *x* (*chaos, chretien, technique*). Графемы *ph*, *th*, *rh* встречаются в словах также преимущественно греческого происхождения. Например: *photo, orthographe, cathédrale, rhodium, rhombe, rhum* и т. п. [Гак 2006: 167; Попова 2001: 64–65]. Особую трудность представляет написание *y* в многочисленных словах греческого происхождения (*y* находится всегда в середине слова, после согласной или *h*) – *psychologie, hyperbole* [Гак 2006: 116; Catach 1986: 273].

Подобные сочетания редко встречаются в итальянском языке (*archeologia, rhum, cypris*), в основном это научные термины. В испанском языке написания *ph*, *th*, *rh* отсутствуют, *ch* существует как отдельная, 4-я буква испанского алфавита, но

встречаются редкие греческие заимствования, такие как *concha*, *cuchara*, где диграф *ch* произносится как [tʃe], в отличие от французского и итальянского [k]. Сочетание *ph* передается буквой *f* (исп. *ortografia*), *th* > *t* (исп. *catedral*), *y* > *i* (исп. *ciprés*).

Через посредство латинского языка большое распространение в романских языках получили греческие суффиксы *-ism*- и *-ist*- [Доза 2006: 180]. Они использовались для обозначения учений и их последователей (фр. *impressionnisme* / *impressionniste*, итал. *impressionismo* / *impressionista*, исп. *impresionismo* / *impresionista*). Также следует отметить многочисленные греческие приставки и корни, на основе которых строятся современные терминологические единицы. Самые известные греческие форманты мы представим во французской транскрипции как наиболее наглядные примеры: *arch-*, *chlor-*, *chrys-*, *techn-*, *amphi-*, *graph-*, *micro-*, *mono-*, *phil-*, *phon-*, *soph-*, *sphère-*, *hyper-*, *poly-*, *syn-*, *psych-*, *styl-* и др. [Гак 2006: 134; Попова 2001: 64–65].

В связи с быстрым темпом развития современного общества и постоянно растущими потребностями в новых терминах наука не может обойтись без древних языков, которые позволяют систематизировать неологизмы. У греко-латинских образований есть и другое преимущество: являясь общим источником для ученых и специалистов разных стран, они позволяют создать в наше время международный научный язык, который намечался уже в средневековой латыни. Распространяясь, эти слова, все более и более многочисленные, образуют постепенно увеличивающийся фонд международных слов, который частично возмещает неудобства множества современных цивилизованных языков [Доза 2006: 157]. Латинский и греческий языки дали значительное количество интернациональных слов. Это объясняется тем, что латинский язык в эпоху феодализма был для многих стран Западной Европы интернациональным языком науки, а в некоторых странах вообще литературным языком. Свое значение языка науки латинский язык сохранил

вплоть до XVII–XVIII вв., сам латинский язык много почерпнул из греческого языка. Но как бы ни был богат греческий словарь, он был недостаточен для удовлетворения непрестанно растущих потребностей науки. Поэтому наука стала сама создавать эллинизмы, используя возможности греческого словообразования, столь же гибкого, как и латинское [Там же: 156]. Современные науки: медицина, химия, ботаника, зоология, философия, искусство, – до сих пор широко пользуются латинскими и греческими основами для обозначения вновь возникающих понятий. Анализ таких слов может показаться нетрудным даже тому филологу, который лишь поверхностно знаком с греческим и латинским языками [Балли 2001: 350].

III. Исследования заимствований из *других языков (английского, немецкого), использующих латинский алфавит*, показывают, что романские языки стремятся воспроизвести написание языка, из которого заимствовано слово. Данная группа представлена графическими маркерами преимущественно английского происхождения. Общность алфавита значительно облегчает и ускоряет процесс приспособления и адаптации англицизмов, способствует проникновению заимствуемых слов в фонетической и орфографической формах, максимально близких к исконному варианту [Федченко 1990: 19]. В XIX в. английские слова проникают в разные сферы лексики. Процесс пополнения англицизмами словарного состава романских и других языков продолжается и в настоящее время в связи с политической, экономической и научно-технической экспансией США и их партнеров [Виноградов 1994: 91]. Как правило, неассимилированные англицизмы полностью сохраняют английскую графику, что наглядно отображено в табл. 11.

Таблица 11 – Английские графические маркеры

<i>Английский язык</i>	<i>Французский язык</i>	<i>Итальянский язык</i>	<i>Испанский язык</i>
ee	jeep	jeep	jeep
ea	leader	leader	leader
oa	boat	boat	boat
ow	show	show	show
oo	foot-ball	foot-ball	foot-ball
w	crawl, whisky, week-end	crawl, whisky, week-end	crawl, whisky, week-end
-ing	camping	camping	camping
ck	cocktail	cocktail	cocktail
sh	short	short	short
bb, dd, ff, ss, tt	hobby, pudding, bluff, stress, bitter	hobby, puddinga, bluff, stress, bitter	hobby, pudding, bluff, stress, bitter
sc, sp, st, tch, dg, gb, gh	scratch, sport, stock, match, bridge, rugby, high-life	scratch, sport, stòck, match, bridge, rugby, high-life	scratch, sport, stock, match, bridge, rugby, high-life

Общим признаком того, что слово во французском, испанском, итальянском языках является заимствованием из английского языка, служат следующие сочетания гласных: буквосочетания *ee, ea, oa, ow, oo* (*jeep, leader, coach, show, foot-ball*); звук [w] в положении перед согласным или в начале слова: *browning, crawl, whisky*; конечные сочетания *-ing*: *camping, pudding*; сочетание согласных *ck* в любой позиции: *bifteck, cocktail, jockey, stock*; *sh* главным образом пишется в английских словах: *shrapnel, short*. У большого числа англицизмов сохраняются двойные согласные *bb, dd, ff, ss, tt* и др.: *dribbling, hobby, pudding, bluff, stress, bitter* и т. п. Непривычны для орфографии романских языков и сочетания согласных типа *sc, sp, st, tch, dg, gb, gh*: *scratch, sport, stock, match, bridge, rugby, high-life* [Виноградов 1994: 95; Гак 2006: 28, 137; Черданцева 2007: 39].

Анализируя орфографию заимствований, Е. Д. Федченко установила, что в процессе заимствования англицизмов на современном этапе практически не происходит их орфографической адаптации. Сохранение английской орфографии заимствований приводит к расширению графической парадигмы фонем, увеличению числа дополнительных фонетических эквивалентов у имеющихся орфограмм и загромождению не только французской орфографии, но также орфоэпии. По данным исследователя, в результате фонетико-графической интерференции англицизмов, например, французский язык пополнился 27 орфограммами и 71 дополнительным фонетическим эквивалентом [Федченко 1990: 20].

Кроме графических формантов из английского языка, в романских языках мы выявили маркеры немецкого происхождения (см. табл. 12).

Таблица 12 – Немецкие графические маркеры

<i>Немецкий язык</i>	<i>Французский язык</i>	<i>Итальянский язык</i>	<i>Испанский язык</i>
gu-	guerre	guerra	guerra
sch	schlague	kitsch	–

Лексические заимствования, расширяя границы сочетаемости звуков, обычно не несут с собой новых фонем, так как содержащиеся в них «чужие» звуки передаются с помощью более или менее близких звуков-фонем воспринимающего языка. Так, многие германские слова, проникшие в позднюю латынь посредством солдат-германцев, содержали начальный звук [w], не свойственный романской речи, который был передан уже существовавшим в латыни лабиовелярным gw, встречавшимся в латинских словах только в середине слова (например: *sanguis, lingua*). Поэтому романские слова, начинающиеся с *gu*, – германского происхождения: итал., исп. *guerra*, фр. *guerre* < герм. *wirra*; ит. *guardare*, исп. *guardar*, фр. *garder* < герм. *wardjan*; итал. *guarire*, исп. *guarecer*, фр. *guérir* < герм.

wahrjan [Алисова 2007: 214; Алисова 2009: 69; Виноградов 1994: 62; Litvinenko 1973: 19].

Этимологическое написание группы согласных *sch* во французском и итальянском языках (фр.: *schappe, schnaps, schlague*; итал.: *kitsch, schifo, putsch*) обычно относят к написаниям, заимствованным из немецкого языка [Алисова 2009: 134; Гак 2006: 137]. Проведенное нами исследование испанской графики не выявило данного буквосочетания в испанских словах, что отражено выше в табл. 12.

Наряду с латынью, греческим, английским и немецким языками источником заимствований друг для друга могли быть романские языки и диалекты, поэтому к данной группе мы относим графические маркеры, пришедшие из итальянского во французский язык, и наоборот. В XVI в. влияние итальянской культуры создавало благоприятные условия для распространения итальянского языка во Франции. В результате этого влияния во французский язык вошло значительное количество итальянских слов с характерными сочетаниями *esc-*, *est-* в начале слова: *escadre, escadron, escarpe, estacade, escalade, escorte* [Nerrière 2006: 194]. В связи с притоком итальянских заимствований появляется новое буквосочетание *zz* во французском языке: *mezzanine, pizza, pupazzi*. В свою очередь итальянский язык приобрел данное сочетание под влиянием германского слоя слов [Бонфанте 1971: 107]. С конца средних веков к исконным суффиксам присоединилось известное количество заимствованных суффиксов, большинство которых проникло книжным путем. Италия при поддержке Юга дала французскому языку суффиксы *-esque, -ade*: *chevaleresque, livresque, colonnade, esplanade* [Доза 2006: 178; Зорько 1972: 250; Guiraud 1965: 107].

Французское влияние на лексику итальянского языка связано не столько с пребыванием Италии в составе империи Каролингов и последующими вторжениями французов в Италию, но, главным образом, с торговыми и культурными связями между жителями этих стран. Легко обнаруживаются в итальянском языке суффиксы французского или провансальского происхож-

дения *-aggio, -ardo, -iere, -iero: formaggio, ritardo, cameriere, cavalliero* [Черданцева 2007: 48; Шишмарев 1972: 97].

IV. Четвертую группу *этимологизированных написаний* составляют слова, заимствованные из языков, не пользующихся латинским алфавитом (русского, арабского, хинди, японского). Две особенности отличают эти слова от написаний собственно французских слов: а) отход от фонетико-графического принципа в пользу чисто фонетического; б) введение необычных написаний – сочетаний букв и диакретических знаков, призванных передать особенности иноязычного произношения. Благодаря этим заимствованиям в графическую систему французского языка вводятся необычные написания – *cheik, djinn, kaolin, khan, nô, stupa, sari, chi'ite* [Гак 2006: 61; Guiraud 1965: 18].

Отметим, что на протяжении веков испанское лексическое богатство формировалось не только на латинской основе, но и за счет других источников [Виноградов 1994: 58]. За долгие годы пребывания арабов на Пиренейском полуострове арабское владычество способствовало обогащению испанского словаря. Романский язык оказался в иноязычном окружении, а так как окружение это было влиятельным в политическом и культурном аспектах, то оно не могло не отразиться на языке тех, кто в этом окружении оказался [Бухарова 1994: 9]. Арабизмы в испанском языке начинаются, как правило, на определенный арабский артикль *al*. На письме он пишется слитно со словом, к которому относится. Разумеется, что частью слова он не является, и в «неопределенном состоянии» слово пишется без него. Многие европейцы, заимствуя арабские слова, заимствовали их вместе с артиклем, например: *alcaide, alcade, alfombra, albaricoque, alfalfa* [Бухарова 1994: 13; Мамонтов 1966: 16; Шахбаз 2005: 213]. Слова с подобной графикой довольно многочисленны в испанском языке и относятся к следующим группам: названия социальных институтов: *alfaqui, algarauia, aljamá, alquicé*; административные и общественные учреждения: *albardán, alcaria, alfitrán, almacén*; военные термины: *alarde, algarrada, almajaneque*; техническая лексика: *albanne, albot*,

alcaduz, algorfa; бытовая лексика: *alcuza, almenara*, а также лексика, связанная с названиями одежды и украшений: *alfolla, almadraque, alcorcol*; названия животных и растений: *alcotán, algazel, alforre* и др. [Григорьев 2004: 48].

Арабское господство в Средиземноморском бассейне, пребывание арабов на Сицилии, продолжавшееся более 250 лет, оставило значительный след в лексике итальянского языка. Особенно большое число арабских заимствований было воспринято сицилийским диалектом, но чаще всего арабизмы проникали в итальянский язык через испанский. Большинство из них также начинаются с *al-*: *algebra, alfiere, albicocco* [Черданцева 2007: 35].

Во французский язык первые арабские слова пришли из Испании еще до Крестовых походов; некоторое количество их было передано итальянским языком, в других случаях заимствования совершались непосредственно на Востоке, но многие из них отмечены печатью пребывания в испанском [Доза 2006: 140]. По наблюдениям А. Бернеля, арабские заимствования через Италию не сохранили вообще арабского артикля [Bernelle 1956: 293–299]. Основная масса арабских слов с артиклем *al-* заимствована до XVI в. В Средние века, пишет Г. В. Завадовская, артикль не отделяли от слова не потому, что не умели этого делать, а потому, что он как бы составлял «арабский паспорт слова», его патент на ученость [Завадовская 1963: 101].

Исследуя заимствования во французском языке, Ж. Дюбуа отмечает, что французский язык Средневековья заимствовал арабские термины либо непосредственно, либо через посредство испанского языка с агглютинацией арабского артикля: *al qali* становится *alcali*, *al qubba* превращается в испанском в *alcoba* и французском в *alcôve* и т. д. [Dubois 1963: 10–16]. Через посредство испанского языка арабская наука Средневековья обогатила французский язык такими терминами, как *alcool, alambic, algèbre, algarade, alidade* и др. [Дажаббаров 1984: 13].

V. В нашем исследовании мы попытались объединить графические маркеры иноязычного происхождения слова в четыре

основные группы, но за пределами этих четырех групп остались иноязычные написания, которые не являются показателем языка-источника, либо наличие иноязычных маркеров характерно только для одного из изучаемых романских языков (см. табл. 13).

Таблица 13 – Иноязычные графические маркеры, характерные для разных языков

<i>Разные языки</i>	<i>Французский язык</i>	<i>Итальянский язык</i>	<i>Испанский язык</i>
j	j acinte, j ambon, j ota, mujik	j abot, j eans, j unker, j acaranda, j ihad	j acinto, j abón, j ardin, j ersey
k	k ilomètre, képi , k olklore, k olka, k araté	k imono, k iller, k ulak, k aiser	k ikini, k unker, k aki,
x	x énix, x ylophone, x examètre	x traterresre, x ox, x erografia	x lexico, x ixioma
y	y oga, y aourt, y ourte,	y ippy, y obby, y randy	y dendy, y ayoneta
z	z olkhoze, z ovkoze, z irghize, z ote, z izarre	z azar, z mazurca, z azebo, z azimut, z azz	z ona, z odiaco, z olza, z otea

По данным учебных пособий по орфографии и истории романских языков, для записи слов иностранного происхождения используются следующие буквы: *j*, *k*, *x*, *y*, *z* (*jabot*, *karaté*, *xères*, *yoga*, *zone*), их написание сложно отнести к какому-либо конкретному языку [Гак 2006: 10, 113, 150; Vocchiola 2001: 45; Hall 1971: 55].

В табл. 3.5 мы приводим примеры слов с буквами, которые встречаются в романских языках, как правило, только в заимствованиях. Определить принадлежность графики к конкретному языку возможно только при помощи этимологических словарей. Например, не характерная для французской графики буква *k* пишется только в словах иностранного происхождения,

например в греческих: *kilomètre*; немецких: *képi, mark*; английских: *bank-note, folklore*; славянских: *polka*; восточных: *moka, karaté* и др. Буква *z* используется для транскрипции слов, заимствованных из языков с нелатинской графикой: *kolkhoze, sovkoze, kirghize, kazakh* [Гак 2006: 150; Masson 2006, URL].

В итальянском языке буквы *j, k, x, y, z* пишутся в словах французского происхождения: *jabot, jacquard*; английского: *jeans, killer, box, fax, hippy, brandy, gazebo, jazz*; немецкого: *Junker, Kaiser*; испанского: *jacaranda*; арабского: *jihad, azimuth*; японского: *kimono, kung fu, karakiri*; русского: *kulak, kolchoz*; греческого или латинского: *extraterrestre, cypris, xerografia*; персидского: *bazar*; польского: *mazurca* и т. д. [Vocchiola 2001: 41, 52, 67].

Известно, что заимствования могут осуществляться через устную речь и через письменный язык. Б. Мильборини отмечает, что в результате влияния письменного языка на устную речь в итальянском языке появились не встречавшиеся в тосканском диалекте итальянского языка следующие сочетания согласных: *ps (pseudonimo), pt (eucalipto), pz (opzione), pn (pneumatico), bd (subdolo), bs (abside), bc (subconsciente), bn (abnegazione), ft (afta), tm (aritmetica), tn (etnografia), ds (quidsimile), stm (istmo), ct (cactus), cd (ecdotica), gm (stalagmite), cn (tecnica), mn (mnemonico), mv (triumviro), rc (circonlocuzione)* [Migliorini 1963: 33].

Среди графических маркеров, свидетельствующих о том, что слово не является, в частности, исконно французским и не относится к какому-либо конкретному языку, исследователи выделяют следующие:

- *конечный ударный гласный (звук и буква): acacia, boa, visa, alibi, canari, macaroni, loto* etc. [Зеленина 2002: 140]. Гласные на конце слов в истории французского языка редуцировались, а затем выпадали [Алисова 2007: 171; Корлэтяну 1974: 156]: *muri, muro, muru* > ст.-фр. *mur*. Наличие в современном французском языке слов с конечным ударным гласным свидетельствует об их появлении в более поздние периоды. Как правило, это заимствования. Что касается конечного *o*, то оно свойственно словам трех категорий –

заимствованным: *cacao, bravo, piano* и т. п.; разговорным усечениям: *métro, vélo, photo* и т. п.; некоторым словам детской речи: *bobo, dodo* [Гак 2006: 113];

- *отсутствие палатализации в начальном слоге са-: cadastre, calque, caravane.* Палатализация *c* перед *a* была нормой в истории французского языка [Guiraud 1979: 58]. Этот согласный развился в аффрикату [tʃ] в галло-романский период, а затем перешел в [ʃ] [Катагощина 1976: 54; Сергиевский 2008: 57]: лат. *cantare* > фр. *chanter*, лат. *camera* > фр. *chambre*. Современные французские слова, начинающиеся с *ca-*, являются заимствованиями, чаще всего из итальянского языка: *caprice, cartel* [Зеленина 2002: 141];

- *s (звук и буква) перед другим согласным.* Позиция согласного перед другим согласным в истории французского языка являлась слабой. В старофранцузском языке согласные в этой позиции либо исчезали совсем, либо претерпевали изменения. Самым стойким из согласных был звук [s], который исчез в среднефранцузский период [Катагощина 1976: 55–56]: лат. *maester* > фр. *maître*, лат. *hospitale* > фр. *hôpital*. В заимствованных словах *s* перед другим согласным в современном французском языке сохраняется: *buste, costume, prestige* [Зеленина 2002: 142];

- *суффиксы -aud, -ard.* Первый суффикс развивался столь медленно, что имена данного ряда, появляющиеся к XII в., как, например, *ribaud*, очень немногочисленны; значительное распространение он получает лишь в XV и XVII вв. (*courtaud, maraud, pataud, penaud* и т. д.), образуя, главным образом, прилагательные. Распространение *-ard* произошло раньше. Бурсье относит создание *codardus* (фр. *couard*) к эпохе Меровингов, хотя фонетический облик этого слова не побуждает восходить так далеко. Суффикс *-ard* образует самые разнообразны имена живых существ: имена самцов (*canard*), производные от существительных (*têtard, bâtard*), увеличительные имена (*vieillard*) или же соединяется с глагольными основами (*bavard*) [Доза 2006: 171].

Отметим, что результатом заимствований в романских языках явилось не только обогащение их словарного состава, но и появление необычных написаний, среди которых мы выделили общие графические маркеры, характерные для трех романских языков (латинские, греческие и английские написания), и специфичные, существующие в одном или двух языках, так как становление и развитие каждого романского языка шло своим путем. История родственных языков может быть в разной степени насыщена изменениями. За одно и то же время родственные языки могут измениться в разной мере, проходя как бы разное расстояние, отделяющее их от общего праязыка [Мечковская 2009: 237]. Исследователи отмечают, что «французский язык прошел более интенсивный путь развития, чем другие романские языки. Итальянский и испанский языки в целом свою современную форму получили уже в XIII–XIV вв., тогда как во французском языке в это время начался новый цикл глубоких преобразований в структуре языка» [Гак 2002: 134]. В итоге современный французский отличается от старофранцузского значительно резче, чем современные испанский или итальянский от того, какими они были в XIII–XIV вв. [Там же: 134].

В научных трудах отечественных и зарубежных исследователей по графике и орфографии констатируется факт, что графические сочетания *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* в начале слова не являются исконными для французского языка, т. е. их можно рассматривать как показатели иноязычности слов [Гак 2006: 143; Зеленина 2002: 143–144; Скредина 2005: 400]. В связи с этим мы сочли целесообразным осуществить комплексное исследование слов с данной графикой в трех романских языках. Базовым материалом исследования стали французские слова с начальной графикой *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-*. В изучаемый пласт вошли графические маркеры, звучащие не только как [sk], [sp], [st], [ɛsk], [ɛsp], [ɛst], но и как [s], [sj], [sf], графически оформленные следующим образом: *science*, *schist*, *sphère*. Дальнейшее исследование будет посвящено выявлению языковых (этимологических, лексических и фонетических) процессов

в словах романских языков с обозначенной графикой. Как отмечает Г. О. Винокур, цель лингвистического исследования состоит в том, «... чтобы узнать, что всегда есть во всяком языке и каким образом одно и то же по-разному проявляется в разных языках. Конечные результаты подобных исследований учат нас, какие вообще возможны языки, что бывает в языках, какие факты случаются в жизни языков, но при этом все такие возможности и случайности представляются научному рассмотрению не как разрозненные явления, возникшие на поверхности исторической жизни народов, а как следствия и проявления общих закономерностей» [Винокур 1965: 243].

В основе современного этимологического исследования лежит традиционный фонетический анализ, основные законы которого были разработаны младограмматиками. Он позволяет добиваться объективности исследования «материальной», звуковой стороны истории слова, принимая во внимание принцип аналогии и типологического сопоставления [Брунова 2001: 5]. Однако «необходимо иметь в виду, что действительная, фонетическая, история лексики, конечно, не исчерпывается стройным рядом регулярных звукосоответствий». Учет только формальной (звуковой стороны) сближаемых слов сам по себе не может явиться основой надежной этимологии. Основной задачей этимологического анализа является «определение координат разных систем (фонологической, словообразовательной, лексической, семантической, поэтической и т. п.), пересечение которых порождает данное слово, и определение последующей траектории слова» [Там же: 6]. Следовательно, один фонетический анализ не отражает комплексный подход к изучению истории слова, и поэтому для выяснения происхождения слова необходимо знать изменения звуков в истории данного языка, историю его грамматики и словообразования, закономерности изменения значений, словарный состав, родственные связи его с другими языками (и их историю), лингвистическое окружение языка на протяжении его истории и характер контактов с другими языками.

Прежде всего любой этимологический анализ начинается с исторической фонетики. Связь этимологии с исторической фонетикой взаимнообратима. Каждый фонетический закон, каждое изменение звуков, принимаемое сравнительно-историческим языкознанием, базируется на определенном круге этимологических отождествлений и сближений слов одного или родственных языков, и степень достоверности каждого закона определяется соотношением этимологии, подтверждающих его, с одной стороны, и противоречащих ему – с другой [Варбот 2001: 2].

Этимологический анализ слов с графикой *sc-*, *sp-*, *st-*, *esc-*, *esp-*, *est-* в начальной позиции предполагает обращение к фонетическим процессам, которые происходили в народной латыни, основе романских языков, а затем определение того, какие языки послужили источниками данных слов, выяснение хронологии проникновения изучаемых слов в романские языки.

4.2. ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ С ГРАФИЧЕСКИМИ МАРКЕРАМИ *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-*

4.2.1. Влияние фонетических процессов на графическое оформление слова

Процесс перехода от народной латыни к образованию романских языков характеризуется многочисленными фонетическими изменениями, которые происходят в связи с потребностями общения и одним из факторов, определяющим их направление и даже возникновение, является коренная необходимость обеспечить взаимопонимание [Мартине 2006: 73]. Отметим такое фонетическое явление, как протеза гласного «*e*», которое широко представлено в романских языках, кроме восточнороманских, итальянского и ретороманского [Гурычева 1959: 37; Зубова 1983: 59; Чельшева 1990: 97]. Процесс добавления протетического «*i*», затем и «*e*» перед группой согласных *sc-*, *sp-*, *st-*

в начале слова наблюдается примерно с начала II в. н. э. Надписи изобилуют формами типа *iscola, espiritum, istratuam*. По всей вероятности, в начале протеза гласной имела место в условиях так называемой синтаксической фонетики, т. е. когда слово оканчивалось на согласную, а последующее за ним слово начиналось также с согласной. Ср.: *cum ispatha, in istrata*. Если отсутствовала эта коллизия согласных, то протеза не имела места [Корлэтяну 1974: 155]. Например, протетическая гласная проявлялась чаще на фоносинтаксическом уровне в литературном староитальянском языке – после предлогов *con, per, in* и частицы *non*: *per ischerzo, con istudio*. Однако в современном *italiano standard* протеза отсутствует [Алисова 2009: 77, 88]. Сравним: лат. *studente* > фр. *étudiant* (ст.-фр. *estudiant*), исп. *estudiante*, порт. *estudante* / итал. *studente* [Репина 1996: 67].

Как отмечают многие исследователи в области истории французского языка, процесс добавления протетического «е» перед группой согласных *sc-, sp-, st-* в начале слова также наблюдается в народной латыни [Borodina 1961: 38–39; Катагощина 1976: 54; Скрелина 2005: 188]. Подобные слова получали опорную «е», в этом звучании они дошли до старофранцузского периода.

	классическая латынь		старофранцузский
I этап	<i>schola</i>	>	<i>escole</i>
	<i>spata</i>	>	<i>espee</i>
	<i>strictum</i>	>	<i>estroit</i>

Ввиду нежелания произносить сложные сочетания букв на протяжении всего старофранцузского периода шло ослабление «s» перед согласными, закончившееся утратой его в конце XII в. А. Мартине называет это поиском «легких» артикуляций, т. е. принципом экономии [Мартине 2006: 65].

	старофранцузский		среднефранцузский
II этап	<i>escole</i>	>	<i>école</i>
	<i>espee</i>	>	<i>épée</i>
	<i>estroit</i>	>	<i>étroit</i>

Во французском языке «s» окончательно выпало, что не произошло в испанском. Слова *s* + *согласный* в последнем сохраняются с прибавлением впереди опорной гласной «e»: *escribo* (< *scribo*), *esposo* (< *sposu*) [Григорьев 2004: 93; Мамонтов 1966: 10]. В испанском и в настоящее время существует тенденция добавления протетической гласной к заимствованным словам, которая распространяется не только на латинизмы (*espectáculo*, *especial*), но и орфоэпически (не орфографически) на заимствования типа *sputnik*. Таким образом, вышеприведенное фонетическое изменение все еще действует в современном испанском языке и является живым фонетическим законом, который автоматически распространяется на звуки или звукосочетания, «неприемлемые» в данный момент для фонетической структуры языка [Алисова 2007: 200]. В. С. Виноградов отмечает, что в испанском языке практически нет собственно испанских слов, начинающихся с *s* + *согласная*. Только несколько заимствований нарушают это правило (*ski*, *sport*, *standart*, *stock*). При ассимиляции у таких слов появляется начальная гласная «e»: (*scanner* / *escáner*; *spam* / *espám*; *stock* / *estock*), которые имеют два варианта написания [Виноградов 1994: 95].

Во французском языке данный фонетический процесс исключает в дальнейшем написание *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* в начальной позиции французских слов. Мы проанализировали словарь старофранцузского языка до середины XIV в. А.-Ж. Греймаса и обнаружили только три слова с данными звуковыми комбинациями. Это *spic*, *spondile*, *spontain*, которые являются заимствованиями из латинского языка [Greimas, 1984]. Но в современном французском языке встречаются слова типа *sculpteur*, *stade*, *spasme*, *escalier*, *estomac*, *espace*, которые не претерпели данного фонетического изменения. Можно предположить, что подобные слова появились после старофранцузского периода и, по-видимому, пришли из других языков. На основании этой гипотезы мы проведем этимологический анализ французских слов, поскольку только во

французском языке они прошли полное фонетическое изменение в отличие от слов испанского и итальянского языков. Наш этимологический анализ слов с графикой *sc-*, *sp-*, *st-*, *esc-*, *esp-*, *est-* в начальной позиции предполагает определение того, из каких языков пришли данные слова, в какой период развития языка и с каким значением.

Путем сплошной выборки по французско-русскому словарю под редакцией В. Г. Гака, К. А. Ганшиной было выявлено более 800 примеров с данной графикой. При помощи этимологических словарей А. Доза и О. Блока, В. фон Вартбурга, а также электронных словарей французского языка мы выявили языки-источники заимствованных слов.

Изучение заимствованных слов можно осуществлять на синхронном уровне, которое всегда предшествует диахронному. Оба способа рассмотрения оказываются во взаимодействии [Общее 1973: 113]. В истории языка заимствования из других языков рассматриваются обычно применительно к определенному периоду существования языка. В истории французского языка выделяют следующие периоды, которые неизменно связаны с историей французского народа: старофранцузский (IX–XIII вв.), среднефранцузский (XIV–XV вв.), новофранцузский (XVI–XVIII вв.), из этого периода принято вычленять XVI в. ввиду значимости исторических событий, происходивших в эту эпоху, и современный французский язык (XIX–XXI вв.) [Гак 1986: 64; Доза 2006: 64; Сергиевский 2008: 35; Скрелина 2005: 32]. Следуя принятой периодизации в истории развития французского языка, начнем рассмотрение слов с изучаемой графикой со старофранцузского периода.

4.2.2. Этимологическая характеристика французской лексики с изучаемой графикой

Известно, что французский язык, как и все другие романские языки, развивался из **латинского**, точнее, из народной латыни Северной Галлии. В старофранцузский период происходило становление французского литературного языка, а официальным языком государства и католической церкви оставался латинский. Для своих нужд французский язык приспосабливает латинский алфавит и латинскую орфографию. Многие авторы учебников по истории французского языка отмечают стремление приблизить написание французских слов к орфографии их латинских этимонов, это выражалось в том, что при обозначении звука использовались буквы и сочетания, более близкие к латинскому образцу [Гак 2006: 37; Катагощина 1976: 167; Сергиевский 2008: 105]. Таким образом появляются написания, которых не знала старофранцузская графика. Латинский язык во многом повлиял на становление французской графической и орфографической системы, в результате чего во французском языке широкое распространение получили этимологические написания.

Приведем примеры ранних латинских заимствований: *scandale* «скандал, огласка, возмущение, шум» < *scandalum* впервые упоминается в конце XI в. со значением «греховный случай», позднее в 1657 г. Паскаль употребляет это слово в смысле «неприятная огласка плохого поведения». Слово *scandale* происходит от латинского *scandalum* «ловушка, препятствие», в переносном смысле слово означает «греховный случай для себя или для других», либо возможно другое истолкование происхождения данного слова от греческого *skandalon* как калька с иврита *mikchol* «препятствие, что заставляет оступаться»; *spectacle* «спектакль, представление» < *spectaculum*, 1130 г., образовано от латинского глагола *spectare* «смотреть»; *statue* «статуя» < от латинского глагола *stare* «быть, оставаться на месте», от которого произошло слово *statua*, 1120 г.; *escarboucle* «карбункул, темно-красный рубин» < *carbunculus*,

1080 г., от *carbuncle* «маленький уголек», рубин сравнивали с горящим углем; *espace* «пространство» < *spatium*, нач. XII в., с тем же значением.

Массовый приток заимствований из латыни приходится на среднефранцузский период. Значение среднефранцузского периода для формирования словаря трудно переоценить. Это не только эпоха развития и обогащения словарного фонда, но и период создания специальной лексики (научной и профессиональной). Оба процесса проходили под сильным влиянием латыни. Характеризуя среднефранцузский период, его с полным основанием называют периодом латинизации и релатинизации французского словаря [Скрелина 2005: 392]. Своеобразие этого периода состоит в том, что, вытесняя латынь из традиционных для нее сфер, французский язык все больше закрепляет свои позиции в литературе и проникает в новые сферы.

Николь Орем в предисловии к переводу «Этики» определил уже в этот период основные требования, которые предъявляются современными исследователями к научной терминологии: термин должен быть однозначным и стилистически нейтральным. Лексика французского общенародного языка не отвечает этим требованиям, так как она оперирует нечетко выраженными понятиями [Будагов 2004]. В то время как латинские заимствования отвечают им полностью. Если учесть престиж латинского языка и стремление представителей средневековой интеллигенции, переводчиков приблизить словарный состав французского языка к латинскому, то становится понятным, почему в средневековой Франции даже не ставили вопрос о формировании терминологической лексики на исконной основе. Для переводчиков, ученых, писателей того периода считалось более целесообразным переносить уже готовую терминологию из средневековой и классической латыни, чем создавать на исконной основе. Орем писал, что народные слова были недостойны того, чтобы их использовали в языке философии и науки [Скрелина 2005: 395].

Таким образом, истоки терминологической лексики восходят к переводам с латинского произведений как классической, так и средневековой латыни, а также к собственным знаниям средневековой латыни, которые использовались учеными при написании научных трактатов на французском языке, особенно многочисленных по медицине. К концу среднефранцузского периода большое количество терминологической лексики было накоплено разными отраслями знаний.

Создание *медицинской терминологии* на французском языке связано с деятельностью ряда ученых, писавших труды по анатомии и физиологии на родном языке: *scalpel* «скальпель» < *scalpellum*, 1538 г., от глагола *scalpere* «резать»; *scrofule* «диатез, золотуха» < *scröfulae*, 1503 г.; *spasme* «спазм, судорога» < *spasmus*, 1256 г.; *spondyle* «позвонок» < *spondylus*, 1314 г.; *strangulation* «странгуляция, удушение» < *strangulation*, 1549 г., от глагола *strangulare* «сжимать».

Приведем примеры терминов, относящихся к другим областям знания:

ботаника – *scabieuse* «скабиоза» < *scabiosa*, 1314 г., бот., ж. р. от *scabiosus* «шероховатый, чесоточный»; *spathe* «обертка соцветия» < *spatha*, 1743 г.; *spiciflore* «колосоцветный» < *spiciflores*, бот., цветы расположены колосом; *staminal* «тычинковый» < *stamen*, -inis, 1803 г.; *stipe* «стебель, ствол» < *stipes*, к. XVIII в.;

зоология – *scarabée* «жук-скарабей» < *scarabeus*, 1539 г.; *scolopendre* «сколопендра» < *scolopendron*, 1314 г.; *scorpène* «морской еж» < *scorpaena*, 1152 г.; *spirille* «спирилла» < *spirillum*, 1864 г., зоол., от *spira* «виток»; *stercoraire* «поморник» < *stercorarius*, 1752 г.;

география, геология, геометрия и т. д. – *scalène* «разносторонний треугольник» < *scalenus*, 1542 г.; *spode* «зола, шлак» < *spodos*, 1256 г.; *strate* «пласт, слой» < *stratum*, 1765 г., геол., причастие от *sternere* «протянуть»; *stylobate* «подножие колоннады» < *stylobates*, 1545 г.; *estuaire* «эстуарий, расширенное устье реки» < *aestuarium*, XV в.

Латинские заимствования существенно пополнили словарный состав французского языка этимологическими дублетами. С точки зрения фонетического облика во французском языке можно выделить два типа слов: первый – это слова «народного» происхождения, которые были усвоены еще галло-римлянами и претерпели все описанные изменения; второй – слова «ученого» происхождения, заимствованные в разное время из латыни, когда эти процессы уже перестали действовать. Этим объясняется значительное расхождение в фонетическом облике французских слов, принадлежащих к одному гнезду. Например, *école – scolaire*. Во французском языке связь между данными словами не так очевидна, потому что первое слово пары – «народное», оно подверглось фонетическому изменению, описанному выше, второе – «ученое» и взято в форме, близкой к латыни [Гак 1986: 81; Лобашевская 1973: 16]. Таким образом, слова, не сохранившие написания *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-*, принадлежат к народному фонду и отражают фонетические написания, свойственные старофранцузскому языку.

Проникновение латинизмов во французский язык не ограничивается старофранцузским периодом. Их массовый приток приходится на XIV в.: именно в этот период формируется слой лексики ученого происхождения. А в XVIII в. и начале XIX в. появляется потребность обозначить новые явления в государственной и социальной сферах. В современный период латинский тоже остается источником пополнения лексики французского языка.

Вслед за многочисленными латинскими заимствованиями во французском языке появляются заимствования из **итальянского языка**. Большинство итальянизмов относится к XIV–XVI вв. Ослабевшие к концу Каролингской монархии отношения между Францией и Италией позднее снова возобновляются и к XVI в. становятся все оживленнее. Важную роль в посредничестве между французским и итальянским языками играла Савойская династия, обладавшая двумя склонами Альп и в течение долгого времени говорившая на французском языке. Войны, итальянские

браки Генриха II и Генриха IV привели в Париж многочисленных итальянцев — дворян, придворных и художников, которых привлекал еще Франциск I [Доза 2006: 143]. Началась так называемая итальянизация французского общества, которая проявилась и в сфере искусств, и в литературе, и в языке [Скрелина 2005: 295, 310]. Решающим фактором, повлиявшим на приток итальянизмов во французский язык в XVI в., был духовный и культурный престиж страны языка-отправителя, ее опережающее (по сравнению с Францией) развитие во многих сферах деятельности [Чекалина 1998: 173–174].

XVI век во Франции — это период билингвизма, когда три четверти французского общества одинаково свободно владели как французским, так и итальянским языком. Многочисленные итальянские колонии купцов, особенно в Лионе, где в XVI в. был важнейший денежный рынок, привлекавший генуэзских и флорентийских банкиров, со своей стороны способствовали проникновению итальянизмов во французский язык, которые явились для него истинным богатством. Например, *escompte* «учет векселя, дисконт» < *sconto*, 1597 г.

Военные кампании периода 1494–1558 гг. и знакомство с военным искусством итальянцев принесли с собой следующие термины: *escadre* «отряд, эскадра» < *squadra*, XV в., «батальон»; *escadron* «эскадрон» < *squadrone*, к. XV в., от *squadra*; *escalade* «штурм, приступ» < *scalata*, нач. XV в., «приступ при помощи лестницы», заменило старофр. слово *eschelement*; *estacade* «эстакада» < *steccata*, 1578 г., от лонгобардского *stikka* «палка»; *escorte* «эскорт, конвой» < *scorta*, 1500 г., от *scorgere* «вести, проводить».

Современники замечали, что итальянский язык позволяет лучше выразить военные понятия, нежели французский. Так, термин *escalade* «штурм крепостного вала, приступ, эскалада» < *scalata* долгое время сохранял близкий итальянскому вариант *scalade* с начальной группой *sc-*, несвойственной французскому языку. По значению слово было близко исконному *eschellement* «атака, штурм с помощью лестницы», но постепенно оно

вытесняет исконное, а в 1603 г. уже зафиксировано производное слово *escalader*, завершающее ассимиляцию заимствования [Скрелина 2005: 400].

Итальянские *военные термины* проникают во французский язык благодаря, во-первых, существованию традиций воинского обучения в Италии XV–XVI вв. – это школы Сфорцы (Милан) и Браччио (Неаполь), а во-вторых, благодаря пособиям по военному искусству, например трактатам Н. Макиавелли. Значительно способствовало заимствованию итальянской терминологии присутствие во Франции еще с XV в. пьемонтских «банд» (воинских групп из Пьемонта) и билингвизм военных руководителей Франции [Там же: 400]. Французская монархия до 1713 г. владела некоторыми Пьемонтскими крепостями и еще в царствование Людовика XV вела войны в Пьемонте. Лион, Турин, Шамбери были важными этапами на пути следования итальянизмов, тогда как другая часть итальянизмов шла через гору Женевр в Прованс, не достигнув Парижа [Доза 2006: 143].

В целом XVI век во Франции объединяет в себе ту совокупность условий, которые, по мнению исследователей, способствуют наиболее яркому проявлению таких свойств словаря, как его открытость экстралингвистическим влияниям [Скрелина 2005: 126]. Одной из экстралингвистических причин, способствующих процессу заимствования из итальянского, является, прежде всего, то, что Италия была первой капиталистической страной мира, страной, создавшей в эпоху Возрождения огромные материальные и культурные ценности.

Значительное количество терминов в области *искусства*, особенно в живописи и архитектуре, связано с появлением итальянских поэтов, художников и строителей еще при Карле VIII и Людовике XIII. Известно, что итальянцы были первыми учителями французов в области музыкального искусства. Среди терминов, относящихся к *музыке, живописи, архитектуре*, находим: *staccato* «стаккато» < *staccato*, 1842 г., в отрывистой манере; *stance* «стансы, строфа» < *stanza*, 1550 г.; *stuc*

«штукатурка, гипс» < *stucco*, 1524 г., от лонгобардского диалекта итальянского языка *stukki*.

Довольно употребительны слова, относящиеся к *бытовой лексике*: *spaghetti* «спагетти» < *spaghetti*, XX в.; *strapontin* «откидная скамеечка, сиденье» < *strapuntino*, 1298 г., «гамак», XVIII в., «откидное кресло в машине», 1875 г., театр., от *trapungere* «колоть иголкой»; *escarpin* «открытая туфля, лодочка» < *scarpino*, 1512 г., уменьшит. от *scarpa*, «туфля»; *espalier* «шпалера» < *spalliera*, сер. XVI в., арх.; 1600 г., от итал. *spalla* «плечо» в переносном значении «подпорка».

Итак, наиболее интенсивный процесс заимствования из итальянского языка приходится на раннефранцузский период (XVI в.), т. е. эпоху Возрождения. После XVII в. наблюдается заметный спад итальянского влияния. В истории Франции XVII век называют эпохой классицизма и порядка. В отношении лексики происходит тщательный отбор слов. Несмотря на это, по нашим наблюдениям, новofранцузский период XVII–XVIII вв. характеризуется заимствованиями из разных языков. Это связано, прежде всего, с созданием научной терминологии, которая формировалась путем использования **греческих слов**.

Роль греческого языка увеличивается в связи с распространением французского языка во всех сферах научного общения. Греческие заимствования проникали обычно через посредство латинского языка, поэтому нередко латинские термины сами по себе являлись заимствованиями из греческого, так что получалось опосредованное заимствование во французском из греческого через латынь, например: *stéatome* «жировая опухоль» < лат. *steatoma* < греч. *kyste sébacé ou lipome*, XVI в.; *escarre* «струп, корочка» < лат. *eschara* < греч. *eskhara*, 1314 г.; *esculape* «эскулап, врач» < лат. *Aesculapius* < греч. *Asklépios* – имя бога медицины, 1771 г.; *estomac* «желудок» < лат. *stomachus* > греч. *stomakhos*, XIII в.

До XVI в. греческие слова во французском языке появлялись редко, за исключением переводов. Они проникали в язык больше через науку, чем через литературу [Доза 2006: 155].

Но с усилением интереса к античной культуре, искусству Греции во французский язык стали проникать многие новые слова и элементы.

Более значительными были заимствования, сделанные в тот же период в математике и особенно в естественных науках. Этот процесс продолжался и в последующие столетия благодаря успехам науки и промышленности [Доза 2006: 156]. В наше время он достиг уже значительного развития: в силу стремления к точности многие науки, во главе с медициной, заимствовали из греческого языка материалы для своих специальных словарей, а естественные науки — элементы их богатой номенклатуры. Итак, чаще всего греческие слова пополняют *научную терминологию*: *scaphandre* «скафандр» < *skaphé* «лодка» и *anér, adros* «человек», 1765 г., «спасательный жилет»; 1800 г., в значении «человек-лодка»; *spéléologie* «спелеология» < *spélaion* «пещера» и *-logie*, к. XIX в.; *stadia* «дальномер» < *stadia*, ж. р. от *stadios* «стоящий вертикально», 1875 г.; *sténographie* «стенография» < *stenos* «сжатый» и *-graphie* «писать», 1572 г.; *stroboscope* «стробоскоп» < *strobos* «турникет» и элемента *-scope*, 1890 г.

Среди научных терминов выделяются *медицинские*: *sclérose* «склероз» < *sklérosis*, 1842 г.; *sténose* «стеноз» < *stenos* «сужение», 1836 г., от *stenosis* «сужение»; *stethoscope* < *stêthos* «грудь» и элемента *-scope*, 1819 г.; *strabisme* «косоглазие» < *strabos*, 1560 г., от *strabismos*, который косит; и *ботанические*: *spirée* «спирея, таволга» < *speiraia*, 1751 г., ароматическое растение; *spirochète* «спирохета» < *spire* и *khaitê* «длинные волосы, грива», 1875 г.; *sporange* «спорангий» < *spora* и *aggos* «сосуд, чаша», 1817 г., бот.

Греческих слов с изучаемой графикой немного (7 % от общего количества французских слов с изучаемой графикой), но преобладание слов без опорного «е» заметно. Греческие заимствования, зафиксированные этимологическими словарями, относятся большей частью к XVIII и XIX вв., к периоду интенсивного развития науки.

В этот период в массовом количестве начинают заимствоваться **англицизмы**. Появление новых слов было связано с повышенным интересом к формам английского государственного устройства, английской философии. Этот интерес постепенно принял формы настоящей англomanии (слово *anglomanie* датировано 1745 г.), которая повлекла за собой появление во французском словаре английских терминов не только политического и экономического характера, но и чисто бытового [Сергиевский 2008: 199; Чекалина 1998: 175–179; Brunet 1996: 45–56; Spence 1989: 322–334]: *speaker* «спикер», 1649 г., «глава коммуны», 1866 г., «оратор»; 1904 г., «объявляющий спортивные результаты», «диктор» от *(to) speak*; *spencer* «короткая куртка», к. XVIII в., образовано от имени лорда Спенсера (Spencer), который ввел эту одежду в моду; *steak* «бифштекс», 1848 г., «кусочек мяса или мякоти рыбы»; *stoff* «штоф, ткань», 1829 г., от *stuff* «легкая ткань».

В XVIII в. увлечение английским языком было не меньше, чем увлечение древностью. Предпочтение иностранного слова приводит иногда к любопытным явлениям: переход французского слова в английский и затем его возвращение во французский язык, но уже как англицизма, что напоминало эффект бумеранга [Должанская 1970: 45]. Французские слова, проникнув в английский язык, прижились в нем, ассимилировались, подверглись определенным фонетическим и лексическим изменениям, а потом в результате каких-либо отношений между странами возвратились во французский язык, но уже как англицизмы. Например, слова, которые вошли в английскую лексику из старофранцузского языка и в XVIII в. возвратились обратно: *desport* «развлечение, игра» > *sport* «спорт» 1057 г., от старофр. *deport* со значением «удовольствие, развлечение», XIV в. ср. англ. *disport*, XV в. «развлечение, времяпровождение, игра, развлечение», в 1523 г. «развлечение на свежем воздухе с физическими упражнениями», 1594 г. «атлетические соревнования на публике», 1828 г. «физические упражнения с целью подчинения некоторым правилам, содержащие часть соревнования».

Особенно интерес ко всему иностранному, и к английскому в частности, возрастает в эпоху романтизма, в начале XIX в. Для молодого писателя, не пуриста, особенно если он пишет для широкой публики, украсить свой роман англицизмами означало придать ему вид модернистского произведения, причем, входя во французский язык, англицизмы сохраняли свою графическую форму. Подобно тому, как эрудиты эпохи Возрождения релатинизировали французские слова, восстанавливая латинское написание (а иногда и произношение), этимологизируя орфографию заимствованных латино-греческих вокабул, так и при передаче англицизмов старались сохранить их подлинное написание. Создается впечатление, что этимологизирующая тенденция еще больше усиливается [Гак 2006: 43]. По этой причине большинство англицизмов пока находится на первой стадии ассимиляции, т. е. их чужеродность ощутима [Сухорукова 2005: 111].

Итак, английская лексика во французском языке относится к разным сферам. Значительное количество примеров представлено двумя тематическими группами: *спортивной и технической терминологией*.

Спортивная терминология: *score* «счет очков», XX в., «количество очков, полученных противником»; *sprint* «скоростной бег», 1895 г.; *sport* «спорт», 1828 г.; *stand* «тир, стенд», 1854 г.; *stayer* «гонщик-велосипедист», 1895 г., от (to) *stay*; *steeple-chase* «скачки с препятствиями» 1828 г., от *steeple* «колокольчик» и *chase* «бег»; *наука и техника*: *scraper* «землеройная машина», техн., XX в.; *scooter* «мотороллер», сер. XX в.; *steamer* «пароход», 1829 г. от *steam* «пар»; *spallation* «расщепление ядра атома», XX в., физ.; *stress* «стресс», 1953 г.

В начале XX в. новая волна англomanии вновь захлестывает французов. Много английских слов употребляется в торговой рекламе. Их продукция рекламируется во Франции либо просто на английском языке, либо в переводе. При пополнении французского языка англицизмами обнаруживается расслоение по внешней форме: слова входят либо в их произносительной

форме, либо адаптируются в их исходной произносительной норме, при передаче которой учитываются нормы графики [Бородина 1979: 105]. В большинстве случаев эти слова в своем орфографическом выражении остались такими же, какими они являются в английском языке и письме [Сергиевский 2008: 222].

Анализ английских заимствований во французском языке показывает, что французская графика отражает в исследуемом нами языковом материале графику современного английского языка, а именно: для английского языка естественны начальные сочетания с *sc-*, *sp-*, *st-* (*scooter*, *sport*, *stand*, *scratch*, *specker*, *sportsman*, *sport*, *stock-car*, *starting*, *stéréobate*, *spartéine*, *spallation*, *spart*, *spot*, *speech*, *steak*, *standing*), в то время как эти же сочетания с опорным «e» (*escalator*, *escort*, *espionage*, *estimate*) – довольно редкое явление. Возможно, они являются заимствованиями.

Германские племена, покорившие Галлию, дали французскому языку в разные периоды много слов, и, по нашим данным, на XIX–XX вв. приходится более половины **немецких слов** с изучаемой графикой. Связи рождающейся Франции с германским миром весьма ослабли после распада империи Каролингов; говорящие на непонятном друг для друга языке соседние народы мало общались между собой. Однако начиная с XII в. французская литература оказывает большое влияние на Германию, но это влияние остается односторонним. И только в период Столетней войны, когда многочисленные армии привлекаются из всех стран, появляются первые заимствования из немецкого языка [Доза 2006: 146].

Увеличивается количество заимствований в XVI в. с использованием немецких и швейцарских наемников и во время религиозных войн; значительным оно остается до самой смерти Людовика XIII (во время Тридцатилетней войны французские войска вступили в Германию). В этот период немецкий язык снабжает французский в основном военными и научными терминами [Brunot 1949: 215].

Военная и научная терминология: *ester* «сложный эфир» < *Essigäther*, 1850 г., «уксусный»; *schlague* «шомпола, шпигрубены» < *Schlag*, 1765 г., «наказание в немецкой армии»; 1815 г., *schlag*; 1820 г., *schlague*; 1831 г., от *Schlag* «удар»; *spalt* «треснувший камень» < *Spalten*, 1698 г.; *spath* «шпат» < *Spath*, 1753 г.; *spiegel* «шпигель, зеркальный чугун» < *Spiegeleisen*, 1890 г., от *Spiegel* «зеркало» и *Eisen* «железо»; *stalag* «концентрационный лагерь» < *Stammlager*, 1940, «лагерь».

Бытовая лексика: *schnaps* «шнапс, водка» < *Schnaps*, к. XVIII в., от глагола *schnappen* «хватать, вдыхать жадно воздух», *stellage* «стеллаж» < *Stellen*, 1904 г., «ставить, размещать», *espigle* «шалун, проказник» < *Eulenspiegel*, XVI в., персонаж из немецкого романа, переведенного на французский язык в 1559 г.

Испанские заимствования нельзя отнести к какому-либо конкретному периоду развития французского языка. Они проникали постепенно и, несмотря на близкое соседство Франции с Испанией, первые подлинные испанизмы появляются только в XV в., в период, когда многочисленные испанские искатели приключений служили в армии. Пиренеи были более мощной преградой, чем Альпы, которые пересекались важными путями сообщения. Однако паломничество к святому Иакову Компостельскому, совершавшееся очень часто в Средние века, дало авторам героических эпопей несколько слов. Максимального распространения испанизмы достигают в конце царствования Людовика XIII под влиянием целого ряда различных факторов: расширение колониальных владений Испании; религиозные войны, которые привели испанские армии во Францию; испанское влияние при дворе Людовика XIII и расцвет испанской литературы.

Испанских заимствований с изучаемой графикой немного, они относятся к самым разным областям человеческой деятельности: *escapade* «тайное бегство» < *escapada*, 1570 г.; *escadrille* «эскадрилья» < *escuadrilla*, XVI в., «группа», 1803 г., морск., затем в авиации; *espagnolette* «шпингалет, оконная задвижка» < уменьшительное от *espagnol*, 1731 г., в значении

«задвижка, служащая закрытию и открытию окна»; *estampille* «штемпель, печать, марка» < *estampilla*, к. XVII в. от *estampa* «отпечаток».

Единичные примеры в изучаемом корпусе слов и в разные периоды истории французского языка представляют следующие языки: **русский**: *steppe* «степь» < *step*, 1679, к. XVIII в., *steppe*; *spoutnik* «спутник», 1957; **скандинавский**: *scalde* «поэт, певец» < *skald*, 1755, «роète»; **тюркский**: *spahi* «спаги, солдат французской африканской конной или танковой части» < *sipahi*, 1538, «турецкий солдат на службе у султана»; 1831, солдат Алжира на службе Франции; **персидский**: *schah* «шах» < *sah*, 1559 г., *sach*, 1765 г., *shah*, энциклоп. от персидского *šāh* «король»; **польский**: *staroste* «деревенский староста» < *starosta*, сер. XVIII в. и др.

Изучение выявленного нами корпуса примеров с начальной графикой *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* позволило составить представление о динамике их проникновения во французский язык. Языковой материал с точки зрения хронологизации заимствований в процентном отношении отражен в табл. 14.

Таблица 14 – Хронология заимствований во французском языке

Период	<i>sc-</i> , <i>sp-</i> , <i>st-</i> (673 слова)	<i>esc-</i> , <i>esp-</i> , <i>est-</i> (137 слов)	Всего (810 слов)
IX–XIII вв.	8,2 %	17,5 %	11 %
XIV–XV вв.	13,5 %	14,5 %	12,5 %
XVI в.	15,2 %	23,3 %	16,5 %
XVII–XVIII вв.	26,7 %	29,2 %	27,2 %
XIX–XX вв.	36,4 %	15,5 %	32,8 %
Всего	100 %	100 %	100 %

Как видим из табл. 14, слова с графикой *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* в начальной позиции начали появляться в старофранцузский период (IX–XIII вв. – 11 %). Количество слов с данной графикой увеличивается после прекращения действия фонетического процесса добавления протетической гласной (XIV–XV вв. –

12,5 %; XVI в. – 16,5 %; XVII–XVIII вв. – 27,2 %). Больше всего слов приходится на современный период – 32,8 % (XIX–XX вв.).

Слова с сочетаниями *sc-*, *sp-*, *st-* появились во французском языке после того, как на раннем этапе развития французского языка перед этими сочетаниями стал добавляться опорный звук «*e*». Слова же с сочетаниями *esc-*, *esp-*, *est-* пришли во французский язык, как правило, после редукции звука «*s*», стоящего за опорным «*e*». Графическое оформление слов в таком случае свидетельствует о фонетических изменениях в ходе истории языка.

Анализируя языковой материал, мы выявили языки-источники французских слов с изучаемой графикой (см. табл. 15).

Таблица 15 – Этимология заимствований во французском языке

<i>Языки</i>	<i>sc-, sp-, st-</i> (673 слова)	<i>esc-, esp-, est-</i> (137 слов)	<i>Всего</i> (810 слов)
Латинский	44,3 %	40,9 %	43,7 %
Английский	22,4 %	3,6 %	19,3 %
Итальянский	10,4 %	30,6 %	13,8 %
Греческий	13,4 %	–	11,1 %
Немецкий	3,7 %	3,6 %	3,7 %
Испанский	–	6,6 %	1,1 %
Русский	1,3 %	–	1,1 %
Другие языки	4,5 %	14,7 %	6,2 %
Всего	100 %	100 %	100 %

Из табл. 15 видно, что французские слова с графикой *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* в начальной позиции слова являются заимствованиями. Наибольшую группу (43,7 %) представляют слова латинского происхождения, значительно им уступают английские (19,3 %), итальянские (13,8 %), немногочисленные примеры дают немецкий, испанский, русский и другие языки (около 12 %), греческие слова составляют 11,1 %. Среди слов без опорного «*e*» выделяются латинизмы (44,3 %). Слова с опорным «*e*» чаще всего являются латинизмами (40,9 %) или итальянизмами (30,6 %).

Таким образом, буквосочетания *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* в начале слова являются маркерами иноязычного происхождения во французском языке, которые свидетельствуют о наличии в языке заимствованной лексики и указывают на отсутствие в их форме регулярных фонетических изменений.

4.2.3. Этимологическая характеристика итальянской и испанской лексики с изучаемой графикой

Мы провели аналогичный этимологический анализ итальянских и испанских слов с начальной графикой *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* и выяснили, что в этих языках не все слова являются заимствованиями, часть из них принадлежит к исконной лексике. Показать хронологию проникновения слов с изучаемой графикой в итальянский и испанский языки не представилось возможным ввиду отсутствия в этимологических словарях данных о дате вхождения заимствований, поэтому мы выявляли только исконные и заимствованные слова. Исследование показало, что количественное соотношение исконной и заимствованной лексики с изучаемой графикой в итальянском языке выглядит следующим образом: 82 % исконных слов и 18 % заимствований. Итальянские слова с графикой *sc-*, *sp-*, *st-* относятся как к исконной, так и к заимствованной лексике, а слова с графикой *esc-*, *esp-*, *est-* — только заимствования.

Этимология заимствованных слов с изучаемой графикой в *итальянском языке* представлена в табл. 16. Источниками заимствованной лексики послужили латинский, греческий, английский, немецкий и французский языки.

Таблица 16 – Этимология заимствований в итальянском языке

Языки	<i>sc-, sp-, st-</i> 261 слово	<i>esc-, esp-, est-</i> 57 слов	Всего 318 слов
Латинский	52 %	84,2 %	57,5 %
Английский	16 %	3,6 %	13,8 %
Греческий	12,2 %	10,5 %	11,9 %
Немецкий	13,8 %	–	11,4 %
Другие языки	6 %	1,7 %	5,4 %
Всего	100 %	100 %	100 %

В Италии латинская традиция, естественно, была сильнее, чем в остальных романских странах [Сергиевский 2008: 169]. Это обстоятельство объясняет нам, почему наибольшее количество заимствованных слов с изучаемой графикой в итальянском языке составляют слова **латинского происхождения** (57,5 %). В основном это общеупотребительная лексика, куда входят названия предметов или абстрактные явления. Например, *scalea* «лестница» < *scale, scala*; *scuola* «школа» < *schola*; *spavento* «испуг, ужас» < *sparvanus, -enius*; *spirito* «ум, дух» < *spiritus*; *stallo* «кресло со спинкой» < *stallus*; *spondeo* «спондей, сборник» < *spondeus*. Из всех романских языков итальянский язык наиболее близок лексически к латинскому, поэтому лексика итальянского оказывается более сохранна, менее инновативна, чем любого другого из романских языков в области ядерной лексики [Капитан 1995: 13]. Нехарактерные слова с начальными сочетаниями *esc-, esp-, est-* для современного итальянского языка являются заимствованиями из латинского. Эти буквосочетания передают в итальянском языке латинские слова, начинающиеся на *ex-*: *esclamare* «восклицать, вскрикивать» < *ex-clamare*; *escursione* «экскурсия» < *excursione*; *esperto* «эксперт, специалист» < *expertus*; *esperienza* «опыт, опытность» < *ex-perientia*; *espulsione* «исключение из школы» < *expulsionem*; *estuàrio* «эстуарий, устье реки» < *aestuarium*.

На втором месте по количеству изучаемых примеров занимает **английский язык** (13,8 %). Достаточно много слов, заимствованных из английского языка, начинают проникать в XIX в.

В разные сферы лексики итальянского языка. Огромный поток английских заимствований отмечается после Второй мировой войны. Пребывание солдат американской и английской армий на итальянской территории, тесные экономические и политические связи с Великобританией и США, расширение круга лиц, изучающих английский язык, наводнение итальянского рынка американскими промышленными товарами привели к довольно широкому использованию большого количества английских слов в итальянском языке [Черданцева 2007: 40]. Англицизмы с изучаемой графикой в итальянском языке относятся к различным областям деятельности человека: *scanner* «сканер», *scooter* «мотоцикл», *spleen* «сплин, хандра», *spray* «аэрозоль», *speaker* «спикер, диктор». Особенно много английских слов в спортивной терминологии: *sport* «спорт», *sprint* «спринт», *start* «старт», *starter* «стартер», *steep-chase* «скачки с препятствиями», *stayer* «стайер».

Слова с изучаемой графикой **греческого происхождения** в итальянском языке немногочисленны (11,9 %). Как мы уже отмечали, римляне знали греческий язык и как язык письменной культуры, и как живую речь, с носителями которой они соприкасались с древнейших времен. Особенность греческого влияния заключается в том, что его трудно ограничить определенным периодом – грецизмы начали появляться уже в архаической латыни и далее вплоть до византийского периода [Алисова 2009: 117]. Итак, греческий язык послужил надежным источником заимствованной лексики, особенно для создания научной терминологии: *estasi* «экстаз, восторг» < *ek-stasis*; *stratagemma* «военная хитрость, уловка» < *strategema*; *sclerosi* «склероз» < *skleròs*; *spasmo* «спазм, судорога» < *spasmos*; *scenografia* «театральная живопись» < *skêné* и *graphia*; *stearina* «стеарин» < *stèar*; *steatite* «жировик» < *steatites*.

Греческие термины вошли в основной словарный фонд итальянского языка через разговорную латынь: *estètica* «эстетика» < лат. *aestetica*, греч. *aisteticos* «чувствительный»; *scoria* «шлак, окалина» < лат. *scoria*, греч. *scoria*; *spelunca* < лат. *spelunca*, греч. *spelygk*.

Германские заимствования в итальянском языке широко представлены лангобардскими или готскими словами, которые вошли в итальянский язык в период Лангобардского господства, продолжавшегося более двухсот лет, а также немецкими словами, вошедшими во время фашистской оккупации: *schivo* «застенчивый» < *skiuh, shiuw*; *stucco* «гипс, штукатурка» < *Stück*; *scaramuccia* «стычка, споры» < *skërman*; *scherno* «насмешка» < *skern, scern*; *sciabola* «сабля, шашка» < *sabel, säbel*; *schiera* «ряд, шеренга, строй» < *schera*; *schifo* «скиф, шлюпка» < *schif, skif*; *scherma* «фехтование» < *skerm, scirm*; *spia* «шпион, сыщик» < *spëha* от *spiare* «искать». Количество немецких слов практически одинаково с греческими словами (11,4 %).

Отметим также слова, пришедшие из других языков (5,4 %): **французский**: *escamotage* «хитрый ход, уловка» < *escamotage*; **русский**: *steppa* «степь» < *steppj, sputnik* «спутник» < *sputnik*; **арабский**: *sceicco* «шейх» < *sceikh, sceriffo* «шериф» < *scherif, sia* «шах» < *sciah*; **скандинавский**: *scaldo* «древне-скандинавский певец» < *scaldo*.

Испанская лексика с изучаемой графикой также представлена исконными (62 %) и заимствованными словами (38 %). При изучении этимологии испанских слов мы выявили, что слова с нехарактерными написаниями *sc-*, *sp-*, *st-* в начале слова являются заимствованиями, а слова с графикой *esc-*, *esp-*, *est-* входят как в исконную, так и в заимствованную лексику. Этимология заимствованных испанских слов отражена в табл. 17.

Таблица 17 – Этимология заимствований в испанском языке

<i>Языки</i>	<i>sc-, sp-, st-</i> 46 слов	<i>esc-, esp-, est-</i> 300 слов	<i>Всего</i> 346 слов
Латинский	–	61,6 %	53,5 %
Английский	89 %	2,2 %	13,6 %
Греческий	–	14 %	12,1 %
Итальянский	2,3 %	6,3 %	5,8 %
Французский	–	6,3 %	5,5 %
Другие языки	8,7 %	6,6 %	6,9 %
Этимология неясна	–	3 %	2,6 %
Всего	100 %	100 %	100 %

Из таблицы видно, что большая часть слов является **латинскими заимствованиями** (53,5 %). Письменный латинский язык долгое время был образцом для не имеющего письменной традиции испанского, а также поставщиком слов, которых не было в разговорном испанском языке. Латинские слова проникали в испанский через практику переводов или путем литературных заимствований [Григорьев 2004: 31]. Латинизмы или «культизмы» продолжали просачиваться в язык то небольшой струей, то более широким потоком в зависимости от развития и роли латинской литературы и языка на данном этапе или в данной среде [Шишмарев 2008: 63]. Например: *esculptura* «скульптура» < *sculptura*; *escuela* «школа» < *schola*; *escritorio* «письменный стол» < *scriptorium*; *escoplo* «долото» < *scalprum*; *escoba* «метла» < *scopa*; *escalera* «лестница» < *scalaria*; *espuerta* «плетеная корзина» < *sporta*; *esponsales* «помолвка» < *sponsalis*; *estrofa* «строфа» < *strophe*; *estricto* «точный, строгий» < *strictus*; *estipendio* «стипендия, жалованье» < *stipendium*; *estatua* «статуя, изваяние» < *statua*.

Возросшие политические, экономические и культурные связи Испании со многими странами мира ведут к развитию и расширению лингвистических контактов испанского языка с другими языками и, в частности, с английским, претендующим на роль международного языка политики, науки, торговли. Взаимодействие испанского и **английского** очевидно (13,6 %). Выделяются следующие сферы, подверженные влиянию английского языка: спорт, журналистика, кино, бизнес, наука [Бухарова 1994: 14]: *scooter* «мотороллер», *score* «счет», *scout* «скаут», *scotch* «липкая лента», *spoiler* «спортивная машина», *spinning* «удочка, спиннинг», *stretching* «растяжка в гимнастике», *stick* «хоккейная клюшка», *stock* «запас товаров». Английские слова в испанском языке могут иметь два варианта написания: в исконной графике и измененной, исходя из правил графической системы испанского языка, например: *stator* и *estator* «статор», *estrés* и *stress* «стресс», *spleen* и *ésplin* «хандра, сплин». Существование двух форм одного слова

объясняется выступлениями испанских ученых против чрезмерного распространения английских слов и оборотов.

Для романских языков и, в частности для испанского, характерно создание многих терминов на **греческой основе** (12,1 %): *escolio* «схолия» < *skholion*; *estafilococco* «стафилококк» > *staphyle-kokkos*; *estenosis* «стеноз» < *stenos*; *estetoscopio* «стетоскоп» < *stêthos* и *scopio*; *estreptomycin* «стрептомицин» < *streptos* и *myke*; *estalactita* «сталактит» < *stalaktos*; *estalgmita* «сталагмит» < *stalagmitos*; *estatica* «статика» < *statika*; *espora* «спора» < *spora*.

Изучаемых слов **итальянского происхождения** немного (5,8 %). Итальянизмы начали регулярно появляться в испанском языке довольно поздно, с распространением тенденций Возрождения в литературе и культуре (XV в.) [Сергиевский 2008: 201]. До этого времени итальянизмы встречаются лишь в очень незначительном количестве и спорадически. В XVI в. в связи с завоеванием ряда итальянских земель и знакомством широкого круга испанцев с новой культурой сфера итальянизмов расширяется [Григорьев 2004: 71]. Итальянский язык способствовал появлению в испанском определенного количества слов, относящихся к сфере культуры, торговли, воинского дела, и некоторыми новыми явлениями быта, с которыми испанцы впервые познакомились у итальянцев [Шишмарев 2008: 153]: *escollo* «подводный камень» < *scoglio*; *escopeta* «ружье» < *schioppetto*; *espadachin* «фехтовальщик» < *spadaccino*; *espineta* муз. «спинет» < *spinetta*; *espoleta* «взрыватель» < *espoletta*; *estafermo* «манекен» < *sta fermo*; *estafeta* «эстафета» < *staffetta*; *estropear* «портить, повреждать» < *stroppiare*; *spaghetti* «спагетти» < *spaghetti*.

Слова, заимствованные из французского языка, немного уступают итальянским (5,5 %). Начиная с XI в. влияние **французского языка** и его диалектов благодаря тесным военным и культурным связям носит постоянный характер. Первое появление галлицизмов в испанском языке связывают с церковной реформой, заменой вестготской, «мосарабской», службы романской, исчезновением вестготского письма, а также

с распространяющимися атрибутами феодального строя, классическим представителем которого была Франция. Однако в связи со становлением нормы испанского (кастильского) языка функции заимствованных слов меняются – наряду с обозначением новых, неизвестных испанцам реалий и понятий они используются и более узко для стилизации, в угоду моде и т. п. [Григорьев 2004: 70]. Французские заимствования представлены словами с опорной гласной: *escalope* «эскалоп» < *escalope*; *estofa* «штоф, ткань» < *estofe*; *estoque* «длинная шпага» < *estoc*; *estragon* «тархун» < *estragon*. Ранее мы выяснили, что это не есть исконные французские слова, т. е. они являются опосредованными заимствованиями, вошедшими в испанский язык через посредство французского.

Другие языки (6,9 %): **готский**: *espia* «шпион, разведчик» < *spahia*; *espuela* «шпора на сапоге» < *spaura*; **немецкий**: *espato* «шпат» < *spat*; **арабский**: *escabeche* «маринад» < *sabkbay*; *escaque* «шахматы» < *as-sikak*; *escarlata* «ярко-красный» < *iskirlata*; *espinata* «шпинат» < *ispinab*; **голландский**: *escaparate* «стеклянный шкаф» < *schaprade*; **русский**: *estepa* «степь» < *step*; *sputnik* «спутник» < *sputnik*.

Одной из важных универсальных особенностей лексики романских языков является наличие в каждом из них элементов, унаследованных от латыни архаического, классического, вульгарного периодов ее развития и от книжной латыни Средневековья и Возрождения, а также греческих формантов [Грамматика 1978: 41]. Вторая отличительная особенность романских языков – многочисленные заимствования из английского языка. Связано это, прежде всего, с его международным статусом. Самым общим основанием для заимствования латинизмов, равно как и лексики из других языков, является потребность в обозначении новых понятий, во введении специальных терминов.

Выводы по разделу 4

Изучение любого языка невозможно представить без рассмотрения его «внешней стороны», а именно графики. Графика как научная дисциплина устанавливает сложные взаимосвязи между фонемным и буквенным составом того или иного языка в истории и на современном этапе. Начиная с И. А. Бодуэна де Куртенэ изучение графической системы языка традиционно привлекает внимание исследователей. На фоне исконных графических элементов, присущих тому или иному языку, исследователи выделяют маркеры иноязычности слова. Их наличие в графической системе языка объясняется вхождением заимствованных слов в собственной графике в результате языковых контактов. Следовательно, в графике слова отражается такое лексическое явление, как заимствование.

В лингвистической литературе существуют различные взгляды на определение заимствованного слова, а также нет четкого разграничения между заимствованным и иноязычным словом. Используя в своей работе термин «иноязычное слово», мы имеем в виду слово, которое заключает в себе печать «чужеродности». Анализ научных работ в области иноязычной лексики и собственное исследование графики романских языков позволили нам выделить признаки иноязычности слова: фонетический (произношение), графический и морфемный (префиксы, суффиксы, корни, буквосочетания), семантический (экзотическое значение слова). По этим признакам возможно с большой достоверностью определение языка-источника, из которого пришло конкретное слово.

Проведенное нами исследование показало, что универсальными графическими маркерами иноязычности слов в трех рассматриваемых романских языках являются латинские, греческие и английские элементы. Господство латинского языка на раннем этапе становления романских языков создало предпосылки для заимствования латинских слов. Известно, что латинский язык послужил не только лексической основой для романских языков, но и источником, из которого романские языки брали недостающие элементы, даже после того, как он стал

мертвым языком. В свою очередь, сам латинский язык обогатился с помощью заимствования греческих элементов. В связи с прогрессом научных знаний ученые, философы длительное время создавали многочисленные термины по образцу греческих слов. Графические и морфемные форманты из латинского и греческого языков стали очень продуктивными в романских языках. Греко-латинский фонд корней, словообразовательных аффиксов выделяется в особый класс так называемых интернационализмов, т. е. слов и строительных элементов словаря, получивших распространение во многих языках мира.

В XVIII–XIX вв. на роль международного языка начинает претендовать английский язык. Многочисленные маркеры английского происхождения проникают в графическую систему романских языков. Если ранние англицизмы интегрировались графически (англ. *packet-boat* > фр. *paquebot*; англ. *roast-beef* > итал. *rosbif*), то поздние английские заимствования входят в большинстве случаев в графическую систему романских языков без изменений (англ. *scooter* > единая форма для фр., итал., исп. *scooter*). Английские маркеры, которые встречаются в трех изучаемых романских языках, мы отнесли к разряду универсальных.

Специфичные графические маркеры иноязычности слов в романских языках представлены заимствованиями из немецкого, арабского, а также взаимными романскими элементами ввиду территориальной близости французского, итальянского и испанского языков. Особенность подобных маркеров в том, что они характерны только для одного или двух из трех изучаемых языков. Это относится к формантам из немецкого языка, которые, в отличие от испанского, встречаются только во французском и итальянском языках, либо маркеры иноязычности, присущие одному из романских языков.

В ходе собственного анализа графических систем романских языков были выявлены буквосочетания *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* в начальной позиции, которые являются в полной мере иноязычными маркерами для французского языка. Слова с начальной графикой *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* во французском языке являются заимствованиями из древних языков

(латинского и греческого) и современных (английского, немецкого, итальянского, испанского, русского и др.) языков. Этимологическая характеристика слов с подобной графикой в итальянском и испанском языках свидетельствует о том, что в итальянском языке только слова с графикой *esc-*, *esp-*, *est-* несут в себе печать иноязычного происхождения, слова на *sc-*, *sp-*, *st-* относятся как к исконной, так и к заимствованной лексике. Обратная ситуация наметилась в испанском языке. В отличие от итальянского языка, для испанского языка нехарактерны написания *sc-*, *sp-*, *st-* в начале слов, что свидетельствует о заимствованиях, как правило, из английского языка, а слова с графикой *esc-*, *esp-*, *est-* входят в исконную и заимствованную лексику. Отсюда следует, что единая графика слов родственных языков не является маркированной в плане иноязычности.

Изучение графической системы языка дает информацию о датировке фонетических изменений, происходивших в истории романских языков. В нашем случае слова с графикой *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* в начале слова указывают на фонетический процесс добавления протетической гласной перед группой согласных *sc-*, *sp-*, *st-*, начавшийся еще в народной латыни во II в. н. э. и закончившийся, например во французском языке, в XII в. В итальянском языке данный процесс не состоялся, а в испанском гласная *e* добавилась к сочетаниям *sc-*, *sp-*, *st-*, но редукции *s* не произошло. Такое расхождение в близкородственных языках объясняется различным действием фонетических изменений в языках, а графика слова указывает на определенные фонетические процессы, происходившие в языке на протяжении его истории. Таким образом, в графике проявляется семиотичность языка как системы: для французского языка в начальной позиции слова маркерами иноязычности являются *sc-*, *sp-*, *st-* / *esc-*, *esp-*, *est-* для итальянского – *esc-*, *esp-*, *est-*, для испанского – *sc-*, *sp-*, *st-*.

Графическое оформление слова любого языка в диахронии и синхронии свидетельствует о языковых процессах, происходящих в языке, как на интралингвистическом, так и на экстралингвистическом уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение *метода сравнения* в динамическом аспекте позволяет увидеть, как развиваются взгляды ученых на возможности процедуры сравнения языков и все более глубинное понимание их природы. Сравнительно-историческое языкознание поставило вопрос о необходимости изучения языков в сравнении. Оно определило преимущественный интерес к сходствам между ними, что достигло своего апогея в типологии и привело к возможности выделения структурных сходств, возникновению понятий системы и структуры языка. Интерес к различиям между языками возник в процессе совершенствования типологических исследований и все более глубокого познания языков. Контрастивная (сопоставительная) лингвистика является закономерным этапом развития метода сравнения, подготовленного всем ходом развития сравнительного языкознания.

За понятиями сходств и различий скрываются непростые отношения формы и содержания языковых знаков, диалектическая связь между которыми и является предметом изучения в современных лингвистических исследованиях, основанных на методе сравнения. Проведенный анализ перспектив развития данного метода показывает, что его будущее во многом зависит от возможности интеграции разных направлений сравнительного языкознания, в том числе достижений контрастивной лингвистики и типологии. Комплексное интегративное применение приемов и методик изучения языковых явлений, основанных на сравнении, позволяет выйти за рамки конкретного направления и продвинуть исследование на новый уровень познания.

Исследование лексики разносистемных и родственных языков с использованием различных приемов сравнения позволяет прояснить многие явления в их развитии.

При исследовании *наименований наук* в романских (французском, испанском, итальянском), германских (английском, немецком) и славянском (русском) языках на диахронном и синхронном уровнях выявлено следующее.

- Одни и те же термины, обозначающие наименования наук, могут отличаться друг от друга в каждом из изучаемых языков различным содержательным наполнением в разные эпохи. Языковые средства указывают на отсутствие четкой дифференциации наук на этапе их становления.
- Номинация областей научного знания на протяжении всей истории становления наук осуществляется способом вторичного использования языковых единиц. Основным способом номинации областей научного знания в рассматриваемых языках является словосложение.
- Появление новых наук, с одной стороны, обуславливает открытость рассматриваемой терминологической группы новым способам словообразования, с другой стороны, данная терминологическая группа проявляет определенную закрытость, так как в ней используются традиционные интернациональные форманты и приемы словообразования.
- Характерное для научных терминов стремление к однозначности не может быть применимо к наименованиям наук в целом. Полисемия характерна для слов, появившихся на ранних этапах развития научного знания.
- Для терминов, обозначающих наименования деятелей наук, характерен андроцентризм, отражающий гендерное соотношение в науке: занятие науками на протяжении веков традиционно было привилегией мужчин.

Синхронно-диахронное исследование *интернационализмов французского происхождения* на материале германского

(английского) и славянского (русского) языков позволяет прийти к такому заключению.

- В интернациональной лексике находят отражение своеобразие экстралингвистических условий принимающего языка и характер воздействия языка-источника. Чем продолжительнее языковой контакт и чем территориально ближе народы, тем сильнее воздействие языка-источника.
- При более длительном языковом контакте интернационализм закрепляется в языке-реципиенте, сохраняя большинство значений слова-источника, а также развивая собственные значения. При непродолжительном контакте слово закрепляется с одним-двумя значениями, зачастую второстепенными.
- Идентичная материальная оболочка интернационализмов не означает семантической эквивалентности. Значительное количество интернационализмов, имеющих разное семантическое наполнение, являются псевдоэквивалентами.
- Существует прямая зависимость между временем пребывания интернациональной единицы в языке и степенью ее освоения. Длительно присутствующее в языке иноязычное слово отвечает произносительным нормам языка-акцептора, имеет инвариантную графическую форму, обладает всеми грамматическими категориями языка-акцептора.

Синхронно-диахронное исследование *графики иноязычной лексики* в романских (французском, испанском, итальянском) языках свидетельствует о следующем.

- Изучение графической системы языков позволяет выявить графические маркеры иноязычного происхождения. В определении признаков иноязычности ведущую роль играет этимологический принцип.

- Иноязычная графика слова указывает на определенные языковые процессы (фонетические, лексические, семантические), которые происходят в ходе исторического развития языков.
- В словах родственных языков с одинаковой графикой в начальной позиции слова проявляется различная маркированность в плане иноязычности.
- Классификация изучаемой лексики по понятийным группам с учетом корреляции «исконная / неисконная» отражает универсальный характер лексической системы языков в разные периоды его существования.

Таким образом, комплексный подход к изучению лексики разносистемных и родственных языков позволяет увидеть как общность, так и многообразие явлений в диалектическом единстве.

В связи с увеличивающимися контактами между людьми разных стран и культур возрастает потребность в специалистах, владеющих несколькими иностранными языками. В этой связи сравнительные исследования закономерностей развития языков представляются актуальными. Подобного рода исследования имеют практическую значимость в процессе формирования многоязычной личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агаркова, О. А.* Французский язык и «ложные друзья переводчика» [Текст] / О. А. Агаркова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (21): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 3 ч. – Ч. 1. – С. 9–12.
2. Актуальные проблемы сопоставительного языкознания: материалы науч.-практ. конф. [Текст]. – Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 1998.
3. *Акуленко, В. В.* Вопросы интернационализации словарного состава языка [Текст] / В. В. Акуленко. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1972.
4. *Акуленко, В. В.* Существует ли интернациональная лексика? [Текст] / В. В. Акуленко // Вопросы языкознания. – № 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 60–69.
5. *Алисова, Т. Б.* Введение в романскую филологию: Учебник [Текст] / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987.
6. *Алисова, Т. Б.* История итальянского языка: От первых памятников до XVI века: монография [Текст] / Т. Б. Алисова, И. И. Чельшева. – М.: Изд-во МГУ, 2009.
7. *Алисова, Т. Б.* Введение в романскую филологию: учебник [Текст] / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2007.
8. *Аракин, В. Д.* Типология языков и проблема методического прогнозирования [Текст] / В. Д. Аракин. – М.: Высш. шк., 1989.
9. *Арапова, Н. С.* Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова [Текст] / Н. С. Арапова // Вестник Моск. ун-та. Филология. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – № 4. – С. 9–16.

10. *Арапова, Н. С.* Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря [Текст] / Н. С. Арапова. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
11. *Аристова, В. М.* Англо-русские языковые контакты: англицизмы в русском языке [Текст] / В. М. Аристова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
12. *Аркадьев, П. М.* Вид в русском и некоторых других языках [Электронный ресурс] / П. М. Аркадьев. – URL: <http://www.lingling.ru/>
13. *Аролович, А. В.* Общее и различное в интернациональной лексике романских языков [Текст] / А. В. Аролович // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 38–55.
14. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – 4-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2007.
15. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли; пер. с фр. яз. Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. – 2-изд., стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
16. *Банкав, А. Я.* Роль французского языка в интернационализации словарного состава нероманских языков [Текст] / А. Я. Банкав // Современные проблемы романистики: функциональная семантика: тез. V всесоюз. конф. по романскому языкознанию. – Т. I. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – С. 17–19.
17. *Баш, Л. М.* Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты [Текст] / Л. М. Баш // Вестник Моск. ун-та. Филология. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – № 4. – С. 22–34.
18. *Бельчиков, Ю. А.* Русский литературный язык во второй половине XIX века [Текст] / Ю. А. Бельчиков. – М.: Высш. шк., 1974.
19. *Биржакова, Е. Э.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты

- и заимствования [Текст] / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. – Л.: Наука, 1972.
20. *Богаченко, Н. Г.* История восточно-азиатских заимствований в английском языке: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н. Г. Богаченко. – Владивосток, 2003.
 21. *Бонфанте, Д.* Романизованное население Италии и германцы [Текст] / Д. Бонфанте // Современное итальянское языкознание. – М.: Прогресс, 1971. – С. 92–136.
 22. *Бородина, М. А.* К типологии и методике историко-семантических исследований: на материале лексики фр. яз. [Текст] / М. А. Бородина, В. Г. Гак. – Л.: Наука, 1979.
 23. *Брунова, Е. Г.* Современные подходы к этимологическому анализу [Электронный ресурс] / Е. Г. Брунова // Язык и литература. – 2001. – Вып. 14. – URL: www.frgf.utmn.ru
 24. *Будагов, Р. А.* Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1985.
 25. *Будагов, Р. А.* Что такое развитие и совершенствование языка? [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1977.
 26. *Будагов, Р. А.* Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки) [Текст] / Р. А. Будагов. – 2-е изд. – М.: Добросвет-2000, 2004.
 27. *Будагов, Р. А.* Сходства и несходства между родственными языками (Романский лингвистический материал) [Текст] / Р. А. Будагов. – 2-е изд. – М.: Добросвет-2000, 2004.
 28. *Булдакова, М. Н.* Образования с начальным анти- в русском языке (на материале имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М. Н. Булдакова. – Казань, 1993.
 29. *Бухарова, С. Ю.* Специфика заимствований в испанском языке (на материале арабизмов и англицизмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / С. Ю. Бухарова. – М., 1994.

30. *Вайнрайх, У.* Одноязычие и многоязычие [Текст] / У. Вайнрах // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25–60.
31. *Варбот, Ж. Ж.* Этимология [Электронный ресурс]. 2001. URL: www.gramota.ru/biblio/magazines
32. Введение в германскую филологию [Текст] / М. Г. Арсентьева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. – М.: ГИС, 1998, 2003.
33. *Введенская, Л. А.* Русский язык и культура речи: учеб. пособие [Текст] / Л. А. Введенская, М. Н. Черкасова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004.
34. *Виноградов, В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове [Текст] / В. В. Виноградов. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1972.
35. *Виноградов, В. С.* Лексикология испанского языка: учебник для ун-тов [Текст] / В. С. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1994.
36. *Винокур, Г. О.* О задачах истории языка [Текст] / Г. О. Винокур // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. – 3-е изд. – Ч. – М.: Просвещение, 1965.
37. *Винокурова, В. Н.* Закономерности развития семантической структуры лексических заимствований в современном английском языке [Текст] / В. Н. Винокурова // Актуальные вопросы языкознания и интенсификации преподавания иностранных языков. – Минск: Наука и техника, 1993. – С. 33–37.
38. *Володарская, Э. Ф.* Заимствование как универсальное лингвистическое явление [Текст] / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 11–28.
39. *Володарская, Э. Ф.* Изменение ударения во французских заимствованиях английского языка как признак интеграции иноязычного материала [Текст] / Э. Ф. Володарская // Вопросы филологии. – 2005. – № 3 (21). – С. 31–39.

40. *Воркачев, С. Г.* Эталонность в сопоставительной семантике [Электронный ресурс] / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 25. – М., 2003 – С. 6–15. – URL: philol.msu.ru.
41. *Воронина, О. А.* Социокультурные детерминаты развития гендерной теории в России и на Западе [Текст] / О. А. Воронина // Общественные науки и современность. – М.: Наука, 2000. – № 4. – С. 9–19.
42. *Гак, В. Г.* Введение во французскую филологию: учеб. пособие для студентов 1 курса пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Просвещение, 1986.
43. *Гак, В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков: учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» [Текст] / В. Г. Гак. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1983.
44. *Гак, В. Г.* Французская орфография: учеб. пособие [Текст] / В. Г. Гак. – 2-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2006.
45. *Гладких, В. В.* К вопросу о функционировании поздних заимствований в современном английском языке [Текст] / В. В. Гладких // Функционирование языковых единиц в контексте. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – С. 71–78.
46. *Галанова, Е. И.* «Строительство» слов [Электронный ресурс] / Е. И. Галанова // Вестник Олимпиады «Светозар», 2004. – № 7–8. URL: <http://www.svetozar.ru/lmgvo/derivation/5.shtml>.
47. *Головин, Б. Н.* Введение в языкознание [Текст] / Б. Н. Головин. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1983.
48. *Гончарова, В. А.* Сопоставительный структурно-семантический анализ новообразований с элементом анти- / anti- в русском и английском языках: на материале современных масс-медиа: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В. А. Гончарова. – Майкоп, 2007.
49. Грамматика и семантика романских языков: к проблеме универсалий [Текст]. – М.: Наука, 1978.

50. *Греймас, А.-Ж.* Структурная семантика: Поиски метода [Текст] / А.-Ж. Греймас / пер. с фр. Л. Зиминой. – М.: Академический Проект, 2004.
51. *Григорьев, В. П.* История испанского языка: учеб. пособие [Текст] / В. П. Григорьев. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
52. *Гумбольдт, В.* Язык и философия культуры [Текст] / В. Гумбольдт / пер. с нем. яз.; общ. ред. и вступ. статья д-ра филос. н. проф. А. В. Гулыги и д-ра филол. н. проф. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985.
53. *Гуревич, Г. И.* Лоция будущих открытий [Текст] / Г. И. Гуревич. – М., 1990.
54. *Гурычева, М. С.* Народная латынь [Текст] / М. С. Гурычева. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.
55. *Дажаббаров, Р. Д.* Арабские заимствования во французском языке: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Р. Д. Дажаббаров. – Баку, 1984.
56. *Демьянов, В. Г.* Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века [Текст] / В. Г. Демьянов. – М.: Наука, 1990.
57. *Денисов, П. Н.* Еще о некоторых аспектах изучения языков науки [Текст] / П. Н. Денисов // Проблема языка науки и техники. – М.: Наука, 1970.
58. *Джонсон, Е. М.* Иноязычное слово: термин, понятие, реалья [Электронный ресурс] / Е. М. Джонсон. URL: www.englishschool.ru/publ/interesno_kazhdomu//inojazychnoe_slovo_termin_ponjatie_realija/
59. *Доза, А.* История французского языка [Текст] / А. Доза; пер. с фр. Е. Н. Шор; под ред., с предисл. М. С. Гурычевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2006.
60. *Должанская, Ц. Л.* Живопись, скульптура, архитектура: пособие для студ. пед. ин-тов на фр. яз. [Текст] / Ц. Л. Должанская. – Л.: Просвещение, 1970.
61. *Евсюкова, Т. В.* Лингвокультурологическая концепция «словаря культуры»: дис. ... д-ра филол. наук

- [Электронный ресурс] / Т. В. Евсюкова. – Нальчик, 2002.
URL: <http://31f.ru/dissertation/>
62. *Жабина, Е. В.* Англо-американские заимствования в лексике немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. В. Жабина. – Барнаул, 2001.
 63. *Завадовская, Г. В.* Процесс освоения арабских заимствований во французском языке [Текст] / Г. В. Завадовская // Семитские языки. – М., 1963. – С. 99–114.
 64. *Зайнутдинова, А. Р.* Отражение графического параллелизма в истории русского письма: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / А. Р. Зайнутдинова. – Казань, 2004.
 65. *Зеленин, А. В.* Слова с приставкой анти-, противо- в эмигрантской публицистике [Текст] / А. В. Зеленин // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 82–86.
 66. *Зеленина, Т. И.* Интернациональная лексика в удмуртском языке [Текст] / Т. И. Зеленина. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1996.
 67. *Зеленина, Т. И.* Многоязычный словарь на основе французской лексики, заимствованной русским и удмуртским языками [Текст] / Т. И. Зеленина, Б. Ш. Загуляева, Н. В. Буторина. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2003.
 68. *Зеленина, Т. И.* Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт [Текст] / Т. И. Зеленина. – СПб.: Филол. ф-т С.-Петербур. ун-та, 2002.
 69. *Зеленина, Т. И.* От имен собственных к нарицательным: этимологический словарь [Текст] / Т. И. Зеленина. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1997.
 70. *Зеленина, Т. И.* Этимологическая характеристика французских слов с начальным «h» [Текст] / Т. И. Зеленина // Семантика языковых единиц разных уровней (на материале романо-германских языков): тез. докл. науч.-практ. конф. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 1992. – С. 166–167.

71. *Зорько, А. С.* К вопросу об ассимиляции итальянских заимствований во французском языке / А. С. Зорько // МГПИИЯ им М. Тореца. Ученые записки. – 1972. – Вып. 67. – С. 244–268.
72. *Зубова, Т. Е.* Введение в романскую филологию: для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / Т. Е. Зубова, Л. Ф. Кистанова, А. И. Чапля. – Минск: Вышэйш. шк., 1983.
73. *Ильиш, Б. А.* История английского языка [Текст] / Б. А. Ильиш. – 4-е изд., переработ. и доп. – М.: Изд-во литерат. на иностр. яз., 1958.
74. *Ипполитова, Л. В.* Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем: на материале имен существительных с суффиксом -ёр: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Л. В. Ипполитова. – М., 2003.
75. *Ищенко, Е. Н.* Специфика гуманитарного познания как эпистемологическая проблема [Текст] / Е. Н. Ищенко // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 179–189.
76. *Калинин, А. В.* Лексика русского языка [Текст] / А. В. Калинин. – 3-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
77. *Капитан, М. Е.* О закономерностях сохранности латинской лексики в современных романских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Текст] / М. Е. Капитан. – М., 1995.
78. *Караулов, Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1981.
79. *Карлинский, А. Е.* Экспериментальное изучение лексической интерференции в прикладных целях [Текст] / А. Е. Карлинский // Сравнительно-сопоставительное изучение языков и интерференция: сб. науч. тр. – Алма-Ата: Изд-во Казах. гос. ун-та, 1989. – С. 51–60.
80. *Карцевский, С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Электронный ресурс] / С. О. Карцевский. URL: <http://philology.by/uploads/logo/ref/kartsevsky.pdf>

81. *Катагощина, Н. А.* История французского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1976.
82. *Кацнельсон, С. Д.* Общее и типологическое языкознание [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986.
83. *Кимягарова, Р. С.* Типы и виды адаптаций заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII–XX вв.) [Текст] / Р. С. Кимягарова // Вестник Моск. ун-та. Филология. – 1989. – № 6. – С. 69–78.
84. *Кирилина, А. В.* Гендерные исследования в лингвистике сегодня [Текст] / А. В. Кирилина, Е. И. Горошко // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С. 26–33.
85. *Климов, Г. А.* Основы лингвистической компаративистики [Текст] / Г. А. Климов. – М.: Наука, 1990.
86. *Кобрина, Н. А.* Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие [Текст] / Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – М.: Высш. шк., 2007.
87. *Конецкая, В. П.* Введение в сопоставительную лексикологию германских языков [Текст] / В. П. Конецкая. – М.: Высш. шк., 1993.
88. Контрастивная грамматика. Языки народов СССР – германские языки: сб. науч. тр. [Текст]. – Калинин: КГУ, 1984.
89. *Корлэтяну, Н. Г.* Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками [Текст] / Н. Г. Корлэтяну. – М.: Наука, 1974.
90. *Кочергина, В. А.* Введение в языкознание: учеб. пособие для вузов [Текст] / В. А. Кочергина. – М.: Академический проект «Гаудеамус», 2004.
91. *Кочурова, Ю. Н.* Интернационализмы французского происхождения в диахронии и синхронии: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ю. Н. Кочурова. – Ижевск, 2010.

92. *Крысин, Л. П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. – 1996. – № 6. – С. 56–61.
93. *Крысин, Л. П.* Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Знак, 2008.
94. *Крысин, Л. П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Языки русской культуры, 1995.
95. *Крысин, Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1968.
96. *Кубрякова, Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М., 1981.
97. *Культурология. XX век: словарь.* – СПб.: Университетская книга, 1997.
98. *Лапина, М. С.* Латинизмы в современных языках [Текст] / М. С. Лапина, А. С. Калиниченко, О. Д. Феоктистова. – Киев: Вища шк., 1985.
99. *Лебедев, М. В.* Стабильность языкового значения [Текст] / М. В. Лебедев. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
100. *Лейчик, В. М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура [Текст] / В. М. Лейчик. – М.: Едиториал УРСС, 2006.
101. *Леонтьев, А. А.* Иноязычные выражения в русской речи [Текст] / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – М., 1966. – № 7. – С. 60–68.
102. *Лингвистический энциклопедический словарь* [Текст]. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
103. *Лингвокультурный анализ языковых картин мира: динамика и сопоставление* [Текст] / А. Х. Мерзлякова, Е. Н. Руденко, А. А. Кожина и др.; отв. ред. А. Х. Мерзлякова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011.
104. *Листрова, Ю. Т.* Иноязычные вкрапления: библеизмы в русской литературной речи XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Текст] / Ю. Т. Листрова. – М., 2006.

105. *Лобашевская, Т. А.* Развитие и функционирование этимологических дублетов латинского происхождения во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Т. А. Лобашевская. – М., 1973.
106. *Ляпина, Н. П.* Интерлингвальные терминологические связи [Текст] / Н. П. Ляпина // Слово в словаре и тексте. – М.: МГУ, 1991.
107. *Маковский, М. М.* Английская этимология: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Высш. шк., 1986.
108. *Мамонтов, С. П.* Испанский язык. Историко-лингвистический очерк [Текст] / С. П. Мамонтов. – М.: УДН, 1966.
109. *Манакин, В. Н.* Сопоставительная лексикология [Текст] / В. Н. Манакин. – Киев: Знання, 2004.
110. *Маринова, Е. В.* Экзотизмы как объект лексикологии [Текст] / Е. В. Маринова // Аванесовские чтения: тез. докл. – М., 2002. – С. 175–177.
111. *Маринова, Е. В.* Особенности формальной адаптации иноязычной лексики в современном русском языке [Текст] / Е. В. Маринова // Res philologica: учен. записки / отв. ред., сост. Э. Я. Фесенко. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 173–177.
112. *Мартине, А.* Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии [Текст] / А. Мартине; пер. с фр.; под ред. и со вступ. ст. В. А. Звегинцева. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2006.
113. *Мечковская, Н. Б.* История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета: курс лекций по общ. языкозн. [Текст] / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта: Наука, 2009.
114. *Мечковская, Н. Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков [Текст] / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд. – Мн.: Амалфея, 2004.
115. Наука у Аристотеля [Электронный ресурс] // URL: Philosoff.RU

116. *Никитин, М. В.* Структура лексического значения и его вариативность [Текст] / М. В. Никитин // Романогерманская филология: Вестник Киевского университета. – Киев: Вища школа, 1985. – Вып. 19. – С. 57–62.
117. *Нифанова, Т. С.* Сопоставительное описание семантических единиц разных языков [Текст] / Т. С. Нифанова. – Архангельск: Поморский университет, 2004.
118. *Общее языкознание. Методы лингвистических исследований* [Текст] / под ред. Б. А. Серебrenникова. – М.: Наука, 1973.
119. Паспорт специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» [Электронный ресурс]. URL: : originweb.info.
120. *Попова, Е. Л.* Греческие форманты во французском языке [Текст] / Е. Л. Попова // Романские языки и культуры: от античности до современности. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 64–65.
121. *Порецкий, Я. И.* Элементы латинского словообразования и современные языки [Текст] / Я. И. Порецкий. – Минск: Вышэйш. шк., 1977.
122. *Потапов, В. В.* Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии [Текст] / В. В. Потапов // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2002. – С. 103–126.
123. *Репина, Т. А.* Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский): учебник [Текст] / Т. А. Репина. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
124. *Реформатский, А. А.* Введение в языковедение: учебник для вузов [Текст] / А. А. Реформатский; под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 2001.
125. *Рогов, Е. И.* Психология познания [Текст] / Е. И. Рогов. – М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 1998.
126. *Рязанцев, В. Д.* Имена и названия: Словарь эпонимов: имена собственные, перешедшие в названия [Текст] / В. Д. Рязанцев. – М.: Современник, 1998.

127. *Салимова, Р. И.* Орфографическая поливариантность заимствованной безэквивалентной лексики севера (на примере эскимосского и чукотского языков) [Текст] / Р. И. Салимова // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 91–93.
128. *Сергиевский, М. В.* История французского языка: учебник [Текст] / М. В. Сергиевский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
129. *Серова, Л. Ф.* Проблема сексизма во французском языке и попытки ее решения [Текст] / Л. Ф. Серова // Романские языки в прошлом и настоящем / под ред. Т. И. Зелениной. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007. – С. 210–221.
130. *Сильницкий, Г. Г.* Квантитативная грамматико-фонетическая типология языков и языковых признаков [Текст] / Г. Г. Сильницкий. – Смоленск, 2004.
131. *Скрелина, Л. М.* История французского языка: учебник для вузов, рек. МО РФ [Текст] / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2005.
132. *Смирницкий, А. И.* Лексикология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. – М.: Изд-во МГУ, 1998.
133. *Соболевский, А. И.* История русского литературного языка [Текст] / А. И. Соболевский; подгот. А. А. Алексеев. [Публикуется впервые.] – Л.: Наука, 1980 [1889].
134. Современный философский словарь [Текст] / под общ. ред. В. Е. Кемерова. №-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.
135. *Соёлсурен, Б.* Иноязычные слова с заимствованными суффиксами в современном русском языке: на материале слов с суффиксами -аж, -ер, -инг: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Б. Соёлсурен. – М., 2003.
136. *Сорокин, Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90 гг. XIX в. [Текст] / Ю. С. Сорокин. – М.; Л.: Наука, 1965.

137. *Сороколетов, Ф. П.* История военной лексики в русском языке: XI–XVIII вв. [Текст] / Ф. П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1970.
138. *Соссюр, Ф.* Заметки по общей лингвистике [Текст] / Ф. Соссюр. – М., 2000.
139. Сравнительная философия [Текст]. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
140. *Стребков, Д. С.* «Оборачивание метода» в энергетике и физике [Электронный ресурс] / Д. С. Стребков, И. И. Свентицкий, А. И. Некрасов, Е. О. Алхазова. URL: viesh.ru/old/Publication_RAN.doc
141. *Судакова, О. В.* Ложные друзья переводчика [Текст] / О. В. Судакова // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 2 ч. – Ч. 1. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 8 (27). – С. 152–154.
142. *Сумеркина, С. Е.* О некоторых особенностях интернациональных слов (на материале биологических терминов) [Текст] / С. Е. Сумеркина // Вопросы теории и практики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах ун-тов: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1978. – Вып. 2. – С. 89–91.
143. *Сухорукова, Ю. С.* Динамика семантических процессов заимствований в современном французском языке: свободный и связный контекст: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ю. С. Сухорукова. – СПб., 2005.
144. *Тимофеева, Г. Г.* Принципы и способы передачи заимствованных слов [Текст] / Г. Г. Тимофеева // Язык и письмо: межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1991.
145. *Федорова, И. А.* Графические маркеры иностранного происхождения во французском языке [Текст] / И. А. Федорова // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: сб. науч. ст. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 126–129.

146. *Федуленкова, Т. Н.* Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Т. Н. Федуленкова. – Северодвинск, 2006.
147. *Федченко, Е. Д.* Фонетико-графические и семантические особенности англицизмов в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. Д. Федченко. – Киев, 1990.
148. *Феоклистова, В. М.* Окказиональные иноязычные вкрапления в художественных текстах и языке средств массовой информации [Текст] / В. М. Феоклистова // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы науч. конф. – Тверь, 1999. – С. 126–128.
149. *Филинкова, Е. О.* Графико-орфографическое иноязычие в контексте полизнаковости русского письма постсоветского периода: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Е. О. Филинкова. – Красноярск, 2004.
150. *Философия науки в вопросах и ответах* [Текст] / В. П. Кохановский [и др.]. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.
151. *Харьковская, А. А.* Когнитивные аспекты эволюции гендерных маркеров в английском языке [Электронный ресурс] / А. А. Харьковская. URL: www.ssu.samara.ru/vestnik/ 1999.
152. *Хауген, Э.* Процесс заимствования [Текст] / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 344–382.
153. *Хлынова, О. С.* Лексико-грамматическая адаптация германских заимствований в русском языке конца XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О. С. Хлынова. – Волгоград, 2001.
154. *Чейф, У. Л.* Значение и структура [Текст] / У. Л. Чейф; пер. с англ. Г. С. Щура. – М.: Прогресс, 1975.
155. *Чекалина, Е. М.* Лексикология французского языка: учеб. пособие [Текст] / Е. М. Чекалина, Т. М. Ушакова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998.

156. *Чельшева, И. И.* Формирование романских литературных языков: итальянский язык [Текст] / И. И. Чельшева. – М.: Наука, 1990.
157. *Черданцева, Т. З.* Очерки по лексикологии итальянского языка: учеб. пособие [Текст] / Т. З. Черданцева. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
158. *Шафиков, С. Г.* Лингвистическая типология в комментариях и извлечениях: учеб. пособие [Текст] / С. Г. Шафиков. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.
159. *Шахбаз, В. А.* Слова арабского происхождения на территории романо-германского лингвистического ареала. Пути вхождения: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / В. А. Шахбаз. – М., 2005.
160. *Шахрай, О. Б.* К вопросу о смысловых взаимоотношениях интернациональных слов в разных словах [Текст] / О. Б. Шахрай // ИЯШ. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва Просвещения РСФСР, 1955. – № 1. – С. 24–31.
161. *Широкова, А. В.* Сопоставительная типология разноструктурных языков [Текст] / А. В. Широкова. – М.: Добросвет, КДУ, 2006.
162. *Шишмарев, В. Ф.* Очерки по истории языков Испании [Текст] / В. Ф. Шишмарев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
163. *Шишмарев, В. Ф.* Избранные статьи: История итальянской литературы и итальянского языка [Текст] / В. Ф. Фишмарев. – Л.: Наука, 1972.
164. *Шмелев, Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973.
165. *Юлдашбаева, Г. Ф.* Парадигматика иноязычного существительного в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Г. В. Юлдашбаева. – М., 2005.
166. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

167. *Якобсон, Р. О.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание [Текст] / Р. О. Якобсон. // Введение в языкознание: Хрестоматия / сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырева и др. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 331–340.
168. *Янко-Триницкая, Н. А.* Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода [Текст] / Н. А. Янко-Триницкая // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 153–167.
169. *Ярцева, В. Н.* Контрастивная грамматика [Текст] / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981.
170. *Bernelle, A.* Voyageurs en bournous. Vie et language [Texte]. – P., 1956. – № 52. – P. 293–299.
171. *Bocchiola, M.* Ortografia pratica dell’Italiano dalla A alla Z [Testo] / M. Bocchiola, F. Ilardi. – Milano: Hoepli, 2001.
172. *Borodina, M.* Phonétique historique du français [Texte] / M. Borodina. – Léningrad, 1961.
173. *Brunet, S.* Les anglicismes // Brunet S. Les mots de la fin du siècle [Texte]. – P., 1996. – P. 45–56.
174. *Brunot, F.* Précis de grammaire historique de la langue française [Texte] / F. Brunot et Ch. Bruneau. – 3-e éd. – P., 1949.
175. *Burney, P.* Les langues internationales [Texte] / P. Burney. – 2-e éd. – P.: Presses univ. de France, 1966.
176. *Calvet, L. J.* Histoires de mots [Texte] / L. J. Calvet. – P.: Ed. Payot, 1993.
177. *Catach, N.* L’orthographe française. Traité théorique et pratique [Texte] / N. Catach. – P.: Nathan, 1986.
178. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of Language [Text] / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
179. *Dubois, J.* L’emprunt en français. Information littéraire [Texte] / J. Dubois. – P., 1963. – № 1. – P. 10–16.
180. *Germa, P.* Du nom propre au nom commun: dictionnaire des éponymes [Texte] / P. Germa. – P.: Bonneton, 1993.

181. *Greimas, A.-J.* Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIV-e siècle [Texte] / A.-J. Greimas. – P.: Larousse, 1984.
182. *Guiraud, P.* L'étymologie. – 2-e éd [Texte] / P. Guiraud. – P.: Presse univ. de France, 1979.
183. *Guiraud, P.* Les mots étrangers [Texte] / P. Guiraud. – P.: Presse univ. de France, 1965.
184. *Hall, R. A.* La struttura dell'Italiano [Testo] / R. A. Hall. – Roma, 1971.
185. *Harris, J.* Hermes, or philosophical inquiry concerning universal grammar [Text] / J. Harris. – 2-nd ed. – London, 1765.
186. *Iskos, A.* Deutsche Lexikologie, vermehrte und verbesserte Auflage [Text] / A. Iskos, A. Lenkowa. – Leningrad: Prosweschenie, 1970.
187. *Litvinenko, E. V.* Historia de la lengua española (на исп. яз.) [Text] / E. V. Litvinenko. – Kiev: Вища школа, 1973.
188. *Masson, M.* Xénographies, anglographies et mondialisation [Texte] / M. Masson, R. Honvault-Ducrocq // Liaisons-AIROÉ, 2006. – N 39–40. Ecritures en contact. URL: <http://www.airoe.org>
189. *Migliorini, B.* Lingua contemporanea [Testo] / B. Migliorini. – Firenze, 1963.
190. *Mittérand, H.* Les mots français [Texte] / H. Mittérand. – 6-e éd. – P.: Presses univ. de France, 1981.
191. *Nerrière, J.-P.* Don't speak English, parlez globish [Text] / J.-P. Nerrière. – P.: Nouvelle édition, 2006.
192. *Oksaar, E.* Sprache und Gesellschaft [Text] / E. Oksaar. – Düsseldorf, 1992.
193. *Spence, N.C.W.* Qu'est-ce qu'un anglicisme? [Texte] / N.C.W. Spence // Revue de linguistique romane. – Strasbourg, 1989. – T. 53. – N 211 / 212. – P. 322–334.
194. *Spender, D.* Man made language [Text] / D. Spender. – London: Routledge and Kegan Paul, 1980.

195. *Strasser, S.* Understanding and Explanation / Basic Ideas Concerning the Humanity of the Human Sciences. – Pittsburgh, 1985.
196. *Trabalza, C.* Storia della grammatica italiana [Testo] / C. Trabalza. – Bologna, 1963. – P. 520–523.

Научное издание

Т. И. Зеленина, Л. М. Малых,
Н. В. Буторина, Ю. Н. Кочурова, И. А. Федорова

**Сравнение лексики европейских языков
в диахронии и синхронии**

Коллективная монография

Ответственный за выпуск Т. И. Зеленина
Редактор Е. Ф. Осипова
Оригинал-макет: А. О. Талашев

Подписано в печать 30.04.2014
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,24. Уч. изд. л. 14,18.
Тираж 100 экз. Заказ № .

Издательство «Удмуртский университет»,
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207
Тел./факс: +7(3412) 500-295 E-mail: editorial@udsu.ru